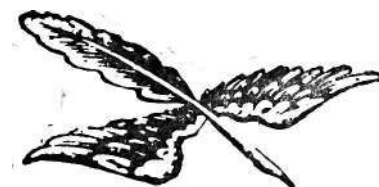

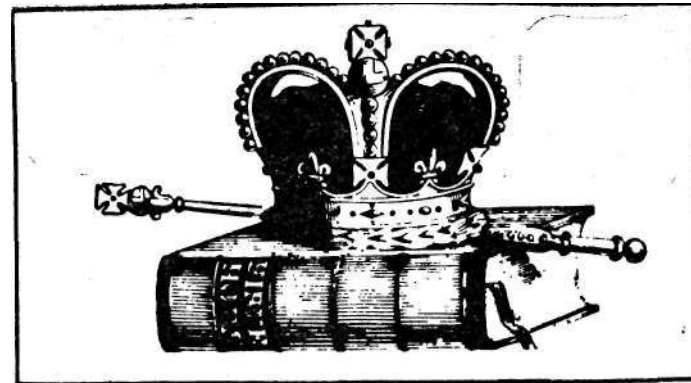
Григорій Распутинь.

РЕНЕ ФЮЛОП-МИЛЛЕР
СВЯТОЙ ЧЕРТ
РАСПУТИН
И ЖЕНЩИНЫ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

КИЕВ «МЫСТЭЦТВО» 1991

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемый читателям исторический роман написан современником событий, происходящих в нем. Это обстоятельство во многом обусловило живость и достоверность в описании основных его героев: Николая Второго, его супруги Александры Федоровны и Григория Распутина, а также всех реалий общественной и политической жизни предреволюционной России.

Перевод с немецкого В. АДАМОВА

Издание подготовлено по заказу и при участии Московского Малого государственного предприятия «Магика».

Редактор С. П. СНЕЖКО
Художник Ю. Г. НОВИКОВ

4703010100—028

без объявления

М207(04)—91

ISBN 5—7715—0560—9

Издательство «Мистецтво», 1991
Художественное оформление —
Малое государственное предприятие
«Магика», 1991

«Святой черт» — таким было название одного из памфлетов, направленных против Распутина и вышедших из-под пера иеромонаха Илиодора. Обвинения и утверждения этого памфлета дали немало сведений для создания фальшивого образа Распутина, который представлялся в нем как главный виновник заката старой России.

Портрет, созданный ненавистью врага-неудачника, с тех пор стал шаблоном и только так воспринимается общественностью. Неурядицы революции долгое время не давали возможности внести коррективы в этот образ, поскольку нормой стали революционные фразы, которым не было дела до истины. Важен был политический эффект. Не учитывалось даже, что в таких условиях едва ли не самым желанным мог бы стать исторический портрет, который наглядно разоблачал негодность прежней социальной системы и ее представителей.

И все же для революционной России в ее борьбе против действительно устаревшей и поэтому губительной системы, каковой был царизм, искажение личности и ситуации могло оказаться если не справедливым, то простительным. Не обходилось и без того, что в основе верное описание Распутина из-за мещанской тяги к сенсациям и скандалам приводило к его изображению в черно-белых тонах, как «черта в человеческом облике». Действительно, в то время была необходимость сразу после крушения донести до масс возбуждающие истории о русском царском дворе, притом без всякого критического исследования. Отсутствие фантазии в этих бульварных историях и вялость кри-

тической мысли привели к тому, что поверхностный образ, несмотря на его банальность, утвердился окончательно.

Чтобы дать убедительность этому фальшивому образу, была сочинена столь плохо обоснованная биография Распутина. Пришлось педантично сопоставлять и восстанавливать даты, имена людей и названия населенных пунктов, всегда опираясь только на истину. Кто знаком с литературой о Распутине, встречает множество как будто точнейших данных. Но эта точность обманчива. И только барон фон Таубе в своем фундаментальном труде не повторил бездумно данные о Распутине, а рассмотрел их критически и сопоставил. В результате он стал единственным, кто выполнил ценную работу по этой теме.

Был еще один нерешительный и слабый голосок правды среди воплей лжи, оставшийся почти не услышанным. Дочь Распутина Матрена в тоненькой брошюрке попыталась защитить память о своем отце. Естественно, то, что дочь считает «правдой о Распутине», является лишь полуправдой. Святая любовь отбрасывает напрочь все теневое и представляет прекрасного, во всех отношениях идеального человека, каким знала Матрена отца. Но насколько близок к действительности такой образ? Ведь Распутин не всегда был только простым и любимым человеком. Но он бывал и таким. И эта сторона не только уравнивает его ошибки и слабости. Она значительно дополняет и расширяет его личность и придает ей по-настоящему привлекательный характер, заслуживающий исторического, психологического и чисто человеческого интереса.

При беспристрастном анализе всего имеющегося материала в дальнейшем недопустимо представлять фигуру Распутина по банальным характеристикам как шарлатана или, наоборот, святого старца. Распутин не был абсолютным злодеем, но и не был идеальной личностью. Он не был отвратительным развратником, но и не был святым. Он был полным сил человеком, одаренным многими достоинствами, со многими слабостями, был многосторонней, противоречивой и сложной личностью. Так что адекватный ее анализ требует взвесить все «за» и «против».

Сознавая, что противоречивость человеческой жизни всегда неизбежна, автор отнимает оружие у врагов Распутина, требуя, чтобы для защиты своих взглядов они использовали только истину. Именно поэтому предложенное Илиодором название памфлета «Святой черт» взято как заглавие настоящей книги.

Описание Распутина и его окружения в книге основывается на канцелярских документах, полицейских протоко-

лах, дневниках, письмах, показаниях очевидцев и других тщательно проверенных источниках. Ничто не в состоянии так красочно возродить образ Распутина во всей кажущейся противоречивости, как этот документальный материал. Принадлежат эти документы отрезку времени, не имеющему себе равных по жутким событиям. И люди, о которых мы узнаем из документов, выходцы из необычного мира, являющегося порождением чрезвычайной ситуации. Речь идет о русском обществе непосредственно перед стихией большевистского переворота.

Глава 1

ОБЛИКИ РАСПУТИНА

Рослый, примерно сорокалетний крестьянин, коренастый и жилистый, в грубой льняной мужицкой рубашке, подпоясанный простым кожаным ремешком, в белых штанах и высоких тяжелых сапогах. Таким появился впервые Григорий Ефимович Распутин в салоне графини Игнатьевой, где трижды в неделю собирались любопытствующие дамы петербургского общества, сановное духовенство, монахи, политики, интриганы и придворные. Здесь с огромным нетерпением ожидали его, «нового святого», «чудотворца» из села Покровского. Когда он на крестьянский манер большими громыхающими шагами, раскованной походкой вошел к ним и неприветливо поклонился, его грубое некрасивое лицо вначале обмануло надежды гостей.

Крупная голова была покрыта непричесанными каштановыми волосами с неряшливым пробором посередине и длинными патлами. На высоком лбу имелось темное пятно, след давней травмы. Рябой широкий нос выпирал вперед, а узкие бледные губы прятались под неухоженными рыхлыми усами. Потемневшая от солнца и непогоды кожа была испещрена морщинами и глубокими складками. Глаза прятались под широкими, выпирающими наружу бровями. Правый глаз был обезображен желтоватым наростом. Все лицо заросло дикой темно-русой растрепанной бородой и производило совершенно необыкновенное впечатление.

Он подходил к каждому гостю пожать руку, хватал ее своими широкими мозолистыми ладонями и изучающе смотрел новому знакомому в глаза. Все при этом чувствовали себя несколько смущенными. Эти глаза были как-то по-особенному подвижны. Маленькие и бледно-голубые, они беспокойно бегали под сросшимися лохматыми бровями, как будто что-то искали, испытывали и проникали во

все, что находилось перед ними. В них было что-то беспоконное и сбивающее с толку. Если они мгновенно на ком-то останавливались, то тут же приобретали проникающую остроту, как будто могли заглянуть в самые сокровенные глубины души. Затем в них снова возникало неопишное выражение понятливой доброты и светлого снисхождения. Его хриплый крестьянский голос мог принимать прекрасное проникновенное звучание. Беседуя, он отклонял голову чуть в сторону, как это делают духовные лица, принимая исповедь. И тогда его речь струилась с хорошо продуманной монашеской мягкостью. Соответствующим был и его взгляд. В такие моменты гости графини Игнатьевой чувствовали, что перед ними стоит добропорядочный святой отец, которому можно безоглядно довериться.

Но вот опять его взгляд и речь меняются, как будто вспыхивает в этом особенном человеке испепеляющая чувственная алчность. Глаза начинают светиться, голос возбуждается, становится то горячим и страдающим, то доверчивым и вкрадчивым, слова и взгляд бесстыжими и циничными, полными едва прикрытых оскорбительных намеков. Затем опять перемена. Это поэтический взлет и истинное пламенное воодушевление, когда речь идет о религиозных темах. Его некрасивое лицо, когда он говорил, необыкновенно оживало. Иногда быстрая смена мимики и жестов достигала театрального уровня. При жестикуляции хорошо были видны руки крестьянина, грубой, но прекрасной формы, с длинными костлявыми пальцами.

Вскоре все женщины, начиная с дам высшего света и кончая деревенскими бабами и швеями, верили в Распутина, как в существо божественное. Да и мужчины всех сословий и профессий валили к чудотворцу толпой: министры, чиновники, маклеры и шпионы. Всем этим Григорий Ефимович вначале был очень удивлен, а потом избалован.

По мере того как Распутин упрочивал свое социальное положение, изменялся и его внешний вид. Он носил теперь дорогую шелковую блузу, вышитую голубыми, ярко-красными и светло-желтыми цветами. Это специально для него постарались придворные дамы. Простой кожаный ремень сменился на малиновый или небесно-голубой шелковый шнур с большой кистью. Распутин носил теперь брюки из английской ткани или черного вельвета, сапоги из мягчайшей кожи. Зимой на нем было дорогое пальто, на голове бобровая шапка и английские бурки на ногах.

Но даже в такой изысканной одежде, к которой причудили почитательницы, он не изменял своей беспечной и открытой крестьянской сущности. Вопреки всему, он ос-

тавался мужиком с нестриженными волосами и бородой, грязными руками и самобытной, до неприличия, крестьянской речью.

Однако все его выходки, которые при первом появлении в петербургском салоне показались грубыми и пошлыми, приобрели в глазах верующих поклонниц особое значение. Теперь, если ожидался его приход, собравшиеся томилась от напряжения. Когда, наконец, открывалась дверь и на пороге появлялся Распутин, присутствующие вздрагивали, как будто это предвещало необыкновенные события. Если он останавливался перед женщинами, чтобы, по обычаю странствующих монахов, трижды их расцеловать, они дрожали, охваченные религиозным трепетом, и называли его именами, каких удостоены только святые. Теперь все были убеждены, что в каждом его слове — Бог, во взгляде — Святой Дух, его прикосновение переносит поселившуюся в нем святость и на их грешные тела, а поцелуи и объятия освящают любого. Иногда во время разговоров он вдруг вставал и неожиданно требовал, чтобы женщины ему спели. И они пели на народный манер особо им любимые церковные песни, напоминающие гимны. Затем он выступал на несколько шагов вперед, оставаясь в центре собравшихся, засовывал руки за шелковый пояс и начинал медленно раскачиваться в такт пенью. Потом вдруг резко ударял крестьянским сапогом о паркет и начинал танец. Раскачиваясь, приближался он призывно к женщинам и заставлял их танцевать. Борода его развевалась, сапоги отбивали такт, глаза изучали партнершу, а взгляд смущал, как бы ощупывая. Остальные мужчины и женщины отрешенно сидели, как на церковном обряде, глядя на танцующего крестьянина.

Были, конечно, и такие, кто пытался бороться против распутинских чар. Они хотели сохранить благоразумие и призывали направить все силы на преодоление его покоряющего влияния. Но даже те немногие, кто пошел на такое, избегали встречаться непосредственно со взглядом Распутина. Тот не мог полностью употребить власть своего внушения, хотя и поглядывал хитрыми глазками на тех, кто сохранял нормальное человеческое выражение лица среди всеобщего восторженного экстаза.

Некоторые говорили о гипнозе, пытались этим сухим словом разрушить очарование чудотворцем, но это мало помогало в борьбе против живого влияния личности Распутина.

«Какие необыкновенные у него глаза», — признавалась одна из дам, пытавшаяся ему противостоять. Всякий раз, когда она с ним встречалась, все больше удивлялась силе

его взгляда, который, казалось, можно было выдерживать совсем недолго. Нечто тяжелое было в этом добром, мягком и в то же время хитро-плутоватом взгляде. Терялось сознание под чарами необычной воли, исходившей от существа Распутина. Но если чародей очень устал и ему хотелось исчезнуть, он где-нибудь задерживался или скрывался.

Очень молодая девушка, наслышавшись о чудесах нового святого, прибыла в столицу из провинции и искала его, чтобы получить духовную поддержку. До этого она видела лишь портрет, а теперь попала к нему на квартиру. Когда он к ней вышел и заговорил, то показался обыкновенным сельским священником, каких она в своей деревне повидала немало. Его мягкий монашеский взгляд и простая прическа темно-русых волос, обрамлявших обыкновенное лицо, внушали доверие. Когда же он к ней приблизился, она тут же почувствовала, что за добрыми и мягкими глазами прячется совсем другой человек, таинственный, хитрый и похотливый. Он присел напротив, склонился к ней, и тут его глаза из светло-голубых вдруг стали совершенно темными. Из провалов глазниц на нее был направлен острый взгляд, проникающий и сковывающий. Свинцовой тяжестью налились конечности. Он приблизил лицо, искаженное желанием. Она ощущала горячее дыхание на своих щеках и заметила, как его горящий взгляд из глазниц медленно ощупывал ее онемевшее тело. Потом он с чувственным выражением закрыл веки. Его голос превратился в странный шепот. Он шептал ей на ухо необычные похотливые речи. Тут она, околдованная соблазнителем, как бы издалека стала вспоминать, что пришла сюда говорить о Боге. По мере того как стала осознаться первоначальная цель посещения, тяжесть в теле исчезла, и оцепенение прошло. Он тут же заметил перемену в ее состоянии, полускрытые веки приподнялись. Он встал, наклонился над нею, тихо потрепал девчоночьей прическу и поцеловал в лоб бесстрастным и кротким отеческим поцелуем. Его только что искаженное желанием лицо совершенно успокоилось и стало добрым, как у странствующего монаха.

В доброжелательном, благосклонном тоне разговаривал он с посетительницей, поднимая ко лбу в благословении правую руку. Он стоял перед нею в позе Христа, изображаемого на старинных русских иконах. Его взгляд стал снова мягким, приветливым, почти покорным. И только в глубине маленьких глазок пряталось едва заметное «другое», похотливое и бесстыжее. До боли разочарованная и обескураженная, юная девушка поднялась, быстро

попрощалась и покинула квартиру Распутина. В ее сердце осталось только сомнение: кто этот человек — святой или развратник?

Другая женщина, дама высшего петербургского света, объясняла французскому послу с высокомерной иронией, что у Распутина грязные руки, черные ногти и неопрятная борода. «Фу!» — восклицала она, говоря о нем. Но тут же отмечала зажигательную, необъяснимую смену распутинского взгляда, жестов и слов, ум, таинственность, доброту, твердость, доверительность, одухотворенность, лиричность и притягательность природы, которые никого не могли оставить равнодушным.

Влияние Распутина распространялось не только на женщин. Французский посол сам испытал влияние создателя, когда впервые с ним встретился. Месье Палеолог через своих доверенных знал о Распутине только недоброе. Он представлял его шарлатаном и особенно ненавидел за мирные выступления, направленные к измене России своему французскому союзнику.

Когда посол ожидал как-то прихода близкой знакомой, вдруг со страшным грохотом открылась дверь в приемную. Вошел Распутин, грубо обнял хозяйку и долго с нею разговаривал. Как это присуще дипломатам, Палеолог наблюдал за ним недоверчиво и внимательно. Он отметил, что у удивительного монаха обычное лицо. Однако сильное впечатление производили его глаза, голубые, как лен в цвету. Посол был мгновенно очарован. Пришлось признать, что распутинские глаза казались сразу пронзительными, детскими, коварными, непосредственными и отрешенными. Когда речь его оживлялась, можно было подумать, что его зрачки «заряжены магнетизмом».

Месье Жильяр, француз — воспитатель наследника престола, встречался с пресловутым шарлатаном и ненавистным противником войны Распутиным лишь единственный раз, в передней царских апартаментов, когда тот уходил из дворца. Специфическое неприятное ощущение овладело учителем. Когда он встретился взглядом с Распутиным, у него появилось твердое убеждение, что это сильный и опасный человек. В глубоком беспокойстве он поспешил оторвать взгляд от лица Распутина и покинуть комнату.

Даже князь Юсупов, сразу же возненавидевший Распутина, относившийся к нему с предубеждением, считавший его несчастием для России и вошедший в доверие к

чудотворцу, чтобы его убить, с большим трудом избегал чар, которые и на нем испытывал Григорий Ефимович.

В доме престарелой дамы Головиной и ее дочери, считавшихся вернейшими приверженками Распутина, убийца впервые должен был встретиться с будущей жертвой. Пока женщины, затаив дыхание, с возбужденным взглядом и горящими щеками, как заколдованные, ловили каждое слово Распутина, Юсупов мог наблюдать за удивительным монахом, сидящим рядом с ним в кресле. Он видел его впервые, впервые слышал его голос, и все скверное и противоречивое, что он знал об этом человеке, наглядно подтверждалось. Избалованный женщинами крестьянин наполнял его глубокой неприязнью, действовал необыкновенно отталкивающе. Привлекательность казалась грубой, без признаков утонченности. Смех, предназначенный для слушательниц, звучал болезненно, чувственно и жестко. Лицо напоминало плутоватого похотливого сатира. Все в нем было сомнительным и вызывало недоверие. Едва ли когда-нибудь еще князь Юсупов наблюдал что-нибудь более отталкивающее, чем эти маленькие, бесцветные вблизи, необыкновенно глубоко посаженные и близко между собой расположенные глазки. Иногда они как бы исчезали из виду, и тогда было трудно понять, открыты они или нет. Лишь неприятное болезненное ощущение подсказывало князю, что Распутин за ним наблюдает. До юного высокомерного аристократа быстро дошло, что в сверлящем взгляде этих мерзких глаз есть что-то сильное, таинственное, почти сверхъестественное.

Позднее Юсупову пришлось в полной мере познать силу распутинского взгляда. Втираясь в доверие, он посетил его квартиру, якобы желая попросить врачебного совета. Юный князь из любопытства подчинился распоряжениям Распутина, последовал в спальню и там улегся на диван. Когда Распутин взглядом и поглаживающими движениями рук пытался его усыпить, Юсупов сохранял ясность сознания и установил, что вся практика лечения чудотворца не что иное, как гипноз самого низкого сорта. Распутин, неотрывно глядя ему в глаза и медленными движениями поглаживая грудь, шею и голову, низко наклонился над ним и молился, прикасаясь ко лбу. Потом вдруг отскочил и прекратил гипнотические действия. Юсупов подавлял влияние этих приемов напряженным усилием воли, но вскоре почувствовал, как по телу распространяется особая теплота и оно цепенеет. Язык уже не повиновался, и он напрасно пробовал крикнуть или подняться. Все члены оставались неподвижными и тяжелыми, как свинцовые.

Прямо перед собой он видел могучие и огромные глаза Распутина. Они фосфоресцировали. Как бы два острых луча исходили из них, сливались вместе и, вращаясь, образовывали раскаленный круг, который то приближался, то удалялся. Веки у Юсупова тяжелели и медленно опускались. Он был близок к тому, чтобы оказаться во власти этого мерзкого шарлатана и заснуть. Собрав последние остатки воли, он заставил себя отчаянно сопротивляться, пока не удалось сбросить наваждение. Он покинул квартиру Распутина с твердым намерением как можно скорее уничтожить этого человека.

Спустя несколько месяцев под сводами уютно обставленного особняка сидел Юсупов за накрытым столом напротив своей жертвы, по желанию которой исполнял цыганские напевы. Он угощал Распутина отравленным вином и, затаив дыхание, наблюдал за выражением его лица, ожидая, что враг вот-вот рухнет мертвым. Но Григорий Ефимович один за другим осушал стаканы со смертельным напитком и продолжал сидеть в жутком молчании. Его склоненная голова опиралась на руки, а мутные глаза приобрели траурное выражение.

Но вдруг лицо его меняется. Теперь оно горит дьявольской ненавистью, как будто он сейчас твердо узнал, зачем сюда попал и что с ним произойдет. Он встает, и в глазах появляется выражение кротости и мягкого смирения. Юсупов достает оружие и стреляет.

Убийца ищет пульс, ощупывает неподвижное, еще теплое тело и пытается его вынести. Но тут с ужасом замечает, что веки Распутина начинают двигаться. Лицо конвульсивно вздрагивает, открывается левый глаз, затем правый. Глаза смотрят по-змеиному, с зеленоватым блеском, наполненные страшной ненавистью к убийце. Снова действуют чары этого взгляда. Юсупов стоит, как парализованный, в безмолвном отрешении, будучи не в состоянии ни позвать на помощь, ни убежать. Вдруг умирающий поднимается, издает дикий крик и прыгает. Его судорожно сжатые пальцы как тиски сжимают плечо Юсупова и подбираются к горлу. Хрипло шепчет Распутин имена тех, кто изменил ему. На губах появляется пена. Через минуту он мертв. Труп переносится на лестничную клетку и там укладывается. На левом виске — огромная рана, лицо изуродовано и залито кровью, в глазах — печать смерти.

Долго стоит Юсупов перед трупом. И вдруг в нем снова просыпается ненависть. Дрожа от бешенства, хватает он железный прут и хлещет истерзанное тело.

ГОДЫ УЧЕНИЙ И СКИТАНИЙ

Гриша, малолетний сынок извозчика Ефима Андреевича Распутина из села Покровского, всему предпочитал конюшню. Там он мог часами сидеть на низенькой завалинке под светом тусклого фонаря, широко раскрытыми светлыми глазами рассматривать огромных животных и, затаив дыхание, слушать топтание копыт и фырканы. На деревенской улице Гриша был шаловливым, диким и даже внушающим страх мальчиком, зачинщиком всех неблагоприятных проделок крестьянских ребят. Но как только он в своих не по росту длинных и широких холщовых брюках вместе с отцом или одним из батраков появлялся в конюшне, тотчас преображался. Его детское личико вдруг приобретало необыкновенную серьезность, а взгляд говорил о напряженном внимании. Вся маленькая фигурка становилась подтянутой, как будто он здесь приобретал на целый день настоящее мужское достоинство. Твердо и размеренно вышагивая за взрослыми, он как будто шел в святилище, подобное церкви, где нужно быть спокойным и серьезным. Но лучше всего было оставаться с лошадьми наедине. Тогда Гриша тихо и осторожно проходил вперед, взбирался на какую-нибудь подставку, чтобы дотянуться ручонкой до теплого крупа животного и ласково его погладить. Таким нежным он не бывал ни с родителями, ни с сестренками.

Иногда он осторожно подходил к двери, выглядывая во двор, не подходит ли кто, с ловкостью обезьяны взбирался на деревянные ясли и, хватаясь за железные прутья кормушки с сеном, садился на спину лошади. Он прижимал свои горячие щечки к шее коня и говорил длинные нежные речи, на какие способно только детское сердце, понадеявшись лишь ему и этим животным.

Это общение с копиями было большой радостью для мальчика. Ему нравился тусклый свет криво висящего фонаря, в полумраке высвечивающего то лошадиные спины, то кучи соломы. Всегда с восторгом прислушивался он к шорохам конюшни, и никогда не надоедало ему доверительно прижиматься ручонками или щеками к теплым бокам животных.

Да, конюшня была для него самым прекрасным местом. Но с удовольствием резвился он и с деревенскими мальчишками на лугу, с интересом наблюдал и за тем, как отец на берегу Туры ловит рыбу. Однако всем этим радо-

стям он предпочитал конюшню, лошадок, считая их самыми верными бессловесными друзьями и тайными союзниками. Вот и получилось, что Гриша стал лучшим знатоком лошадей, даже по сравнению со старыми извозчиками Покровского. И если с лошадьми происходило что-то необычное, посылали за Гришей.

Но особенно чудесной стала для него конюшня с того вечера, когда отец впервые начал читать ему толстую книгу с красивыми картинками про детство Иисуса. С горящими глазками ловил Гриша каждое слово повествования о святом Иосифе, деве Марии и новорожденном, который лежал в хлеву в яслях. И пришли три волхва, чтобы ему поклониться. С тех пор в отцовской конюшне всё стало казаться исполненным особого значения, известного только ему одному, о чем он никому не имел права сообщить.

Однажды, когда старого Ефима не было дома, Гриша пробрался в большую комнату, встал на стул и достал с карниза большую книгу, ту, что читал ему отец. Затаив дыхание, листал он тяжелый фолиант в толстом переплете, пока не нашел ту картинку, на которой был изображен хлев и ясли с Иисусом в голубой, красной и золотистой красках. С нетерпением дождался он вечера, когда после ужина смог снова попросить отца почитать книгу. Сидя на коленях старого Ефима, он рассматривал только красивые картинки, а отец продолжал читать о том, что произошло с маленьким Иисусом дальше, как он вырос и спас мир.

Каждый вечер приходилось теперь Ефиму Андреевичу по просьбе сына браться за книгу. Скоро Гриша уже знал все картинки, да и буквы вскоре перестали быть для него бессмысленными значками. Пока он слушал отца, медленно водившего пальцем по строкам, самостоятельно понял смысл букв и искусство складывать из них слова.

Вот так и рос Гриша Распутин между двумя таинственными мирами: полной чудес конюшней и толстой книгой с красивыми рисунками и черными знаками, которые начинали говорить на собственном языке.

Грише Распутину было двенадцать лет, когда в его жизни произошла непредвиденная катастрофа, влияние которой пришлось переживать еще долгие годы. Он со своим старшим братом Мишей играл на берегу Туры, и вдруг Миша упал спиной в реку. Не раздумывая, маленький Гриша бросился за братом. Оба мальчика так бы и утонули, если бы не спас их проходивший мимо крестьянин,

Миша заболел в тот же день тяжелейшим воспалением легких и вскоре умер. Гриша остался в живых, но был так потрясен, что слег в тяжелой лихорадке.

Он вскоре выздоровел и снова мог играть и заниматься своими любимыми лошадьми. Но что-то внутри него изменилось. Прежде румяное и круглое детское личико запало и побледнело. И если вечером оно розовело, то это был лихорадочный, нездоровый румянец. В его натуре также произошли странные перемены, доставившие его родителям немало хлопот. Что, собственно, происходило в нем, никто точно сказать не мог, и даже деревенский знахарь оказался бессильным. Вскоре опять мальчик слег в изнурительной лихорадке и в полубреду провел много недель. Не оставалось ничего другого, как поместить больного на «черную половину» в темный угол большой кухни. Близилась зима, по деревенским улицам гулял холодный ветер, а там было теплее и уютней. Кухня была также самым любимым местом для всех домашних, и больной ребенок оказывался всегда под присмотром. В вечерние сумерки приходили в гости крестьяне и располагались на широких скамьях вокруг печи. Хозяйка угощала водкой, сибирскими сладостями и допоздна обсуждали деревенские события.

На одном из таких вечеров собравшиеся разговаривали только шепотом, потому что маленькому Грише снова стало плохо. Безучастно лежал он часами с закрытыми глазами, повернув маленькое личико к стене. Гости приглушали голоса до тех пор, пока не заговорили об особо важном событии. В прошлую ночь было совершено преступление, взбудоражившее всех покровских крестьян. У одного из беднейших извозчиков украли из конюшни единственную лошадь. Несчастный остался совершенно нищим, без надежды на что-то лучшее. Добрые люди из Покровского, старые и молодые, начали поиск вора и его добычи. Но все усилия были напрасны. Ни в одной деревенской конюшне украденную лошадь не обнаружили. Усталые и продрогшие, рассказывали крестьяне о поисках. Они искренне возмущались преступлением, ибо для извозчика такое злодеяние является тягчайшим. Эти люди, считавшие грешными и слабыми братьями беглых преступников и нередко скрывавшие их в деревнях, к конокрадам не знали снисхождения.

Крестьяне, собравшиеся в этот вечер в «черной половине» у Ефима Андреевича, тряслись от ненависти к вору. Особенно их возмущало то, что была уведена единственная лошадь у бедняка, Жена Ефима, Анна Егоровна, уже

не раз просила всех успокоиться, чтобы не мешать больному ребенку. На улице совсем стемнело, и только лампа посреди стола слабо высвечивала сидящих вокруг печи мужчин.

Тут вдруг больной ребенок встал и в белой спальной сорочке, спадающей до полу, с мертвенно бледным лицом и с ужасающим сиянием бледно-голубых глаз подошел к крестьянам. Пока те еще не пришли в себя, ребенок остановился среди них, несколько секунд пристально смотрел перед собой и вдруг метнулся к похожему на курицу мужику. Обхватив его колени, а потом плечи, он по-кавалерийски забрался тому на спину и судорожно рассмеялся: «Ха-ха-ха, Петр Александрович! Ты увел коня! Ты вор!» Прекратив произвольный детский смех, он, дрожа от возбуждения, бил мужика ножками в грудь, как бы прищипывая, и продолжал кричать, что Петр Александрович — конокрад. Его тонкий голосок звучал так пронзительно и глаза так странно сияли, что присутствующим стало не по себе. Они не знали, что ответить на обвинения, так как Петр Александрович считался очень достойным зажиточным человеком. К тому же он, как и все, был до глубины души возмущен кражей и сразу же потребовал незамедлительного преследования преступника. Больше всех были обескуражены старый Ефим и его жена. Если бы маленький Гриша только что не переболел сильной лихорадкой, Ефим Андреевич тут же бы его выпорол, поскольку в воспитании был очень строг. Анна Егоровна пыталась поскорее замять неприятное происшествие и многократно извинялась перед уважаемым Петром Александровичем. Другие гости тоже пробовали его успокоить. Глубоко уязвленный, Петр Александрович в конце концов подобрел и выразил сочувствие в связи с тяжелой болезнью Гриши. Когда крестьяне в тот вечер расходились, настроение стало таким же дружественным, как и до происшествия.

Тем не менее не все гости забыли слова ребенка. Они, как это присуще крестьянам, стали обдумывать, что и как. Некоторые из них решили проникнуть во двор Петра Александровича ночью. Вскоре собрались все, кто не забыл о происшествии. В полной темноте, бесшумно, натываясь друг на друга, они на животе проползли под оградой двора подозреваемого и вдруг увидели, как тот, тоже тайком, вышел из дому, огляделся, не следит ли кто за ним, и, никого не заметив, пошел в дальний угол двора. И тут крестьяне стали свидетелями, как Петр Александрович выводит из укрытия украденного коня и исчезает с ним в темноте,

На следующее утро крестьяне один за другим стучались в дверь к Ефиму и рассказывали, крестясь и призывая в свидетели Матерь Божию со святым Георгием, что Гриша в ляхорадке познал истину и Петр Александрович действительно конокрад. Торопливо сообщали они, как следили за злодеем, изловили его и избили до полусмерти. Теперь они были убеждены, что сам Господь говорил устами мальчика.

Относительно этого «чуда» можно полагать, что мальчик почувствовал что-то в словах Петра Александровича, знакомое по другим подобным набегам на покровские конюшни.

Григорий Ефимович Распутин вырос обычным деревенским парнем, как и другие, занимался домашним хозяйством, ухаживал за девушками и вел довольно беспорядочный образ жизни. Но он был дельным помощником, что не мешало ему чуть ли не каждый вечер напиваться до бесчувствия. Он немного изменился, когда во время одной из деревенских посиделок, на которой собралась вся деревенская молодежь, он обратил внимание на красивую блондинку Прасковью Федоровну Дубровину и влюбился в нее. Но после того, как эта черноглазая стройная девушка стала его женой, Гриша не изменил своего образа жизни и снова погряз в компании собутыльников и деревенских девушек.

Тут с ним случилось второе большое событие, о котором он рассказал только своему единственному другу Михаилу Печеркину, когда они шли вдоль берега Туры, беседуя об урожае, скотине и девушках, и вдруг заговорили на божественные темы. По его рассказу, это произошло во время пахоты, когда он закончил борозду и хотел развернуть лошадь. И тут услышал позади чудесный хор, как будто пели девушки. Он обернулся и прямо перед собой увидел чудный лик святой Богородицы, парившей на золотых лучах полуденного солнца. Вдруг зазвучал тысячеголосый ангельский хор, и ему подпевала дева Мария. Явление продолжалось несколько мгновений. Глубоко потрясенный, Григорий Ефимович понял, что не в состоянии продолжать работу. Вечером он пришел на конюшню поглядеть коней и почувствовал необъяснимую тоску. Он осознал, что Господь поручает ему особую миссию, но желает сначала испытать, сможет ли он ради этой миссии покинуть коней, хозяйство, родину, отца, жену и детей. И решил, что лучше не думать о чудесном видении и никому о нем не рассказывать. Никто из его близких, за исключением Печеркина, так и не узнал об этом.

Выйдя из детского возраста, Распутин продолжал дело своего отца и развозил товары и пассажиров по бесконечным дорогам, по городам и деревням, вплоть до Тобольска, Тюмени и даже города Верхотурье. Лишь летом приходили суда по Туре в Покровское и шли вверх до Тюмени или вниз по Тоболу до Тобольска. Кто хотел попасть в эти места зимой, должен был нанимать кибитку или сани, и Григорий многих развозил по населенным пунктам Тобольской и Пермской губерний.

Лишь в возрасте тридцати трех лет кончилась его кочевая жизнь и, благодаря случайной встрече, наполнилась новым содержанием. Однажды послушник Милентий Заборовский, студент духовной семинарии, нанял его для поездки в Верхотурьинский монастырь. В пути между извозчиком и седоком завел разговор о вере и церкви. Семинарист был удивлен превосходством этого простого крестьянина в понимании вопросов религии. Молодой теолог проникся участием к ямщику и убедил его, что грешно такие способности разменивать на бестолковую кочевую жизнь. Слова седока произвели на Распутина большое впечатление. Его мысли о Боге и вере, которыми Григорий интересовался еще мальчишкой, снова встали перед ним, и проснулись чувства, пропавшие за многие годы пьянства и разврата.

Новое учение, которое усвоил Григорий от пассажира, не было строго церковной верой, которая ему, несчастному слабому грешнику, не оставляла надежды на спасение. Это было скорее радостное наставление, которое и порочному человеку уже здесь, на земле, дарило небесное благословение. Нужно только следовать известным предписаниям «истинной» веры. Семинаристу удалось уговорить Распутина на посещение Верхотурьинского монастыря, для того чтобы там и остаться.

Верхотурье было одним из тех редких монастырских братств, которые, в соответствии с образом жизни обитателей, были, скорей, большой крестьянской избой, чем местом для религиозных раздумий. Хотя монахи и выполняли довольно строго все монастырские правила, усердствуя в предписаниях устава, они занимались также сельскохозяйственными работами и другими делами мирского характера. Для Григория было совсем не трудно включиться в это наполовину крестьянское братство. Он принимал участие в молитвах и покаяниях, работал в поле. Совсем скоро, к своему удивлению, заметил, что братство разделено на две группы, одна из которых является чем-то вроде заключенных, а другая — их охранниками. Эти отношения

по возможности скрываются, и никто о них прямо не говорит. Постепенно Распутин выяснил, в чем тут дело. Одни были открытыми или тайными приверженцами еретического учения хлыстов, а другие специально посланы в Верхотурье православной церковью, чтобы вернуть заблудших на путь истины. Но уже долгое время Верхотурьинский монастырь рассматривался как место для наказания отколовшихся от церкви духовников. И напрасно власть имущие надеялись, что посылаемые сюда со всех концов Сибири люди когда-нибудь откажутся от своей ереси.

Распутин осознал, наконец, странные речи юного семинариста, рекомендовавшего его сюда. Он вспомнил, как сильно отличалось учение его седока от привычного церковного. Постепенно возникло желание присоединиться к секте. Узнал также Григорий, что сосланные сюда монахи только на словах отказываются от заблуждений, хотя и строго придерживаются церковных предписаний. Чем ближе узнавал он братьев во время работы или на отдыхе, тем больше убеждался, что они бесконечно далеки от того, чтобы распрощаться с ересью. И даже большинство «охранников» прониклось верой сектантов. Таким образом, весь монастырь только внешне был православным, являясь в действительности очагом ереси.

Почти всем монахам строгие церковные обряды представлялись ненужным хламом, исполнение которых необходимо только для избежания конфликтов с руководством. Истинную же веру каждый хранил в душе и говорил о ней тайком среди единомышленников, верных заветам некоего Данилы Филипповича, двести лет тому назад основавшего братство «божьих людей», или хлыстов. Он приказал: «Держите мои заветы в тайне, доверяйте их только отцу с матерью. Оставайтесь стойкими и бессловесными даже под плетью и в огне. Тогда вы войдете в Царство Небесное и еще на Земле примете благословение Духа Святого».

Силы свои секта черпала в скрытности. Чтобы сохранить эту скрытность, чтобы уберечь истину от какой-либо профанации, основатель предписал формально придерживаться «ложной веры», строго ей следовать и проявлять в ней особое усердие.

Вскоре Распутин был втянут в секту и проявил большое старание в соблюдении ее правил, в результате чего почти тут же его допустили на изнурительные монастырские молитвы, как кающегося грешника. Он все глубже и глубже втягивался в таинства секты. Постепенно он узнал от братьев, почему церковные молитвы, обычаи и все дела

церкви оставляют человека в темноте. В этом виноваты ее руководство и попы. И только пророк тайного богатства знает правильный путь для своих последователей: ведь учение церкви держится на буквах, земных и лишенных света, в то время как слово хлыстов передается непосредственно от Бога всеми почитаемыми пророками. Тот, кто обретает милость непосредственного общения с Духом Святым и Господом, не нуждается больше в придуманных человеческим разумом законах церкви. Вот и Данила Филиппович только вначале, до озарения, усердно штудировал Евангелие и другие божественные тексты. Однако позже, когда пришел к благодати, выбросил в Волгу все книги и с тех пор искал правду в «золотой книге жизни».

Таким путем Распутин, новый приверженец секты хлыстов, постепенно отходит от «писанного» учения церкви и следует мистическому непосредственному «божественному переживанию». Он также стал видеть в ортодоксии лишь пустоту, ничего общего не имеющую с душевной святостью, и стал доверять только велению Святого Духа, превратившись в настоящего «Сына Господа» или «подобного Христу», то есть в убежденного приверженца хлыстов. Перед ужином он исповедовался, отбывая бессмысленные поклоны перед иконостасом, заведомо зная бессмысленность такого занятия. Как и все хлысты, фальшивую набожность он не считал греховной. Сохранять внутри себя чистую «истинную веру» и напоказ следовать официальным предписаниям церкви, т. е. исповедовать «двойную веру», для многих в России стало нормой, поскольку всякое отклонение от ортодоксальной веры жестоко преследовалось и церковными, и мирскими властями. Эта «истинная вера» так называемых «божьих людей», которой постепенно проникался Распутин, открыла ему целый мир своеобразных надежд и возможностей. Ведь сектантская вера учила, что человек уже на земле в любое время и в любом месте может соединиться с Богом и что Господь часто воплощается в человеке. Назаретское чудо появления Сына Господня в человеческом образе считалось многократно повторяющимся.

Во время земного существования грешный человек может прийти к Богу и вкусить все небесные радости, если он сперва познает «тайную смерть Христа», смерть при живом теле. Тот, кто рождается из плоти, несет в себе проклятие Адама, погрязает в грехах и, умирая, исчезает. И только родившись во второй раз, уже от Духа, человек не подвластен законам смерти и а состоянии прожить святую жизнь. Хлысты учили, что «тайная смерть» может быть

достигнута через самоотречение и безусловную покорность воле Святого Духа, потому что воскресение возможно, если прежде грешный человек все это преодолет. Тот, кто «тайно воскрес», получает возможность творить чудеса — исцелять больных и предвидеть будущее. Живущий в нем Святой Дух позволяет воскрешать мертвых, вызволять грешные души из ада и по своему усмотрению направлять их на небеса, а в день Страшного Суда определять греховность. Такой человек — новый Христос.

С удивлением узнавал Распутин, что Христос из Назарета уже много раз воплощался в образ захудалого русского крестьянина и ходил среди народа. Господь ведь особенно полюбил святую Русь и открывается простому русскому человеку. Сам Бог Отец опускался на русскую землю в огненной колеснице, окруженной ангелами. Это было в Муромской волости Владимирской губернии, Стародубском земстве. Там перевоплотился он в образ Даниила Филипповича. Он прошел через деревни Костромской губернии, беседовал с простым народом и указал истинный путь к святости.

И Христос, Сын Божий, время от времени, как и сам Господь, является на землю, выбирая для своего пребывания тело грешного мужика. Столетняя крестьянка из деревни Максаково Владимирской губернии на смех всем односельчанам забеременела от такого же столетнего старца. Иван Тимофеевич Суслов, сын этой крестьянки, вырос в доме своих родителей и ничем не отличался от других парней. Он пил вместе с ними и вел беспорядочную жизнь до тех пор, пока не повстречался ему Данила Филиппович, узнавший в нем сына своего Христа и пригласивший в свой дом во Владимирской губернии.

С благоговением слушал Распутин, как Данила Филиппович и Иван Суслов, Бог Отец и Бог Сын, попали прямо на небо и до сего времени благочестивые крестьяне видят их там. Иван Суслов выбрал себе в апостолы двенадцать крестьян, и они шествовали по берегу Волги, пока царь Алексей Михайлович их не арестовал, доставил в Москву, где Иван Суслов был распят на кремлевской стене. В субботу, на третий день после смерти, он поднялся из могилы и явился перед апостолами. В другой раз снова его схватила стража, опозорила и прибила к кресту, но он и в этот раз восстал из мертвых. Когда его арестовали в третий раз и должны были казнить, царица родила сына, Петра Алексеевича, ставшего потом Петром Великим. По случаю такого радостного события царь освободил Ивана Сулова из темницы, и тот еще тридцать лет прожил в Москве,

В возрасте за сто лет вознесся он на небеса, чтобы вноёе соединиться со своим отцом.

После того вознесения Христос должен был опять, как Спаситель, воплотиться на русской земле. На этот раз избрал он себе тело одного из стрельцов Батурицкого полка, восставшего против Петра Великого и изгнанного в Новгород. В образе скромного стрельца Прокопия Лупкина бродил Христос снова среди любимых им русских крестьян.

Когда тело Прокопия Лупкина окончило брэнное свое существование, Спаситель вселился в тело Андрея Петрова, полоумного крестьянина, который зимой и летом, одетый лишь в рубаху, блуждал по деревне, что-то бормоча и нелепо жестикулируя. Но искушенные крестьяне тут же узнали в дурачке Спасителя, пали перед ним на колени и воскликнули: «Христос Андрюша, благослови нас и спаси наши души!»

Крестьяне считали, что тот, кто «тайно умер и снова воскрес», уже не человек, а Дух Божий. Откровения Духа Святого возвышеннее того, что доступно человеческому пониманию. И получается поэтому так, что многое в словах и поступках перерожденных воспринимается как глупость или сумасшествие. Посвященные же знают, что именно в кажущейся дурачье проявляется Дух Господень. Именно поэтому указания Господа непонятны людям и спрятаны под маской глупости.

Если даже такие рассказы про все эти чудесные перевоплощения божества так увлекали Распутина, то история с вторичным возвращением Господа в тело пророка Радаева стала для него озарением. Несколько десятилетий тому назад ходивший среди людей Радаев был погрязшим в пороках грешником, чьи прегрешения превосходили распутинские. Радаев познал все плотские улады и жил в открытом разврате сразу с тридцатью женщинами. Тем не менее он стал пророком. Несмотря на все прегрешения, в нем заговорил Дух Святой. Его приверженцы стали почитать в нем воплотившегося Бога и слепо верили каждому слову. Они были убеждены, что все законы существуют только для людей ничтожных, а для избранных, устами которых глаголет Дух Святой, их нет. Поэтому избранные могут не подчиняться властям и земным законам.

Радаевские грехи не были грехами, поскольку они исходили от Божьего Духа. Даже его отвратительное поведение было в глазах Господа таким же праведным, как самые лучшие и чистые поступки простых людей. Когда царские слуги предложили ему прекратить порочную жизнь и

покаяться, Радаев гордо ответил: «Не понимаю, в чем мне каяться? Я знаю свои грехи, но Господь во мне их знать не хочет!» Когда за распутство пророка привлекли к мирскому суду, он объяснил, что целиком завладел им Дух Святой и все поступки у него — вынужденные. «Я сознаю, что иду против закона, но знаю и то, что поступаю по воле Господа. Поэтому все женщины, что грешили со мною, для Бога лучше, чем те, что мне противились и остались добродетельны. Через меня проявляется Господь, взявший себе мою плоть, а плотское грешит, чтобы грехи истреблялись. Только у тех, кто до греха опустил, покаяние истинно и угодно Богу. Я унижал женщин, жертвовавших для меня целомудрием, чтобы они не гордились своей непогрешимостью. Что может лучше сломить гордыню, чем унижение во грехе?»

И слушал Григорий, что после смерти Радаева Спаситель еще не раз вселялся в тела русских крестьян, да и сейчас в разных местах появляется среди верующих. Он может оказаться в любой деревне в образе крестьянина, говорящего как все односельчане, носящего ту же одежду и не умеющего ни читать, ни писать. Везде, где собираются на торжественные церемонии тайные братья, «божьи люди», на общину нисходит Дух Святой. Он выбирает брэнную оболочку достойнейшего, и Христос обретает новое тело. Русская земля рядом с раем Господним. Рядом может быть и дорога. И начинается она в какой-нибудь деревенской избе, где собрались верующие, чтобы живыми вознестись на небеса.

В этой вере нашел Распутин все то, к чему тянуло его с младенчества. Он увидел путь, который, вопреки всем слабостям его природы, уже на земле позволит приобрести небесную святость. Если удастся заполучить Духа Святого и умереть «тайною смертью», то можно в дальнейшем испытать все грехи, и они будут освящены Господом. С тех пор молодым Григорием Ефимовичем овладело горячее стремление использовать учение хлыстов для своих целей.

Прежде чем покинуть Верхотурьинский монастырь, Григорий решил посетить святого старца Макария. Изба этого отшельника была неподалеку от монастыря, и никто не мог покинуть обитель без благословения этого святого человека. Не только монахи, но и люди всех сословий приходили к нему при затруднениях, притеснениях или после свершения преступлений для покаяния. Среди паломников, босых, с непокрытыми головами и мешками за плечами, идущих к седому старцу из бескрайних сибирских лесов и

поселков, были и нищие, и богатые крестьяне, мещане и аристократы, солдаты и офицеры. Никто не ушел от старца, не получив слова утешения и совета. Через паломников слава о Макарии разнеслась по всей России.

От своих тайных братьев Распутин узнал, что святой отец раньше был великим грешником, человеком, не знавшим сострадания. Он прошел через все земные соблазны и познал все радости жизни. Но потом, когда он очистился от грехов, когда не только в чувствах, но и в мыслях не осталось никакой злобы, он смиренно отдал Господу свое чистое сердце, разум и плоть. Говорили, что сначала он пошел в монастырь и провел там долгие годы, занимаясь беспощадным самобичеванием, чтобы в последний раз испытать, сможет ли его плоть служить одному Всевышнему. Когда же он уверился, что прежний человек в нем действительно принял «тайную смерть», ушел в лес и поселился в небольшой хижине. С тех пор он не подвержен земным слабостям и даже железные вериги, опоясывающие его тело, совсем ему не тяжелы. Земные ограничения не для него. Он видит и слышит сквозь пространство и время и может предсказывать судьбу. Он стал святым именно потому, что не доверился никому, кроме самого Бога.

При посещении старца Распутин хотел решить, вернуться ли ему опять к жене и детям, к собутыльникам и лошадям, или посвятить жизнь тем же возвышенным идеалам, к которым воля Божья призывала еще с детства. Перед посещением Макария Григорий пошел сначала к раке, где хранились мощи святого Симеона Верхотурьинского. Там в долгой и усердной молитве он черпал силы и святость для своей души, необходимые при встрече со старцем.

Схима Макария находилась глубоко в лесу, и туда нужно было долго шагать. Это была неухоженная бедная хижина, в которой места едва хватало на одного человека. Тело старца, истощенное, как скелет, было перевязано железными цепями. Взгляд был доброжелательным, бесцветные губы застыли в ясной улыбке, голос звучал тихо и слабо, как легкое дыхание, но в нем слышались теплота и живость.

Войдя к старцу, Григорий тут же распростерся ниц и покрыл поцелуями сдавленные железными веригами костлявые руки. Затем он с присущей ему простотой изложил то, что с ним было, ничего не утаивая. Он описал свою жизнь, неподобающие помыслы, плотские влечения, что мучили его в монастыре, а также чудесные явления, ему привидевшиеся. Он говорил о слабостях и сомнениях, рассказывал, что нашептывал внутренний голос. Он желал бы

посвятить себя Богу, но в то же время тоскует по жене и детям, по земной жизни и хозяйству.

Говорил это Распутин со смиренно опущенной головой. Затем поднял глаза и увидел, что Макарий мягко и сочувственно ему улыбается. Старец возложил ему на голову изможденную правую руку. Висевшие на ней вериги тихо звенели. «Ликуй, сын мой,— вдохновенно произнес отец Макарий.— Среди многих тысяч Господь выбрал тебя! Ждет тебя великое. Оставь жену, детей, коней и странствуй! Ты будешь слышать голос земли и научишься понимать ее слова. Потом вернешься в мир людей и расскажешь им, о чем говорит русская земля!»

Распутин вернулся из Верхотурья в Покровское только для прощания со своими родными. Отец Макарий благословил его на странствия. Он ведь сам познал, что покаяние и истязания являются только подготовкой к истинному пути. Чтобы пройти этот «истинный внутренний путь», надо испытать «обычную дорогу», т. е. стать пилигримом, потому что для русских крестьян обновление через «тайную смерть» всегда связано со странствиями в буквальном смысле. Тот, кто пошел в паломники, бросает имущество, родину, покидает отчий дом, семью, родителей и все, что было с ними связано. Странствия являются главнейшим содержанием русской мистики. Люди самого разного возраста в один прекрасный день покидают вдруг на произвол судьбы поле и двор, погружаются в неизвестность и «умирают» для близких. Они отказываются от прежнего имени, сжигают документы и забывают родителей, жену и детей. Уходя в «странствие», они никогда не пошлют весточки, не дадут о себе никакого знака. У всех этих сектантов, желающих найти внутреннюю дорогу к «тайной смерти», брак считается невыносимой, даже дьявольской обузой, так как он привязывает человека к месту. Согласно предписаниям веры хлыстов, законный брак является греховным по отношению к Святому Духу, и всякий «божий человек» обязан развестись с законной супругой или, по крайней мере, воздерживаться от супружеской близости. Хлысты проклинали благословляемый попами законный брак и считали его печатью Антихриста. Все другие формы любви, не привязывающие человека к месту, они признавали. Всякий приверженец секты считал себя вправе заменить «поповское благословение» на брак с одним или многими браками «в Боге», благословляемыми самим Господом.

Тысячи странствующих сектантов пересекали российские

просторы по всем направлениям, делая это как без всякой цели, повинувшись только внутреннему чутью, так и предпринимая паломничество к святыням христианской веры — в Афон, Иерусалим и даже на гору Синай.

Почти в каждой русской деревне живут простые крестьяне, состоящие в тайном братстве «странников». Их задачи — давать приют пилигримам, если их преследуют власти. На подворьях у них соорудались специальные помещения — сараи, подполья или пристройки без окон. Пока странник пробирался из одного темного укрытия в другое, превращаясь в «подпольника», он полностью отвыкал от прежней жизни. В конце концов, уже никто не знал его настоящего имени и никто ни о чем не спрашивал. Ни с чем земным не связанный, он жил для своей души, занимаясь угодными Богу делами. Он приобретал репутацию человека необычного, и крестьяне были счастливы быть с ним. Уважали их порой даже больше, чем церковных попов. Когда странник чувствовал, что пора кончать паломничество, ему иногда удавалось приобрести репутацию святого. Он становился «премудрым» или «старцем», и со всей страны шли к нему верующие, чтобы получить совет и благословение. Все греховные мысли и чувства в нем постепенно гасли, и начинался процесс «тайной смерти».

Много лет Распутин был в странствиях, и это имело огромное значение для его развития. Он глубоко познал русский народ и необыкновенно хорошо изучил человеческую натуру. Это произошло потому, что в подземных убежищах он постоянно находился среди людей, которые, подобно ему, променяли прежние привычки на бродячую жизнь «подпольников». Кочевая жизнь и преследования жандармов приучали их незаметно наблюдать за людьми, угадывать их тайные намерения, учитывать их слабости и особенности. В контактах с представителями разных сект и противоборстве авантюрных идей он проникся глубокими тайнами русской души и воспринял истинные чувства, мысли и чаяния русского крестьянства. Он вступал в контакты со староведами, фанатичными буквоедами, взбунтовавшимися против церковных реформ и правок священных книг, проведенных патриархом Никоном, и считавшими любое изменение Писания делом рук Сатаны, а ортодоксальную церковь «вавилонской блудницей». Некоторые сектанты нещадно преследовались, так как они отказывались от воинской службы, ссылаясь на слово Божье: «поднявший меч от меча и погибнет». Часть фанатичных крестьян отказывалась платить налоги, не желая отдавать свое добро «сатанинской охране». Они бежали от властей и мечтали о приближении «но-

вого царства», «четвертого великого века», когда Святой Дух воцарится над землей, **накажет** слуг Антихриста и восторжествует справедливость.

Среди паломников и странствующих монахов приобрел Распутин знания и так хорошо усвоил библейские тексты, что потом мог удивить служителей церкви даже самого высокого ранга. И едва ли найдется период времени в дальнейшей его судьбе, на который не влияло бы это его пребывание в странствиях и укрывах.

Самым значительным результатом странствий Распутина явилось собственное толкование представлений хлыстов. Все, что он узнал в Верхотурье и что его захватило и очаровало во время странствий по деревням, наглядно подтвердилось. Он своими глазами увидел потайные крестьянские закуски, монастырские кельи и сараи, в которых проводились большие мистерии «чудесного перевоплощения». В этих «ковчехах» русских «божьих людей» Распутин узнал, что это за чудо «тайной смерти», и открыл, как используется потом все то, ради чего он готовил себя к бичеванию, странствиям, отказу от дома и земной жизни.

Мистерии хлыстов смотрелись очень своеобразно. Темные крошечные лачуги, в которых должны происходить чудеса, не отличались внешне от обычных избышек. Но переступив ее порог, увидишь вдоль стен неструганые скамейки, стол посередине и пару стульев. По субботам здесь собирается много людей. Как только зайдет «красно солнышко», окна плотно занавешиваются и члены секты безмолвно располагаются на скамьях, мужчины справа, женщины слева. Сидят они точно так же, как в своей избе, закончив работу в поле, за самоваром. Отдельно на двух стульях располагаются двое — мужчина и женщина. На них рубаха и платье из груботканой материи и запыленные сапоги. Но «божьи люди» с трепетом поглядывают на фигуры за столом. Они знают — этих, двоих из них выбрал Господь.

Вот начинается на манер псалмов или народных песен протяжное пение поминальных гимнов, в которых выражается тоска хлыстов по Царству Небесному, по слиянию с Духом Святым. Пение становится страстным, призывным, ликующим. Теперь гимны извещают о появлении Спасителя в сонме сияющих ангелов. Крестьяне сбрасывают одежду и обувь, и каждый облачается в белую рубаху из волокна крапивы, в память о чудесном воскресении Христа Ивана Суслова, когда в такой же рубахе обросло новой кожей

его изуродованное тело. Для «**божьих** людей» этот обряд с телой рубахой, символом ангелов и Святого Духа, **означает**, что они меняют свою земную сущность на духовную; В такой одежде особого покроя при свете двенадцати восковых свечей они самозабвенно продолжают пение во все нарастающем темпе. Наконец, один из них вскакивает и начинает кружиться в центре комнаты. Потом поднимаются и все остальные, становятся в пары, образуя хоровод, и начинают пляску в такт пению. В их мистическом сознании обыкновенный хоровод воспринимается как танец ангелов вокруг Христа, От которого исходят тайные предписания истинной веры. Для них в хороводе участвуют все силы небесные, в том числе солнце, луна и звезды. Весь Космос пляшет с сектантами до тех пор, пока «Господь не появится в круге, не затрубит в золотую трубу и не даст знать, что грехи прощаются».

Были и другие формы танца, но не в этом главное. Когда экстаз достигал огромной психологической силы, «божьи люди» чувствовали над головами крылья Святого Духа, и тогда свершалось великое превращение всего земного в небесное. Скамьи, стол, стулья, вся душная крестьянская комнатенка — все становилось внеземной «колесницей», которая через моря и океаны увезет верующих в царство Духа.

Тут исполняется слово Господа. Всемогущий Божий Дух обретает плоть. В бурном восторге «божьи люди» издают клич: «Святой Дух вселился в нас!» — и повторяют это, пока языки не онемеют и не найдет на них оцепенение.

Хоровод распадается, пение смолкает, и со своего места поднимается распорядитель оргии. Он начинает говорить, но голос его звучит утробно и невнятно, то как звериное урчание, то как детский лепет, то безнадежно-отчаянно, то с ликующими интонациями. Только посвященные в мистерии понимают, что тот, кто плачет и кричит, по-детски улыбается и корчит гримасы, в действительности одержим Святым Духом. Только они знают, что из него рождается человек, подобный невинному младенцу. Исполненные благоговения сектанты бросаются ниц перед новым святым, плачут от восторга, крестятся и прислушиваются к его благословенным речам.

Потом снова до рассвета продолжают пляски, более дикие и разнузданные. Беспорядочные голоса, топот ног и шорох одежды сливаются в невообразимый шум. Лица и фигуры расплываются. Длинные белые рубахи обвиваются вокруг тел, а пол комнаты становится мокрым от пота,

Вдруг, при продолжающемся неистовом коловращении, рубахи с «божьих людей» спадают по пояс и полураздетые сектанты выстраиваются перед пророком. Тот стегает их ивовыми прутьями, чтобы таким символом отметить зарождение нового человека в теле Адама.

Как Христос, сбрасывающий свой похоронный саван, вновь восставая в Духе, полностью скидывают одежды пляшущие мужчины и женщины. Охваченные дрожью, они тянутся друг к другу. Свечи потушены, женщины с растрепанными волосами обнимают мужчин и страстно их целуют. В «греховной схватке» валяются «божьи люди» на пол и перемешиваются друг с другом, невзирая на возраст и родство. В диком безумстве полностью гаснут сознание и воля, ибо нет у них больше земного «Я», а есть только воля Духа.

Чувственный и набожный Григорий Ефимович Распутин хорошо усвоил смысл перерождения через грех в этих оргиях. Он понял, что истинной внутренней жизнью наделяется тот, кто в «греховной борьбе» пробудит в себе себя прежнего и вызовет его на поединок для того, чтобы достичь «святого покоя». Никогда не сможет человек полностью преодолеть бранные земные связи, если не уничтожит в себе последние остатки самомнения и гордыни, в том числе надменность аскета и гордость добродетели.

Путь к истинной святости и смиренности вел Распутин только через «греховную борьбу», через отказ от всяких ограничений, через погружение во все тяжкие плотские грехи.

Глава 3

ПРОПОВЕДНИК ИЗ ПОДВАЛА

Прошло уже много лет, как Григорий Ефимович собрал свою суму, взял посох, миску для подаваний и отправился в странствие. Долго родные в Покровском не получали от него вестей. Его отец, старый Ефим, тяжело переносил уход сына. Крепкий парень был для него настоящей опорой. Трудолюбивый Ефим Распутин заметно расширил унаследованное хозяйство. На месте старого маленького домишка соорудил большое двухэтажное здание, расширил конюшню, и поголовье лошадей перевалило за дюжину. Его владения стали зажиточными и ухоженными, что нередко для Сибири. Но тут на него, как напасть, один за другим обрушились удары судьбы. Сначала Господь за короткий срок отобрал у него обоих сыновей, а потом верную, работающую жену Анну Егоровну, которая до последних дней вела все

домашнее хозяйство или сидела за прялкой, высокорослая, стройная и красивая, с серебристой сединой и веселыми глазами. Осенью во время поездки из Тюмени в Покровское она простудилась и через несколько дней скончалась. И остался у Ефима Андреевича только Григорий. Но и тот его покинул, отправившись в неизвестные дали.

Старик никому не жаловался, и от этого ему было еще тяжелее. Будучи набожным, он усматривал во всем этом Божью волю. Не сам ли мудрейший и почтеннейший старец Макарий благословил Гришу покинуть отца, жену и детей? Ефим Андреевич дал сыну отцовское благословение в святом убеждении, что служба Богу важнее работы по дому и в хозяйстве. И даже теперь, спустя несколько лет после ухода Гриши, утешался в своей печали мыслью о том, что его Григорий Богу нужнее. Эта мысль наполняла его душу чувством гордости. Господь поручил ему великое дело, ради которого нужно приносить огромные жертвы и терпеть нестерпимую боль. Чем прочнее его захватывала такая мысль, тем больше времени проводил старый Ефим в церкви или в своем доме, в комнате, где висел чудотворный образ Казанской Богородицы. Он часами молился, пренебрегая земными делами. Теперь он по возможности избегал соседей и случайных посетителей. И даже с Прасковей Федоровной, супругой пропавшего сына, и его подрастающими детьми оставался задумчиво молчаливым, не рассказывал увлекательных историй из прошлого, как раньше. Когда его просили распорядиться по хозяйству, он иногда смотрел на обратившихся к нему удивленным многозначительным взглядом, как бы говорившим: «Мы с сыном живем теперь только для Господа».

Тоску по Грише молодая жена переносила с трудом. Но она тоже была верующей и тоже искала утешения перед образом Богородицы. Однако недоставало ей той сильной, гордой веры, которая давала старому Ефиму силу преодолеть тоску по сыну. В ней были сильнее земные потребности одинокой женщины, чем требуемое по воле Бога смирение. Она чаще поглядывала на потускневшую фотографию супруга, чем на святые иконы. На этой фотографии, следанной заезжим фотографом из Тобольска, у Григория было добродушное и довольное лицо, прическа с четким пробором и тонкие светлые усы. Его поза и вся фигура излучали жаркое желание, и только где-то в глубине прятался праведный колочий взгляд.

К счастью для молодой женщины, ее печаль притуплялась благодаря домашним заботам и уходом за двумя детьми. Тем не менее на душе было беспокойно, и с годами она

тоже становилась молчаливой и замкнутой. Прасковья быстро старилась, и ее прежде привлекательное лицо принимало скорбное выражение. Через деревню нередко проходили странники или бродячие музыканты и по старой памяти просились переночевать у Ефима Распутина. Прасковья Федоровна тут же начинала их расспрашивать, в надежде что-нибудь услышать о Григории Ефимовиче. В такие мгновения ее глаза приобретали прежний блеск и лицо становилось молодым.

Первое время после ухода Григория случалось, что тот или другой паломник рассказывал, что он действительно встречал ее мужа и передавал от него записку. Иные разговаривали с Григорием Ефимовичем и прошли с ним часть пути. Кто-то встречал его в монастыре на Урале, другой сообщал, что видел его идущим по дороге в Казань, но были и такие, кто утверждал, что Григорий находится рядом, в лесу на другом берегу Туры. Но все это не могло быть точным, так как никто из странников не называл его имени. С годами такие сообщения приходили все реже и становились все сомнительнее, пока не перестали поступать совсем. На третий год после исчезновения Распутина среди крестьян пошли удивительные слухи о страннике, прошедшем через многие чудеса. Все чаще приехавшие в Покровское рассказывали об удивительных делах и новом учении загадочного человека. Если верить этим сообщениям, он должен сначала появиться среди рыбаков в верховьях Туры, провести много дней среди них, помогать им в работе и научить петь псалмы и священные песни. Он уже открылся рыбакам, что послан Богом и несет в себе Дух Святой. Как-то оказался он среди девок в поле во время жатвы, работал с ними и весь вечер поучал, что попы забыли Евангелие и святые слова Спасителя. Они, мол, ничего не знают о радостном послании, что всякий грех исходит через искупление, и Господь заблудшую овцу ставит выше стада.

Говорили, что удивительный странник удалялся в лес с привлекательными девушками и женщинами справлять особый божественный ритуал, во время которого он сначала ставил крест из сучьев и со своими поклонницами молился перед ним. Окончив молитву, он обнимал женщин, ласкал их, а потом танцевал и пел. Он объяснял, что эти поцелуи, ласки, пение и танцы есть новая служба для Бога, радующая Его. Особенно удивительным казалось то, что свои дивные танцы он сопровождал церковным песнопением, притом тех псалмов и молитв, которые женщины хорошо изучили в сельской церкви.

Вскоре среди крестьян поползли и более сомнительные

сплетни. Рассказывали, что чужак во время службы не ограничивается лаской. Неизвестный и его последовательницы разжигают большой костер, усердно молятся и поют священные песни. Танцуют они вокруг костра до тех пор, пока женщины не начнут сильно шататься. Тогда чужак восклицает особым голосом: «Смиритесь во грехе! Испытайте плоть!» Что происходит дальше, крестьяне осмеливаются произносить лишь шепотом. Во тьме ночного леса пилигрим совершает страшные грехи. Говорили, что таинственного старца во время странствий по лесам и степям сопровождают толпы женщин и девушек. Они бросают своих мужей и родителей, чтобы следовать за паломником в твердой уверенности, что только он способен спасти их души. В некоторых отдаленных деревнях видели, как он со своими поклонницами появлялся в общих банях. Прямо перед ними он полностью обнажался и требовал, чтобы и они раздевались тоже. Он заставлял смывать грязь с его ног, разъясняя, что такое смирение необходимо для умерщвления последних остатков добродетели и справедливости. Вначале крестьяне были убеждены, что этот странник — ложный пророк, посланный Сатаной. В самых резких словах это подтверждал и местный священник — отец Петр. Но тут появились сообщения о новых чудесных делах непонятного чужака, которые могли оказаться признаками великой святости. Пришло известие, что он в монастыре изгнал беса, вселившегося в монахиню; в другой раз предсказал событие, которое и случилось.

Как-то при ссоре с оскорбленными мужьями и отцами поклонниц паломник в угрозе поднял руки и выкрикнул: «Пусть три месяца вам не будет дождя!» И это проклятие осуществилось! Целых двенадцать недель нещадно палило солнце, и только в конце предсказанного срока пошел дождь.

Происшедшее окончательно укрепило у крестьян веру в старца. Кто, кроме посланца Бога, мог задержать дождь? Отец Петр может говорить что угодно, но чужак — настоящий святой, более святой, чем сам поп. Поп не в состоянии заказывать погоду!

Были в Покровском и те, кто ничему этому не удивлялся. Внешне они выглядели добропорядочными крестьянами, но в действительности придерживались еретического учения «божьих людей». Они-то и распространяли слухи. Для них тот, кто проповедовал о смысле греха, был Сыном Божиим. С восторгом пророчествовали они о приближении вновь воплотившегося Спасителя.

Действия странника, вызывавшие недоумение у православных крестьян, сектантами толковались по-иному. Раз-

ве они не стали свидетелями того самого перевоплощения, которое предсказал Радаев? Этот святой человек провозглашает ту же истину, по которой человек изгоняет грехи из тела и освобождается от всякой нечисти через плотские наслаждения. С благоговейным нетерпением ждали они, когда новый святой прибудет в Покровское, в свою общину.

Не только среди сектантов, но и в доме старого Ефима много говорилось о неизвестном старце, когда крестьяне, сноха, батраки и соседи собирались вечером за столом. Никто из деревенских и из паломников, с которыми встречался Ефим Андреевич, старца не видели. Но один крестьянин из Покровского однажды в Тюмени столкнулся со старым и большим мужиком из другой деревни, и тот сообщил, что видел, как старец с толпой молодых девушек и женщин прошел из леса через их деревню. Старик рассказал, что чудотворец — это худой мужчина среднего роста с длинной волнистой бородой, заросший длинными, до плеч, волосами, расчесанными на пробор среди лба, как у Иисуса на иконах. Глаза у него с острым блеском, лицо от бичеваний и лишений запало и все в морщинах, как у старика. Голос имеет мягкий и добрый. Хотя он вроде бы хороший и святой, от его взгляда старый крестьянин почувствовал необъяснимую дрожь.

Прошло много вечеров за такими рассказами и обсуждениями. И вот однажды ночью произошло большое событие — вернулся Григорий Ефимович.

В тот вечер Прасковья Федоровна наводила в доме порядок, и вдруг кто-то постучал в ворота. Она выглянула и увидела старого бородатого человека. Приняв его за одного из странников, не раз просивших ночлега у Ефима Андреевича, отворила дверь. И тут его узнала, узнала по бледно-голубым маленьким глазам. Она едва разглядела их на морщинистом, с растрепанной бородой лице, но тут же признала этот взгляд, в котором было что-то веселое и лукавое.

За этой встречей пошли другие странные события. Когда Прасковья, Ефим и дети поспешили к Грише, они заметили в нем полную перемену. Хотя он тоже радовался, но эта радость была другой, не похожей на мирскую. Уже первые слова приветствия звучали слишком торжественно и глубокомысленно. И когда все попытались повиснуть на шее Григория, он добрым и нежным, но в то же время решительным жестом не допустил этого. В благословении подняв правую руку, он совершил крестное знамение. На губах оставалось отчужденное выражение, а взгляд был направлен куда-то

вдаль. Его тощая фигура излучала такую торжественность, что отец, жена и дети смущенно отступили.

С тех пор Прасковья всегда испытывала благоговение перед мужем, как перед высокой и святой особой. Когда она в тот вечер начала готовить в обычном месте постель для своего супруга, ее взгляд упал на тощую его фигуру, и она тут же, как испуганная девочка, опустила голову, ощущая его превосходство и объятая священным смущением. Григорий Ефимович, только появившись в доме, пожелал открыть потайную дверь в подполье. Там обычно искали укрытия от властей странствующие пилигримы и те, кто по разным причинам искали уединения. Прасковье было не по себе вести мужа в тесный, темный подвал. Там, сразу же за обитой железом дверью, обдавало тяжелым, спертым и промозглым воздухом. Голое помещение со сводами из грубых камней освещалось крошечной лампадкой, в мерцающем свете которой образы святых казались призрачно шевелящимися.

В этой тесной и отдаленной камере надолго поселился Григорий Распутин, расположившись на голом полу, бичуя свое грешное тело и раскаиваясь. Когда Прасковья ночью пыталась заснуть на своей рогоже, к ней из подполья проникли стенания и молитвы Гриши. Сквозь тишину ночи прорывались мучительные стоны, переходящие в плач. Потом они неожиданно сменялись светлым, ликующим пением псалмов и священных гимнов. Поутру Прасковья со старым Ефимом спустились по темной лестнице, чтобы поглядеть на кающегося. Потрясенные увиденным, они застыли на пороге. Гриша стоял на коленях, распростершись на полу. Его исхудавшее тело скрючивалось от судорожных подергиваний, лицо почти касалось земли. Как монотонное оханье звучала его молитва с бесчисленным повтором «Господи, помилуй нас!». Дальше слова отделялись одно от другого и каждое в отдельности превращалось в крик отчаяния, переходящий в устрашающие вопли. Но тут кающийся вдруг затих, как будто бы Бог помиловал его. Болезненно скрюченное тело начало понемногу отходить. С пола поднялась голова, и длинные растрепанные волосы откинулись назад. Когда он дрожащими губами стал петь псалмы, на Прасковью и старого Ефима нашло особенное, никогда ранее не испытанное настроение. Неотвратимая внутренняя сила вынудила их стать на колени и подпевать Григорию. Но счастье просветления вскоре сменилось отчаянной вспышкой смиренного раскаяния, и тут Прасковья и Ефим склонили головы и стали умолять Господа о милости и прощении грехов.

Все чаще случалось, что Ефим и Прасковья подчинялись рыдающему голосу из подвала, спускались в мрачное убежище Гриши, чтобы с ним помолиться, все больше отходили от мирских дел и каялись вместе. С тех пор как они под плач и ликующее пение впервые опустили на колени, с ними тоже начали происходить изменения. Они уже не пытались даже сравнивать прежнего Гришу с кающимся. После того как они привыкли к этим изменениям, у них появилось твердое убеждение, что Гриша действительно самим Богом послан на странствие и стал истинным святым. Они больше не удивлялись, что такая редкостная Божья милость досталась именно Григорию Ефимовичу.

Когда в последующие дни среди покровских крестьян распространилась весть о возвращении Распутина, о его удивительном преображении, нашлись и те, кто засомневался в перевоплощении его в святого. Они слишком хорошо помнили этого легкомысленного деревенского парня, вечно пропадавшего в трактире, драчливого и равнодушно к девкам.

Один старый крестьянин, как член местного церковного совета, зачастую беседовавший с Ефимом Андреевичем, решил первым посетить его дом и лично убедиться в справедливости слухов. В сопровождении своего батрака пришел он во двор к старому Распутину и церемонно заявил, что наслышан об удивительном преображении, которое послал Господь на долю Гриши. Поэтому он всей душой желал посетить кающегося в его подвале. Ефим Андреевич показал ему дорожку через двор и пригласил спуститься по лесенке в подземную каморку Гриши.

Уже во дворе посетитель услышал унылый жалобный голос, доносившийся откуда-то из-под земли, и чем ниже спускался он по лестнице, тем неприятнее ему становилось. Сопровождавший батрак был очень рад, когда хозяин велел остаться во дворе, а сам пошел в погреб. Старый крестьянин какое-то время медлил, но любопытство победило. Он по-крестьянски ударил концом посоха об землю и исчез в подполье.

С вытянутой вперед шеей и выпученными от напряжения глазами следил батрак, пока хозяин не исчез в темноте. Потом он неподвижно стоял перед выходом, и сердце его колотилось от тревожного ожидания. По-прежнему звучал неприятный и устрашающий голос кающегося. Прошло немало времени, и из темного провала входа послышались тяжелые шаги крестьянина. Наконец, появился и он сам

из тесной норы подвала и вышел во двор. Любопытный батрак бросил взгляд на хозяина, увидел его лицо и перепугался так, что, несмотря на крайнее любопытство, не решился спрашивать. Он молча последовал за стариком, который тяжелой походкой, с опущенной головой, не спеша возвращался в село.

Вскоре все Покровское знало о плачах и ликующем пении Гриши, о его необычных словах. Рассказы же батрака о непонятной перемене в самом хозяине после возвращения из погребка внесли еще большее возбуждение. Для многих крестьян уже этих сообщений было достаточно, чтобы поверить в перерождение Григория Распутина в святого. К тому же описание старого крестьянина и его слуги соответствовало всему, что говорили о легендарном незнакомце из окрестных лесов. Все чаще появлялось мнение, что Гриша и есть тот самый таинственный паломник. Мысль, что из всех деревень губернии именно в Покровском появился святой, была достаточно волнующей, чтобы у его обитателей перехватывало дыхание.

Уже на следующий день многие крестьяне в своих тяжелых сапогах и с суковатыми посохами, а также крестьянки в пестрых платках и широких платьях потянулись к дому Ефима Андреевича. Среди них были не только убежденные сторонники нового святого, но и скептики. Всех их вело любопытство, и каждый пережил то же, что и старый крестьянин из церковного совета. Попадая во двор и слыша тревожный, жалобный голос святого из подвала, они немели от волнения. Когда же поочередно спускались в люк, то те, что ждали снаружи, отмечали, как по возвращении изменялось выражение их лиц. Преодолевая благоговейную робость, они расспрашивали вернувшихся об их переживаниях.

Крестьяне и крестьянки отвечали одно и то же. Обыкновенное земное любопытство заставило их спуститься в подвал. Однако увидев распростертого на полу святого, услышав его жалобные призывы и удивительные проповеди, они вышли совершенно другими. Среди этих посетителей были и те, кто когда-то ночи напролет кутили с Гришей и дурачились. Они меньше всех верили в его святость и спускались по лестнице с твердым намерением не менять своего мнения о прежнем собутельнике. Но и они оказались ничем не лучше остальных. Особенно глубокое впечатление новый святой оказывал на женщин и девушек. Когда они от него выходили, их родные и подружки замечали на лицах нежный румянец, какой появляется на щеках юных созданий при любовных свиданиях; глаза блестели, губы дрожа-

ли в улыбке, как будто эти глаза и губы знали блаженную тайну.

Скоро в Покровском никто не сомневался, что с Григорием Ефимовичем Распутиным произошло нечто необыкновенное. Конечно, многое из того, что говорил кающийся о спасении через грех, резко противоречило праведной вере, и поэтому некоторым крестьянам было трудно признать в Грише нового Спасителя.

Особенно обожали Распутина женщины и девушки. Складывалось впечатление, что именно они сразу же душой принимали новое учение. Если старые крестьяне, собравшись вечером у своих домов, с помощью сложных рассуждений пытались привести проповеди из подполья в соответствие с учением церкви, то не обремененные сомнениями женщины восхваляли святость Григория в самых восторженных словах. День ото дня росло число Гришиных сторонников, и вскоре в каждой избе был кто-то безусловно ему преданный. И только сельский поп, почтенный отец Петр, оставался непреклонным. Еще с тех пор, как только поползли слухи о новом «святом», а также позднее, когда проповеди из подвала распространились по всему Покровскому, начал он борьбу против тяжкого искажения истинной веры. При любой возможности он убеждал, что странник Гриша — посланник преисподней и его проповеди о спасении через грех — ложь сатанинская, которая порочит истинное Слово Божье. И будь проклят ренегат Гришка и всякий, кто станет жертвой его веры!

Это и нечто похожее повторял строгий отец Петр. Его плотная небольшая фигурка напрягалась, и в глазах вспыхивал недобрый свет, когда он заговаривал о Грише. Непомерно крупная голова, на которой венцом торчали рыжие волосы, лицо, заросшее курчавой огненной бородой, и горящие глаза создавали впечатление, что этот маленький разгневанный человечек готов сам в следующее мгновение сгореть в священном пламени.

Отец Петр видел, что, несмотря на все его проклятия, спускающихся в подвал становится все больше. И даже вернейшие прихожане принимали бесстыдное учение фальшивого пророка. С тех пор поп целыми днями сидел в своем домике, расположенном на горке в центре Покровского, и смотрел, надувшись, из окна. В деревню к обманутым сатаной крестьянам он больше не выходил. Его чистая вера запрещала любое соприкосновение со злом. Вот он и ждал дома от этих же крестьян вестей, какое еще кощунство совершил черт из подполья.

В следующий праздник отец Петр долго молился в углу

перед иконами и усердно обращался к Богу с просьбой дать силы предстоящей проповеди. Он знал, что по окончании предписанных службой молитв и церемоний начнется борьба с сатаной, и, чтобы заблудшие овечки вернулись на путь истины, нужны особые слова. Когда настало время службы, он заставил бить в колокола особенно громко, чтобы их чистый звон проник в самую отдаленную избу и возвестил о единственно правильной вере. Но над Покровским, видимо, висело проклятье. Рыдающий голос кающегося в подземелье звучал так же громко и призывно. И вместо церкви крестьяне один за другим стали спускаться по темной лестнице под своды подполья. Достопочтенный батюшка Петр, столько лет бывший духовным пастырем в селе, стоял печальный в этот великий праздник перед иконостасом. Только несколько старух и горстка самых верных крестьян пришли на службу. Торжественно одетые парни и девушки к нему не спешили. Все они собрались во дворе Ефима и ждали, когда их пригласит этот чертов Гришка.

С тяжелым сердцем провел отец, Петр церковную службу, дождался, когда верные сыны и дочери церкви покинут ее, склонился еще разок перед иконостасом и помолился о том, чтобы Господь просветил его, как превозмочь антихриста.

На следующий день он проснулся с непоколебимым намерением больше не молчать и не смотреть безучастно, как черт прибирает к рукам православное стадо. Как храбрый воин Царства Небесного он должен победить сатану оружием истинного евангельского слова. С горящим взором поспешил он в деревню к дому старого Ефима. Как святой Георгий, он был переполнен желанием одолеть дракона. Крестьян бросило в дрожь от предстоящей битвы. Они поняли, что наступил час решающего сражения священника с проповедником нового учения, и когда тот шел через двор, моментально уступали ему дорогу. Они уже давно не посещали церковь. Теперь же, когда увидели своего решительно шагнувшего духовника, снова почувствовали прежнее благоговение перед этим освященным Господом человеком и склонились в глубоком смирении. Но он не удостоил вниманием этих предателей, бросивших истинную веру.

Весь напрягшись, выпятив грудь, задрал голову так, что подбородок с рыжей бородкой торчал клином, он смело подошел к лестнице и исчез в темном люке. Крестьяне сбились в кучу и, вытянув шеи, ждали, что будет. Рыдающий голос в подземелье вдруг умолк, как обрезанный. Все затаили дыхание. Но тут голос кающегося снова ра-

зорвал тишину. Он резал слух, как лезвие хорошо заточенного крестьянского ножа. Крики следовали один за другим, и каждый вонзался, как нож в тело. Еще ни разу не слышали крестьяне такого голоса у святого Григория.

Пока они, все еще охваченные ознобом и дрожью, прислушивались к этим жутким звукам, из темной норы *поп* казалась фигура отца Петра. Но какой плачевный вид был у него! Дрожащий, с испуганным взглядом, как несчастная побитая собака, проскользнул он сквозь собравшихся и поспешил на улицу. Голос же в подполье заходил от крика, как бы продолжая и дальше преследовать убегающего попа.

Как помешанный, бежал маленький священник по улочкам и остановился уже у церковной колокольни. Сюда не доходил дьявольский голос из подвала. Здесь он понемногу пришел в себя. Что же с ним случилось? Там, в подzemелье, он точно знает, поселился Антихрист, который захотел завладеть его душой. Поэтому ему пришлось бежать под смех крестьян и крестьянок. Но задержись он на минуту, быть бы и ему во власти лжепророка.

Когда сейчас отец Петр думал о своем отколовшемся приходе, он уже мягче смотрел на слабости крестьян. Ведь и он сам, миропомазанный священник, едва не остушился. Но он знал, что борьбу с дьяволом не оставит.

Как только прошло наваждение, вызванное сатанинским голосом кающагося, он сразу почуствовал просветление. Быстро зашагал он к дому, сотворил молитву, достал из ящика ручку и на большом листе бумаги изложил все, что знал плохого о прежней жизни, делах и проповедях посланного Сатаной Григория Ефимовича. Прибавил много и такого, чего, собственно, и не знал, но что казалось необходимым для защиты святого дела. Под конец своего сообщения он не колеблясь отнес проповедуемое Гришей учение к хлыстовской ереси, а самого Гришу к посланцам этого грешного братства. Для чести истинной веры и спасения покровского прихода он требовал, чтобы власти без промедления со всей строгостью выступили против распространителя ереси. Письмо запечатал в большой конверт и послал епископу в Тюмень.

С чувством исполненного долга он ждал, что же будет дальше. Довольно скоро в Покровском появилась высокая комиссия во главе с самим епископом. Господа поселились в доме священника. Сюда для допроса местным жандармом доставлялись приверженцы еретического учения. Все, кто побывал в подполье, предстали перед строгим следствием.

Сначала допрашивали молодых женщин. Его преосвященство епископ попросил из комнаты всех членов комиссии, включая даже писаря. Он обращался к крестьянкам в отеческом тоне, как на исповеди. Но, к своему удивлению, он услышал лишь слова восхваления святого Гриши. С покрасневшими щеками, одна за другой они заявляли, что Григорий Ефимович истинно святой и богобоязненный человек и его речи исполнены глубокой веры. Затем старики, как и болтливые кумушки, тоже подтвердили, что не слышали в подzemелье ничего такого, что могло быть дурно истолковано. Это означало только, что вся деревня сговорилась защищать ложного проповедника от властей. Все заверяли, что Гриша произносил лишь Божьи слова, молился, постился и истязал свою плоть, служил Господу в глубоком раскаянии и со смирением. Епископ терял терпение, писарь нервно теребил перо своей ручки. Другие члены комиссии Думали уже о том, чтобы объявить расследование законченным. Тут, дрожа всем телом от бессильной ярости, вскочил со своего места отец Петр, трижды перекрестился и возбужденно закричал: «Крестьяне уже давно во власти Антихриста! За них говорит дух лжи! Может ведь высокая комиссия сама убедиться в грязных делах гнусного проповедника!»

Комиссия тут же решила послать отца Петра в сопровождении жандарма к дому Ефима. Они отправились в путь. Духовник сопровождал блюстителя порядка до входа в подполье. Жандарм с официальным выражением лица спустился вниз. Как только он вошел к Грише, тот упал на пол и стал усердно молиться. Его благоговение было таким искренним и глубоким, что жандарм, будучи тоже из простых богобоязненных крестьян, упал на колени и стал каяться вместе с Гришей. Тот заметил вошедшего и принял против него свои «меры»: подошел к жандарму, перекрестил и заговорил так, как тот никогда ни от кого не слышал. Потрясенный, схватил он благословляющую руку и стал ее целовать. Его обветренные крестьянские губы прошептали: «Отец Григорий, отпусти мне грехи!»

На обратном пути жандарм был очень молчалив. Поп же настойчиво расспрашивал, не убедился ли он сам в богопротивных речах Антихриста.

Комиссии доложил он кратко, что ничего подозрительного не случилось, и это было занесено в протокол. В итоге епископ предпринять против Григория Ефимовича Распутина ничего не смог и ограничился решением, что отныне проповедник из подземелья должен наблюдаться властями. Комиссия покняула Покровское, и отец Петр, к свое-

му безграничному разочарованию, понял, что дальше лучше не станет.

Чудесное преображение жандарма стало для крестьян новым доказательством святости «отца Григория». Впервые так его назвал именно жандарм. Из деревенского парня Гриша превратился в «отца», «старца». Совершился последний акт превращения русского мужика в святого.

Слава о новом старце распространилась вскоре далеко за пределы Покровского и проникла даже в соседние губернии. Со всех концов потянулись паломники, желавшие увидеть и услышать отца Григория. Они толпой собирались у подземелья, в котором прятался один из святых странников — Григорий Ефимович, чтобы из недр матушки-земли провозглашать правду для России — евангелие 'Странника, «истину человека из подвала».

Ничто не принесло такого уважения Распутину, как попытка властей его преследовать. Нечестивые охранники светской власти и раньше заковывали посланцев Всевышнего в кандалы, сажали в темницы и распинали на крестах. Гриша, которого хотели наказать за его святое учение, тоже стал мучеником за святое Слово Божье.

Во время страды, за пряткой, на завалинках домов, среди рыбаков, а также в тайных сектантских убежищах — везде не смолкали разговоры о новом святом чудотворце. Вспоминали, как он заговорил дождь, как вырвал монахию из когтей дьявола. Теперь никто не сомневался, что загадочный чужак и был отцом Григорием.

Прошли три недели, в течение которых Гриша проводил строгое покаяние в подземелье. Через 21 день он должен был снова появиться среди людей. Уже с раннего утра в этот знаменательный день народ собрался во дворе и на улице возле дома Ефима, чтобы присутствовать при явлении святого по окончании покаяния.

Утром в назначенный день опять раздались умоляющие крики, а за ними — ликующий псалом. Тут голос обыкновенного человека прервался. Толпа застыла в напряженной тишине.

Безмолвно и недвижимо стоят крестьяне. И вот в дверном проеме подземного убежища появляется из полутьмы строгая тощая фигура кающегося. У него блеклое и желтоватое, как восковое, лицо. Медленно, с достоинством выходит он во двор и оттуда — на улицу. Вся его фигура отображает серьезность, взгляд бледно-голубых глаз светится добром, радостью и дружелюбием. Из толпы к нему бросаются крестьяне, падают ниц, целуют руки и полу кафтана, восклицая: «Отче Григорий! Наш Спаситель!»

Он останавливается, склоняется над **поклонниками**, благословляет их и произносит: «Я пришел к вам, чтобы принести благую весть, которую дала мать-земля, весть о спасении через грех».

Он медленно проходит всю улицу до Туры, люди бросаются перед ним на колени. И вот он уже окружен девушками и женщинами и с просветленным лицом благословляет их. Кое-кто тут же целует одежду этих женщин, избранниц святого.

Старец останавливается на берегу Туры и обращается к толпе с проповедью, благословляет тех, кто с ним следует, мужчин отпускает. С ним остаются только поклонницы.

Крестьяне уходят глубоко потрясенные. Некоторые оборачиваются и видят, как святой, окруженный толпой женщин и девушек, идет к лесу и в нем исчезает.

Глава 4

ПЕРЕД ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВОМ

В длинном коридоре, ведущем в монастырскую **опочивальню**, уже больше часа учащиеся и профессора духовной академии окружали необычного сибирского мужика, попросившего приюта. Появился он как раз в то время, когда прилежные воспитанники с особым усердием склонялись над толстенными фолиантами. Студенты и преподаватели, даже в свободное время только и занимавшие толкованием правильного смысла каждого слова, каждой буквы святых строчек, с напряженным интересом прислушивались к мужичьей речи.

До этого они наблюдали за ним с некоторым пренебрежением, как за рядовым странником, прибывшим из какой-то отдаленной сибирской губернии. Но все же сразу обратили внимание на его необычную наружность и поинтересовались, кто он. Узнали, что это чудотворец из Тобольской губернии, уже известный у себя на родине.

Не раз уже бывало, что Петербургскую духовную академию навещали придурковатые мужики и находили в ней приют. Поэтому слушатели сначала лишь между прочим задавали вопросы столь необычно выглядевшему чудаку. С высокомерной снисходительностью высокоученых знатоков теологии они постоянно противопоставляли себя простому люду и спрашивали сибиряка о том и сем, меньше всего рассчитывая узнать что-либо ценное, лишь бы позабавиться над его безобидной неловкостью.

Но вскоре ответы Распутина засгавили слушателей быть внимательнее, ибо в них выражалось его собственное убеждение, уверенное и прочное, не позволяющее сбить с толку. Студенты задавали все новые и новые вопросы, толпа все росла и росла, к ней присоединялось все больше учителей, удивлявшихся метким ответам.

Некоторые студенты прекрасно знали, как вести теологические дискуссии, и умели запутать противника в противоречиях. Один из них, раздраженный тем, что в таком деле простой мужик оказался лучше его подготовлен, задал особо каверзный вопрос о Троице. Все уставились на крестьянина и ждали, каким образом человек, совершенно непривычный к сложнейшим зигзагам мысли в теологических выводах, сможет что-то ответить.

Григорий Ефимович по-крестьянски спокойно следил за путаными выкладками оппонента. Без малейшей робости своими небольшими светлыми глазами смотрел он на юного теолога и ждал, пока тот не выскажется. Затем помолчал секунду, как бы желая еще раз воспроизвести в своем мозгу прослушанное. Ответ был краток и состоял из нескольких обычных слов, и все-таки то, что сказал он, показалось блестящим и удивительно верным. Один за другим пытались счастья оробевшие спорщики, но с каждым происходило одно и то же: после изложения трудно доказуемой проблемы они получали от Григория Ефимовича сжатый ответ, и все собравшиеся были вынуждены усвоить, что ни один из них не в состоянии так быстро и безошибочно мыслить.

Со временем этот допрос начал менять свой характер. Если вначале надменные юные теологи хотели осмеять простого мужика, то теперь они проявляли своего рода почтительное удивление перед этим человеком, который ни в чем не позволил себя запутать и на все знал простые, серьезные и правильные возражения. И если теперь они спрашивали, то делали это не с целью поставить Распутина в неловкое положение, а потому, что им действительно нужно получить ответ на непонятные проблемы. Им становилось совестно за собственное высокомерное невежество. До них стало доходить, что учение по книгам не может быть единственным путем к знанию. Кому-то пришлось на ум Евангелие и вспомнилось, что его святые строки так же просты, наивны и безобидны, как речь этого крестьянина. Все полученное кропотливым трудом над книгами, трудом порой напрасным, старцу давалось само собой. Почему могло случиться, что он не так, как они, не как их учителя, в длительных наблюдениях, спорах и ум-

ствованиях, а в немногих словах способен выразить главное?

Студенты так увлеклись дискуссией, что совершенно не заметили, как их уважаемый преподаватель, ректор духовной академии отец Феофан тихонько подошел к группе. Маленький дряхлый старичок долго и дружелюбно наблюдал за странником своими мечтательными голубыми глазами. И вдруг раздался хорошо знакомый всем вкрадчивый голосок. Наступила тишина, и учащиеся переключили внимание на разговор почтенного ректора и удивительного крестьянина. Отец Феофан говорил со старцем в присущей ему чрезвычайно скромной манере: «Если позволите, батюшка... Только один вопросик». Произнес он это таким слабым голосом, что слова едва-едва можно было воспринять. Распутин поднял глаза и увидел прямо перед собой старого архимандрита и его добрый взгляд. Когда тот спросил его мнение об одной из строк Священного Писания, он помолчал секунду, но ответил без смущения, как будто не замечая высокого звания стоящего перед ним духовника. Его слова опять были ясными, краткими и меткими.

Ответ произвел на отца Феофана сильное впечатление. Он слегка кивнул изящной седой головой и произнес: «Да, батюшка, это правильно. Ты говоришь истину!» Затем он задал несколько других вопросов, на которые последовали исчерпывающие ответы. Тогда он перешел к трудной области греховного и поинтересовался, что об этом думает старец. «Ты скажи только, батюшка,— начал он еще застенчивее,— грех ведь для Господа необходим. Но как может быть такое, что наш Спаситель и все великие святые православной церкви проклинают грех как козни Сатаны?»

Гриша ответил на этот раз, ни на секунду не задумавшись. В его бледно-голубых глазах на мгновение появилась особая привлекательность, некая помесь смирения, доброты, плутовства и хитрости. «Конечно, батюшка,— заметил он,— наш Спаситель и святые проклинают грех, так как он порождение Сатаны. Но как ты думаешь, батюшка, изойдет ли из тебя зло, если раскаиваешься неискренне? И как ты можешь искренне покаяться, если не был грешен?» Он прервался на секунду. В его глазах пропало всякое смущение. Продолжение его речи прозвучало как обыкновенная брань раздраженного мужика. «Эх, все вы со своими писаниями,— бушевал он.— Писания! Поистине, я предостерегаю вас, батюшка, оставьте, наконец, эти тщеславные, ненужные взгляды, если хотите предстать

перед Господом! Берите жизнь такой, какова она есть, это единственное, что дал нам Господь. И позвольте еще сказать — не ломайте голову над тем, откуда грех исходит, и сколько молитв в день положено проводить, и сколько поститься, чтобы замолить грех! Грешите, если хотя бы однажды в вас вселился грех. Только так вы его сможете одолеть! Грешите, а потом раскаивайтесь, и зло изойдет из вас! Но пока вы тайно грех в себе носите, он только укрепляется молитвами, постами и бесконечной болтовней о Писании. Тогда вы останетесь лицемером и ничтожеством — а так не годится для Господа! Слышите вы, батюшка? Только тогда почувствуете Господа!»

Со страхом смотрели учащиеся на своего преподавателя. Безумие этих слов и беспардонно грубый тон, каким они были сказаны, смущали и ошеломляли. Некоторые справедливым возмущением, жестами, взглядом указали на несоответствие таких речей званию святого. Но слащавый, мечтательный отец Феофан оставался совершенно спокойным и готовился к возражениям. Тут замолчали и студенты. Затаив дыхание, они ждали, что будет дальше. Но ничего не случилось. Медленно заговорил ректор, начав с возражений, но, взглянув на крестьянина, запнулся, стал повторяться, вконец запутался и пролепетал лишь несколько несвязных фраз. Его веки опустились, и он покачнулся. Все закружилось перед ним, и только горящие глаза Распутина казались ему опорой. Между тем Григорий Ефимович продолжал говорить. Его слова падали на архимандрита, как камни, и тот задрожал всем телом.

Отец Феофан быстро одолел приступ слабости. Когда он пришел в себя, Распутин уже не казался таким жутким. Его глаза смотрели ясно и приветливо, голос звучал спокойно, а слова стали простыми и понятными. Ректор снова и снова задавал вопрос за вопросом и одобрительно кивал серой птичьей головкой на каждый ответ, приговаривая: «Да, батюшка, это все правильно, ты говоришь истину!»

Было уже поздно, и архимандрит собрался, наконец, почитать. Как обычно, он благословил каждого своего ученика, подошел к страннику и поднял правую руку. Но как-то сила ее опустила, и губы его произнесли: «Благослови ты меня, батюшка!» Потом, слегка смущенный, быстрыми шагами поспешил в свою келью, повернулся еще раз на лестнице и крикнул на прощание: «Утром пораньше зайди ко мне, батюшка! У меня будет его преосвященство епископ Гермоген. Хотелось, чтобы он тебя выслушал!»

Вечером учащиеся еще долго не могли заснуть, об-

суждая случившееся. Многие из них, боязливо сомневаясь, стали понимать, что ни к чему все их усилия в учебе, если простой крестьянин оказался ближе к истине. Они почувствовали, что сегодня в их очаге книжного обучения впервые прозвучало живое слово и что они посрамлены этим словом, что показали перед ним всю свою беспомощность.

И отца Феофана мучили в эту ночь подобные же мысли. Он не мог признать, что смысл евангельского слова Григорий Ефимович умеет толковать яснее и лучше, чем он сам. Но почему случилось так, что все знания и комментарии, вся тщательно разработанная теологическая наука ничего не стоят в сравнении с непосредственным разумением простоватого крестьянина? Напрасно пытался найти выход из своих сомнений седой духовник. Действительно ли святой Григорий Ефимович? И как это соотносится с его порочными речами о грехе? Или в этом есть доля божественной истины? Или Распутин никакой не святой, а посланник Сатаны для смущения душ верующих? Единственным утешением, какое отец Феофан смог найти в эту ночь, стала надежда на предстоящую встречу Распутина с епископом Гермогеном. Этот поистине благой, ученый человек и знаток человеческой души мог объяснить, кто такой Григорий Ефимович и что это за учение о грехе.

Было раннее утро, когда Гермоген, епископ саратовский, постучал в дверь кельи своего друга Феофана. Ректор, все еще возбужденный происшедшим, сразу же обрушил на него поток слов о необычном крестьянине из Тобольска, который произвел странное и сильное впечатление. Он рассказывал с таким возбуждением, что слова в беззубом рту теряли звук, и речь, в конце концов, превратилась в невнятный шепот. В который раз епископ Гермоген перебивал его: «Так как оно было, батюшка? Прошу, повторите еще!»

Не успел отец Феофан закончить и половину рассказа, как дверь отворилась и крестьянин из Тобольска с шумом ввалился в келью. Распутин сделал усилие, чтобы удержаться от падения, и на мгновение остановился на пороге, пристально осмотрел комнату и двух мужчин, стоявших напротив. Затем подошел к ним, сопя носом и как бы собираясь обнюхать, повернул к углу с образами, трижды, крестясь, поклонился и прыжком уселся на стол. Правой рукой поглаживая усы, закрывавшие его широкие усмехающиеся губы, он бойко крикнул: «Ну, вот и я, батюшка!» Тут он поглядел на епископа Гермогена, мягкое лицо которого говорило само за себя, и улыбка расплылась еще ши-

ре. Дородный епископ сидел, развалившись на кожаном диване у окна, и с интересом наблюдал за необычным крестьянином, смотревшим на него хитрыми глазами.

«Это и есть твой епископ, о котором ты говорил вчера?» — осведомился Распутин. Несколько покоробленный таким грубоватым вопросом, отец Феофан согласно кивнул. Тут Григорий Ефимович обрушился сперва на маленького дряхлого ректора, а затем на дородного епископа, тиская в объятиях и по-крестьянски трижды целуя сначала справа налево, потом слева направо с таким пылом, что те буквально оробели.

«Батюшка, батюшка,— кричал епископ, ласково улыбаясь,— ты меня раздавишь!» Гермогену Распутин сразу же понравился. Его радовали эти живые, маленькие, блестящие в глубине глазки, выражавшие всю его честную и простую сущность, но особенно была приятна грубая распутинская речь, наполненная родными корнями и по-крестьянски плутоватая. Благодаря прекрасной, глубокой звучности сибирского диалекта она казалась особенно привлекательной.

Гриша тут же почувствовал эту симпатию. Гермоген и Распутин быстро нашли общий язык и спустя несколько минут болтали, как старые друзья. Григорий Ефимович схватил вдруг руку епископа, любовно прижал к себе и воскликнул: «Ты мне нравишься!» Гермоген громко рассмеялся, очень развеселившись таким спонтанным выражением дружеского расположения, Феофан же продолжал новые безнадёжные попытки повернуть разговор на другие темы.

Ведь ректор страстно желал показать своему другу-епископу редкостную способность странника объяснять Евангелие и оригинальность его суждений! Гермоген был опытным в таких делах и мог легко определить, что, собственно, предпринять с Григорием Ефимовичем. Феофану не терпелось узнать его мнение.

Епископ, однако, не мог так легко воодушевляться, как ректор. Не столько находчивость в теологических спорах, сколько непосредственное эмоциональное воздействие речей притягивало его к Распутину.

Гермоген был воинствующим слугой церкви и одним из ведущих проповедников. Он сумел сразу понять, какое большое влияние способен оказать Распутин и насколько полезен он мог бы быть для православия. Епископу представлялось, что в его борьбе с появившимися сейчас в русской политике прозападными тенденциями духовно необходимы такие люди, как Григорий Ефимович. Со своей самобытной манерой говорить он будет олицетворять ти-

пичного представителя русских мужиков. Слушая странника, Гермоген старательно обдумывал, как наилучшим образом использовать эту впечатляющую, сугубо русскую личность для собственных политических целей. Как только Григорий Ефимович замолчал, он, проникнутый этой мыслью, обратился к отцу Феофану с замечанием, что старца необходимо немедленно доставить к иеромонаху Илиодору.

Отец Феофан не до конца понял широкие замыслы епископа, но тоже согласился, что находка этого самобытного крестьянина — необычная удача. Но тут же почувствовал нечто, похожее на обман, поскольку Григорий Ефимович производил уже не такое благоприятное впечатление, как вчера, и особенно корбила та грубая манера, с которой он беседовал с Гермогеном. Но когда епископ предложил ему вместе с Распутиным идти к Илиодору, Феофан подавил свои сомнения и засеменял вместе с ними, тихий и благообразный.

Иеромонах монастыря в Царицыне Илиодор (в миру — Сергей Труфанов) имел славу лучшего церковного проповедника России. Его речи уже тогда начали затмевать славу Иоанна Кронштадского. К тому же он был могучей, опасной и насмешливой персоной. К нему толпой шли мужики, и даже царь говорил с ним с благоговением.

Рослый тощий монах с безумно горящими глазами и резким неприятным голосом обладал какой-то повелительной силой. Благодаря строгому образу жизни и фанатической вере он получил прозвище «воителя царства небесного» и радовавшее его огромное почитание.

Когда в день Троицы его несли из монастыря на берег Волги под белым, украшенном цветами балдахинном, в окружении образов святых для участия в древнем церковном празднике, народ в один голос пел священные песни и все опускались на колени. За Илиодором шла его святая братия, а также юноши, одетые как греческие воины, стоявшие на колесницах, запряженных юными девами и старухами. Толпа прыгала от восторга, чувствуя «воителя царства небесного».

Илиодор хотел построить в Царицыне большой монастырь, но денег в его приходе не доставало. Тогда он поднялся на городской холм и обратился к народу. «У кого есть лишняя доска,— взывал он,— пусть отдаст мне. Кто имеет хотя бы ржавый гвоздь, отдай и его. У кого ничего нет — жертвуй себя и иди копать землю!» Под влиянием этой

проповеди население доставляло кирпич, лес и прочие стройматериалы. Добровольно работали тысячи мастеров. В пользовавшейся до того дурной славой части города быстро вырос большой монастырь с огромными помещениями, затмивший все прочие русские обители.

Этот успех еще больше вознес славу и власть Илиодора. Вскоре другие церкви стали посещаться верующими меньше. Все желали слушать только его проповеди.

Спустя несколько лет Илиодор решил выполнить еще один удивительный проект. Он созвал своих послушников для того, чтобы под монастырем устроить глубокие подвалы, а из выкопанной земли создать холм — «гору Табор». На холме он хотел соорудить «обзорную башню», со всех сторон обсаженную цветами, с высоты которой он собирался читать народу свои «нагорные проповеди». Этот своеобразный план вскоре стал выполняться. Приверженцы Илиодора, и Первый среди них — известный цирковой борец и тяжелоатлет Заикин, начали перелопачивать землю. Но «гора Табор» так и не была закончена.

Будучи фанатиком ортодоксальной веры, Илиодор стал приверженцем, а затем видным борцом экстремистского националистического панславизма и монархизма. Он выступал в бесчисленных проповедях в поддержку неограниченного самовластья царя и в конце концов вошел в «Союз истинно русских», это могучее и опасное объединение политических реакционеров. Его монархизм был пропитан популярной идеей крестьянского коммунизма, когда царь — единственный господин, а остальной народ без различия сословий и классов представляет собой равноправное братство. Он обеспечил себе огромную популярность, поскольку боролся за абсолютную власть царя, подавляя все другие классовые привилегии. Его патриотизм не был помехой для обличения плохих правительственных чиновников, губернаторов и администраторов. Наоборот, бичевал он их с удовольствием, чтобы показать, что не царь, а его слуги виновны в бедах империи. Довольно часто бросал он резкие обвинения против властей, причем авторитет истинного защитника монархической идеи избавлял его от любого преследования. Его речь отличалась дикой, какой-то еретической грубостью, за что он получил прозвище «сквернослова». С особым рвением обрушился он на «сатанинские гибельные обычаи», против той «заразы», которая, по его мнению, заносилась с Запада интеллигенцией и евреями.

Проповеди этого русского Савонаролы с каждым днем становились резче и агрессивнее. Однажды избрал он целью для нападок губернатора и стал кричать, чтобы тот бросил

свое добро и пошел доить коров. Затем обрушился на пелицейстера. И всюду твердил, что власти Царицына давно в когтях у Сатаны. Поскольку его нападки стали слишком уж злобными, сам глава полиции Курлов попытался очень осторожно поговорить с настоятелем. Он пригласил Илиодора к себе, положил перед ним рапорт по поводу одной из проповедей, в которой призывалось не подчиняться распоряжениям властей, и спросил, не искажено ли что-нибудь в нем. Илиодор гордо заявил, что все точно соответствует его словам и он не собирается что-либо менять в своих высказываниях. Курлов пытался робко указать, что подобные призывы к населению не могут быть терпимы. В ответ на это иеромонах громовым голосом обругал Курлова и заявил, что хочет лишь защищать народ и царя от бездарных и продажных чиновников.

Власти пытались повлиять на Илиодора через Святейший синод, но монах отказался появиться перед духовным начальством. Он заперся в церкви своего монастыря, направил оттуда оскорбляющее синод письмо и стал собирать сторонников для обороны. Тут, к его удовольствию, возникло бурное народное движение, против которого никто не посмел выступить.

С тех пор стал он для многих в Царицыне символом ужаса. Во время поста под покровом ночи он мог появиться на маскараде и разогнать присутствующих, проникнуть в игорные залы и публичные дома. Там он молча и угрожающе смотрел на девушек, и они с истерическими криками убегали и подолгу не решались вернуться. На следующий день в газете появлялась статья, в которой Илиодор смаковал свои ночные похождения и называл поименно всех «почетных граждан», встреченных в злочных местах.

Особую ненависть питал Илиодор к интеллектуалам, называя их вне зависимости от национальности жидами. Однажды организовал он процессию с огромной куклой в еврейском камзоле, которую потом сожгли при всеобщем ликовании. У входа сооруженной им монастырской церкви была нарисована большая картина «Страшного Суда», в которой на переднем плане в вечном адском огне изображались еврейские адвокаты и журналисты.

Хотя временами и раздавались голоса, утверждавшие, что Илиодор всего лишь карьерист, стремящийся завоевать популярность, его безоговорочно признавали как «воителя царства небесного». Многочисленные последователи были верны ему не на жизнь, а на смерть. Это были решительные и смелые мужчины и женщины-фанатички, готовые выполнить любой приказ своего предводителя. Слава об Илио-

доре вскоре дошла до Петербурга, и царская чета пригласила его в Царское Село. Там он подружился с епископом Гермогеном и архимандритом Феофаном, духовником императрицы. Осыпанный почестями, он возвратился домой, где стал теперь безраздельным владыкой.

Епископ Гермоген, сопровождаемый отцом Феофаном и Григорием Ефимовичем, постучал в келью Илиодора, но ему не ответили. Он осторожно приоткрыл дверь и заглянул в полутьму. Иеромонах распростерся в углу кельи, увешанном бесчисленными иконами и горящими лампадами. Посетители тут же к нему присоединились, опустившись на колени.

Мягкий отец Феофан по приобретенной за долгие годы привычке сразу отрешился от всего земного, и в его глазах отражалось только желтое пламя лампад. Но епископ Гермоген никак не мог найти душевного покоя, так нужного для молитвы. Он был переполнен важностью возлагаемой на него миссии и нетерпеливо ждал момента, когда станет возможным поговорить с Илиодором о новом борце за веру. Но Илиодор совершенно игнорировал присутствие трех посетителей. Епископ мог бы удивиться его усердию в молитве. Но он оценивал, искренна ли эта набожность. Отрешенная молитва настоятеля была чем-то схожа со злобным исступлением. В злобности Илиодора Гермоген уже не однажды убеждался. Но помешать его молитве было невозможно, и епископу не оставалось ничего другого, как, стоя на коленях, раздражению копать в мыслях.

Распутин не испытывал ни нетерпения, ни беспокойства. И в Петербурге в его душе сохранялась безмятежность бескрайних сибирских степей. Ничто не могло вывести его из равновесия. В нем действительно было что-то от святой души. Ситуация доставляла ему даже удовольствие. Он мог спокойно наблюдать за иеромонахом и оценить, что это за человек. Он сразу понял, что необычная обстановка, в которой оказался грозный Илиодор, дает преимущество, поскольку гротескный образ молящегося в грубой рясе и больших башмаках стал для него совершенно понятным, и он теперь знал, как держаться с настоятелем.

Крестьянин Гриша никогда не считал возможным держаться запросто с высокопоставленными персонами. Но на этот раз он был уверен в том, что делает. Поскольку молитва затянулась, он, к удивлению Феофана и Гермогена, неожиданно встал. Илиодор прекратил молитву. Гриша перекрестился, подошел к нему и произнес: «Брат... брат!»

«Сквернослов», возмущенный его смелостью, вскочил и уставился на Распутина горящим гневным взглядом. Смертельно испуганные Феофан и Гермоген ожидали чего-то ужасного.

Илиодор поднял плечи и задержал дыхание, чтобы обрушить проклятия, но тут почувствовал, как крестьянин кладет ему на плечо правую руку и смотрит маленькими водянистыми глазками, перехватывая его взгляд. И мелодичным, но строгим голосом говорит: «Ты хорошо молишься, брат!»

Ошеломленный Илиодор безмолвно уставился на посетителя. Его еще больше сбilo с толку, когда крестьянин смиренно продолжил: «Не надоедай Господу своими молитвами, и ему нужен покой! Здесь двое, они желают поговорить с тобой!»

И позже сердце Илиодора колотилось, когда он вспоминал первую встречу с Распутиным. Снова охватывало его то загадочное ощущение, какое он тогда испытал, тот гнев, когда он диким зверем готов был броситься на помешавшего молитве, то возмущение человеком, который не оказал ему ни малейшего уважения. Когда Илиодор вспоминал, как Гриша «тыкал» ему и как называл «братом», его, как и тогда, охватывала волна ярости. Но одновременно им овладевало состояние полной беспомощности, похожей на парализующий гипноз.

Встреча с Распутиным была для настоятеля чем-то пугающим. И проклятия, и даже все силы небесные, которыми до него были одержимы пророки прошлого, оказывались напрасными, когда он чувствовал на себе этот водянистый взгляд. А тогда он пытался найти нужные доводы, чтобы защититься хотя бы словом, и нашел их, но не мог произвести. Вместо этого пришлось приветливо принять грубую руку, которую с дружеской улыбкой протянул неотесанный мужик.

Это сложное чувство, состоящее из гнева, отвращения, беспомощности, страха и восхищения, навсегда сохранилось у Илиодора.

Уже при первой встрече он почувствовал, что какая-то необъяснимая сила заставляет его не только разделить, но даже и поддержать наивное убеждение Феофана о святости Распутина, а также мысли доброго Гермогена о его политической значимости. Хотя во время встречи Илиодор не мог ни на миг подавить неприятия и недоверия, он согласился с планами включения Гриши в комитет «Союза истинно

русских», поскольку тот был страстным сторонником этой идеи.

Он все яснее понимал, что этот деревенский невежа становится для него совершенно нетерпимым, и инстинктивно чувствовал опасность. Но если пришлось говорить о Григории Ефимовиче, какая-то посторонняя сила заставляла утверждать, что тот настоящий святой и посланный Господом борец за истинную веру. Вот и получилось, что Распутин, благодаря уважаемому Феофану и высокочтимому Гермогену, был представлен в комитете как их будущий незаменимый соратник при активной поддержке Илиодора.

Центральный комитет состоял в основном из людей, которые без заверений Феофана и Гермогена никогда бы не поверили в святость Распутина. С явным недоверием выслушали они рекомендации того и другого, и Гермоген растерялся, поняв, что дела тобольского крестьянина не так уж блестящи.

Но тут встал «великий сквернослов». Под влиянием его взгляда и гипнотизирующих слов было достигнуто согласие. В дальнейшем Илиодор вынужден был признать, что уже во время этого заседания он разделял мнение скептиков. Но сейчас он громил сомневающихся и разъяснял, что даже «истинные россияне» уже поражены дьявольской сущностью Запада, цель которого в уничтожении православной веры и святости русского народа.

После краткой паузы Илиодор перешел к практической стороне своих предложений, обращая внимание слушателей на важность включения Распутина в комитет...

Илиодор разъяснял своим политическим друзьям, что величайшие мыслители русского народа, такие, как Достоевский и даже Толстой (во всем остальном — они проклятые еретики), признавали, что мужицкая речь производит большое впечатление, сопоставимое разве что с евангельскими текстами. И признать Распутина святым значит склониться перед бессмертной, божественной силой народа.

Это и подобное этому говорил Илиодор во время заседания. Его речи, как никогда прежде, обладали особой силой, проникновением и убедительностью. После речи все присутствующие были уверены в особом предназначении Распутина.

После Илиодора поднялся другой духовник, протоиерей Восторгов, и в сбивчивой речи от имени всех присутствующих смиренно выразил благодарность иеромонаху и восхищение его речью. Он заверил, что комитет и в будущей своей деятельности станет следовать его указаниям, что он лично во время предстоящей миссионерской предвыборной

поездки в Тобольскую губернию постарается привлечь к политической работе наиболее способных крестьян.

Во время речи этого недалекого попа цвет лица Илиодора изменился. Он стал понимать, что Гриша — это лицемер, лжесвятой, что он просто грязный мужик и оборванец. «Какой дьявол заставил меня выступить против собственных же убеждений?» — думал он, и его охватила бешеная злоба.

Но тут поднялся другой член комитета и изложил свое мнение о Распутине. Новый оратор был видным адвокатом и влиятельным членом «Союза истинно русских». Начан он говорить почти шепотом о том, как трудно и опасно теперь, после речи Илиодора и Восторгова, не восхищаться Григорием Ефимовичем. Но адвокат лишь осторожно предостерегал, что может произойти. Его речь осталась незамеченной, и только «сквернослов» слушал его с напряженным вниманием.

По мнению умного и скромного адвоката, нужно подумать, не создаст ли этот мужик в будущем затруднений и нужно ли спешить с этим делом. С каждым словом выступающего на сердце Илиодора становилось спокойней и легче, он радовался тому, что, наконец, в этой нездоровой атмосфере святого восторга прозвучал трезвый голос, ясно изложивший то, что сам настоятель лишь смутно ощущал.

«Вы думаете о выгодах, — предупредил адвокат, — но я думаю, что в конечном итоге крестьянин Распутин нанесет нам большой вред!» Да, это была правда, сущая правда! Илиодор встал, чтобы поддержать адвоката.

Но в это мгновение опять им овладело какое-то дьявольское наваждение, заставившее на погибель себе служить «духу лжи». С искаженным лицом он стал проклинать скромного адвоката, как прозападного отщепенца, непонятного и чуждого для святого русского народа, единственного народа, способного спасти мир от адвокатов, журналистов и прочих жидов.

Заседание закончилось, как никто не ожидал, полным успехом. Отец Феофан и епископ Гермоген сияли от удовольствия. Гермоген стал подготавливать маленького архимандрита к тому, чтобы он, как духовный наставник царицы, представил нового старца в Царском Селе. Лишь Илиодор в этот вечер оставался замкнутым и раздраженным. Его чудовищная грубость проявлялась на этот раз в особенно неприятных формах.

**РОКОВАЯ ИДИЛЛИЯ
В ЦАРСКОМ СЕЛЕ**

«Саншайн» — это солнечное прозвище («солнечный лучик» по-английски) получила принцесса Аликс Гессенская еще до того, как стала супругой Николая Второго и царицей земли русской. Ей и теперь было по душе, если супруг так ее называл.

Покончив со служебными делами, царь спешил к своей Аликс. Рядом с ней он чувствовал себя уютней. Ему не нравились и были обременительны обязанности по управлению государством. С чувством досады он сидел над докладами, подписывал документы, изучал донесения министров и ставил на них свои резолюции. С тоской проводил он необходимые приемы и был счастлив, когда они не требовали много времени. Его ежедневной заботой была борьба с горой различных бумаг, лежавшей на его письменном столе, которая угрожающе росла, если он хотя бы однажды за нее не брался.

Со времени вступления на престол так проходил день за днем, в постоянной смене между неприятными часами правления и приятными — в семейной жизни.

Царица в первые четыре года супружества тоже страдала от того, что ей приходилось на несколько часов расставаться с супругом и, если он задерживался дольше, чем обычно, не находила себе места от нетерпения. Она почти всегда сидела в своем будуаре среди прекрасных цветов на оттоманке, читала книги, писала торопливым почерком письма, занималась рукоделием и в более поздние годы болтала со своей подругой Аней Вырубовой, рассказывая ей о своих отношениях с царем. Почти всегда она говорила и думала только о супруге, так как и в часы разлуки в душе оставалась вместе с ним.

Едва в коридоре раздавались торопливые шаги и начинала слегка дребезжать люстра в будуаре, ее охватывало девичье возбуждение и кровь прилиwała к лицу. Открывалась дверь, и царица с сияющими глазами встречала своего приветливого, улыбающегося мужа. Наступали часы беззаботной жизни двух влюбленных. При приеме гостей бывало, что из соседней комнаты раздавался тихий свист, похожий на птичье щебетанье. Порозовевшая Александра в таких случаях смущенно говорила, что ее зовет царь, извинялась и исчезала за дверью. И не было случая, чтобы она тотчас же не исполнила просьбы мужа.

Каждый из супругов мучительно переживал разлуку. Когда царь через много лет после свадьбы уехал надолго в Италию, Александра закрылась в своих покоях и не пускала к себе даже детей. Лишь дважды за двадцать три года гармония этой пары была слегка потревожена. В первый раз это случилось, когда до царя дошли слухи, что князь Орлов равнодушен к царице. В придворных кругах многим казалось подозрительным, что генерал Орлов почти каждый вечер проводит в покоях царской четы и часами играет с царем в бильярд. Слухи продолжались и после того, как у Орлова заболели легкие и он, выехав в Египет, там умер.

Если сам царь никогда не сомневался в верности своей супруги, то царица однажды серьезно приревновала свою подругу Аню. Анна Вырубова по своей честности и наивности как-то призналась, что она, помимо своей воли, испытывает любовь к царю. Этого невинного факта было достаточно, чтобы мнительная царица надолго вышла из себя и в письмах к родственникам называла Вырубову предательницей.

Но все эти мелкие неприятности в общем не могли омрачить счастья супругов. Со дня свадьбы и до трагической кончины Николая и Александра держались как молодые и были глубоко влюблены друг в друга. Лучшее всего это яркое, безмятежное семейное счастье отражено в дневниках царя, куда он каждый вечер записывал свои переживания. Их страницы рассказывают о чудесных часах покоя, о радости общения с подрастающими детьми, о благодарности судьбе, даровавшей полное и безграничное счастье.

С самого начала царская чета стремилась к тесному и простому окружению и избегала помпезных приемов. После первого же посещения Царского Села дворец им понравился, и они вскоре туда переселились. В его малочисленных небольших комнатах они сидели по вечерам, играли с детьми или листали иллюстрированные издания, фотоальбомы и журналы. Царь огорчался, если государственные дела заставляли его отлучаться надолго, и всегда заранее объяснял причину отсутствия.

В сохранившихся записках царицы тоже звучит нежность и расположение к супругу.

«Сегодня я почти свободен,— пишет царь,— никаких донесений читать не надо. Позавтракаем и пообедаем мы одни. Как неописуемо счастлива жизнь вдвоем в Царском Селе!» Ниже пометка царицы на английском: «Твоя крошка тебя обожает!»

«Мое блаженство безгранично,— пишет царь в другой раз.— Только насильно могу покинуть Царское, которое

стало нам обоим таким дорогим. Здесь впервые после свадьбы оказались мы одни и здесь никто не мешал нашей любви». А царица продолжает: «Никогда не подозревала, что может быть столько безоблачного счастья для двоих. Я люблю тебя, и в этих трех словах — вся моя жизнь».

О государственных делах царь упоминает очень поверхностно, постольку, поскольку они вклиниваются в его личную жизнь. Так, после перечисления приемов часто следует: «Я был неописуемо счастлив с Аликс!» «Как приятно день и ночь быть вместе, без всяких посторонних. Мы перекусили вдвоем в угловой комнате и рано улеглись спать». «От всей души благодарен Господу за счастье. Большого не может пожелать никто на земле!»

Если царицы не было в будуаре, значит, она ушла к детям. Она неохотно покидала детскую и довольно часто проводила там приемы. Начальник придворной канцелярии однажды довольно долго с ней беседовал, когда принес на подпись бумаги. Государыня приняла его, держа на одной руке годовалую великую княгиню Ольгу, а другой качая колыбельку с новорожденной Татьяной.

Когда после долгих надежд появился на свет сын, Александра проявила к нему удвоенную заботу. В лице Вишняковой она нашла единственную и абсолютно надежную воспитательницу сына, и очень немногие другие люди допускались к уходу за ним. Сама государыня также оказывала помощь, купая и одевая сына, обучая его произносить первые слова, часами играла с ним.

Позднее, когда ребенок подрос, Александра сама стала учить его грамоте, засиживаясь вместе с ним над книгами и тетрадами. Ей помогали состоявшие при дочерях фройляйн Шнайдер, мистер Гиббс и месье Жильяр;

По-прежнему она с дочерьми занималась и рукоделием, и шила платья для кукол, и принимала участие в небольших семейных торжествах. Да и государь любил играть с детьми и проводил с ними много времени. В большом мраморном зале Царскосельского дворца для занятий с малышами была сооружена покрытая шелком горка. Здесь Николай играл со своими дочерьми, не пропуская и дни, когда нужно было решать сложные политические проблемы.

Утром, немного прогулявшись после первого завтрака, со скучных аудиенций начинал государь свой рабочий день. Как правило, царь редко приглашал министров к себе, а предпочитал получать письменные отчеты. Почти ежедневно он принимал высокопоставленных чиновников или военных, просивших об аудиенции. Эти беседы его очень утомляли, и он был чрезвычайно доволен, когда мог уйти к царице на

второй завтрак, поданный дежурным офицером. Затем следовала прогулка по Царскосельскому парку, преимущественно с Аликс, иногда со старшими дочерьми. Часто после обеда совершались поездки в карете или на моторной лодке. Иногда царь брал ружье и стрелял журавлей. Потом наступало время, когда вся семья собиралась за чаем. После этого царь проводил с досадой некоторое время за письменным столом, просматривая накопившиеся бумаги. В восемь часов вечера подавался ужин.

В девять царица заходила в комнату престолонаследника, чтобы сотворить вечернюю молитву. Возвращаясь, она иногда играла с Аней в четыре руки, чаще всего симфонии Бетховена или Чайковского. Царь уходил в свой кабинет. Бывало, музыка привлекала и его, он на цыпочках выходил из кабинета и, стоя за спиной исполнительницы, слушал их. Они догадывались о его присутствии только по тонкому аромату неизменной сигареты. Если государственных дел было мало, царь предпочитал оставаться в комнате супруги и читать ей и Ане произведения Толстого, Тургенева, Достоевского, Гоголя или Чехова. Наконец, в двенадцать часов ночи сервировался чай, и царствующая чета уходила на покой.

Из Царского Села семья уезжала дважды в год на отдых: зимой — на неделю в Крым, во дворец в Ливадии, и летом, почти постоянно, в финские шхеры. В Ливадии дни коротали в длительных прогулках по пустынным дорогам. Царь не желал нарушать уединения этого идиллического места и противился всем проектам соединения его железной дорогой со страной. Среди заросших шиповником холмов и гор здесь поднимался белоснежный царский дворец, из которого открывался прекрасный вид на темно-синее море и покрытые снегом вершины гор. Царская семья с запасом провизии уже рано утром уходила на прогулку в лес, они жарили там грибы и наслаждались полным бездельем. В другие дни совершались конные прогулки или купания в море. Царь любил всякие упражнения: он был отличным гребцом, ходоком, пловцом, велосипедистом и теннисистом. Теннис доставлял ему особое удовольствие, хотя проигранные партии его угнетали. Не любил он и разговоры во время игры, они сбивали его. Увлекался он и охотой; В его дневниках есть подробные данные о каждой из них, вплоть до числа убитых зверей.

Спокойно проходил отдых и в финских шхерах. Царская яхта «Штандарт» приставала к одному из безлюдных островков, и все проходило так же, как в Крыму. Только здесь дети играли с матросами, которые были специально обуче-

ны этому. Позднее, когда великие княгини стали юными дамами, между ними и элегантными офицерами допускался безобидный флирт, на который царская семья смотрела вполне добродушно. Вечером все собиравшись на палубе за чаем, царь курил свои неизменные сигареты и рассказывал о приключениях — недавних или времен юности.

Эта безмятежная жизнь лишь дважды в неделю прерывалась появлением фельдъегеря, привозившего кипу важнейших и срочных бумаг. Царю приходилось на день или два садиться за письменный стол. Так протекала жизнь царской четы в Царском Селе, в Ливадии или в финских шхерах — годы неизмеримого счастья.

Потом произошла великая революция, царь был свергнут и вынужден покинуть дворец в Царском Селе. Александра писала своей подруге: «Моя любимая, так невыразимо трудно расставаться с уютным и теперь опустевшим домом, с нашим приютом, в котором мы были счастливы двадцать три года!»

И позднее, в Тобольске, перед лицом неизвестной и грозной судьбы, единственным утешением оставались воспоминания о счастливом прошлом. «Прошлое утонуло,— писала царица из Тобольска Анне Вырубовой,— но я благодарю Господа за все, что было, за богатые сокровища воспоминаний, которые у меня никто не может отнять». На всей огромной русской земле, кроме царицы, вряд ли нашлась бы другая женщина, которая считала бы за величайшее счастье жить в спокойной, почти мещанской обстановке.

Именно в те «счастливые» двадцать три года над царствующей четой подспудно назревала чудовищная трагедия. Когда царь с нетерпением ждал окончания приемов и докладов, чтобы возвратиться поскорее к своей милой Аликс, когда он бродил по лесам в поисках грибов или любовался закатом на борту яхты, в темной глубине виднелась печальная судьба его семьи. Судьба, тесно связанная с нездоровьем всей русской империи. Это «солнечное счастье» было началом эпидемии, приведшей к неотвратимой катастрофе. Полная безмятежность четы уже сама по себе была симптомом болезни, скрытой под маской счастья. Болезнь поразила всю империю, душу, жизнь и убеждения народа, и началось это с царствования Николая Второго.

Мещанская семейная идиллия в Царском Селе с самого начала проходила на фоне непрерывных неудач, войны, болезней, убийств и катастроф, что порождало чувство страха и меланхолии у Николая и Александры,

Ощущение, что все усилия изменить ситуацию ни к чему не приведут, было навеяно еще сто лет тому назад пророком Серафимом Саровским. Тот объявил, что при царе, который будет править к началу двадцатого века, «все беды — нищета, война и смуты станут властвовать над Россией». Николай верил этому пророчеству и никогда не мог избавиться от чувства обреченности.

Смерть его деда Александра Второго, разорванного бомбой, уже в отроческом возрасте укрепила веру в неотвратимость рока. Это кровавое происшествие привело на престол его отца, а затем и его самого.

Когда в нем, тогда еще престолонаследнике, загорелась любовь к юной принцессе Аликс фон Гессен, его радость была омрачена матерью, делавшей все возможное, чтобы задержать помолвку, ибо принцесса пришлась ей не по душе. И только через четыре года после встречи с Аликс умирающий император разрешил пригласить ее в Ливадию, где Александр Третий официально принял ее как невестку и наследницу престола. У молодоженов не было времени, чтобы насладиться счастьем. Александр Третий скончался неожиданно, и свадьба совпала с похоронами. Уже в последние недели перед свадьбой обстановка была удручающей. Над молодой парой висела неизбежность скорой кончины императора. Затем, когда неизбежное свершилось, юная пара с гробом мертвого царя отправилась по России для отпевания покойного. «Я долго разговаривал с дядей Владимиром,— писал тогда царь в своем дневнике,— как проводить венчание после смерти отца — открыто или в узком кругу. Затем появился фельдъегерь, и я был вынужден до вечера заниматься бумагами. После заупокойной службы я поехал с Аликс на прогулку. В половине седьмого началась печальная церемония, и тело дорогого отца было перенесено в большую церковь. Казаки несли гроб на носилках. Вот уже в третий раз я присутствую в этой церкви на отпевании. Когда вернемся в пустой дом, будем чувствовать себя заброшенными. Господь испытывает нас страданиями!»

Затем началась длительная поездка. Вот как описывает царь некоторые обстановки траурного поезда: «Мы останавливались в Борках и Харькове, где проходила похоронная процессия...» «В Москве мы вынесли гроб из поезда и водрузили на катафалк. По дороге в Кремль десятки раз останавливались, чтобы у каждой церкви пропеть молитву. Гроб был установлен в Архангельском кафедральном соборе. После отпевания я молился над мощами святых в Успенском соборе и Чудовом монастыре...» «На станции

Обухово мы снова сели в траурный поезд и в десять часов отбыли в Петербург. Состоялась печальная встреча с остальными родственниками. Погода стояла сырая, таяло...» «Сегодня вторично вынужден пережить тоску и печаль. 20 октября в половине одиннадцатого архиепископ проводит службу, после чего мой дорогой незабвенный отец будет предан земле».

«Это было моим познанием России,— рассказывала Аликс позже.— Наша свадьба казалась мне продолжением похоронной процессии, только с той разницей, что вместо черного платья на мне было белое!»

Юная царица с первых дней пребывания оказалась для России неприятной, почти ненавистной чужеземкой. Предубеждение против «немки» пошло от вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Эта холодность осталась и после того, как Аликс фон Гессен стала императрицей России. Новая царица прилагала все усилия, чтобы завоевать симпатии свекрови и двора, но тщетно.

Вскоре вокруг императрицы-матери образовалось второе дворцовое окружение, распространявшее по всей стране неприязнь против Александры Федоровны. Пожилые придворные дамы во главе с княгиней Оболенской и графиней Воронцовой постоянно что-либо выискивали в поведении царицы, распространяли домыслы и делали все возможное, чтобы отравить жизнь одинокой и беспомощной молодой женщины. В ее письмах того времени она часто жалуется: «Я чувствую себя совершенно одинокой и в отчаянии...»

Однажды во время выезда со своими придворными дамами ей повстречался нищий, он протянул руку. Она дала милостыню, и он благодарно улыбнулся. «Это первая улыбка, которую я повстречала в России»,— печально заметила императрица. Вот и была вынуждена молодая царица замкнуться в узком семейном кругу. Но и тут не все было благополучно. Царь страстно желал иметь сына — престолонаследника, но одна за другой рождались дочери. Царица принимала близко к сердцу, что не сможет выполнить свой долг перед царским двором, перед всей Россией. И только во время кровавой катастрофы русско-японской войны, 30 июля 1904 года Александра родила сына. Осчастливленный царь записал в дневнике: «Незабываемый великий день, когда к нам пришло милосердие Божье. В четверть второго Александра произвела на свет сына, нареченного Алексеем. Еще до обеда я выслушал доклад Коковцова, принял раненого артиллерийского офицера Клепикова и ушел завтракать к Аликс. Через полчаса произошло радостное событие.

Не хватает слов, чтобы отблагодарить Господа за это утешение в дни тяжелых испытаний. Дорогая Аликс чувствует себя совсем неплохо. В пять часов мы сотворили над младенцем праздничную молитву, на которую собралась вся наша семья...»

Пришла не только радость, но и беспокойство. Наследник рос прекрасным ласковым мальчиком с белокурыми вьющимися волосами и вызывал восхищение родителей и окружающих. С радостью наблюдали родители за его первыми жестами, шагами, играми, прислушивались к его лепету, в своем дневнике царь называл его «единственным сокровищем».

Но вскоре родителям стало известно, что их мальчик поражен наследственным недугом, тяжелым и неизлечимым — гемофилией, страшной болезнью крови. Любое неосторожное движение грозит ему смертью. Если он слегка ударялся плечом или ножкой, начиналось внутреннее кровотечение с образованием синей очень болезненной опухоли.

Родители задаривали несчастного мальчика подарками, чтобы как-то компенсировать его тоску из-за невозможности играть со своими сверстниками. Дорогие игрушки кучей лежали в его комнате: железная дорога со станционными постройками, поезда с дымящимися паровозами, с куклами-пассажирами, батальоны оловянных солдатиков, макеты городов с церквями, плавающие модели судов, полностью оборудованные крошечные фабрики, горные выработки с движущимися забойщиками. Чтобы привести в движение любую игрушку, наследнику достаточно было нажать на нужную кнопку.

Маленький Алексей сидел среди игрушек, постоянно охраняемый матросом Деревянко, неусыпно следившим, чтобы мальчик не сделал неосторожного движения. Он не мог, как другие дети, бегать, прыгать и драться. Всегда приходилось слышать: «Алексей, будь осторожен, смотри, не стукнись!»

Часто, очень часто обращался он к матери с просьбой: подарить велосипед, но та с болью в сердце вынуждена была отвечать: «Ты же знаешь, Алексей, это для тебя опасно!»

— Я хочу играть в теннис, как сестры!

— Ты же знаешь, тебе нельзя!

Мальчик плакал: «Почему я не такой, как все дети!»

Но не всегда удавалось уберечь наследника от естественного стремления двигаться. Он делал несколько быстрых движений, и начиналось кровотечение, для остановки которого средств не существовало. Малыш тяжело стонал,

и беспомощным родителям казалось, что он умирает. Тогда в маленькой домашней часовне начиналась служба, продолжавшаяся до свершения очередного чуда — выздоровления почти мертвого мальчика.

Страдания наследника очень тяжело переживала царица, чувствуя как бы свою невольную вину в случившемся. Болезнь крови была семейной. Аликс сама видела смерть дяди, младшего брата и двух племянников, также страдавших гемофилией. Эта страшная болезнь передается по женской линии потомкам мужского пола. Царицу она миновала, но сын болезнь унаследовал.

Когда царской чете стал ясен роковой характер болезни, царица совсем ушла от суеты дворцовой жизни. Единственной ее заботой стал больной мальчик. В результате всего этого она стала страдать нервным заболеванием, следствием которого были страшные боли в желудке, надолго приковавшие ее к постели.

Еще до того, как началось несчастье, покрывшее своей тенью идиллию в Царском Селе, появился призрак другой катастрофы.

Она началась в Москве. Там во время помпезного праздника произошла невиданная беда. На Ходынском поле вблизи города царь, следуя старинному обычаю, решил организовать царское угощение. Тысячи людей, пришедших на праздник, считались царскими гостями. К столам с лакомствами с восторгом бросались все растущие толпы. И вдруг в считанные секунды картина переменилась. Чтобы выровнять поле, нерадивые служители перекрыли досками большие ямы. Под тяжестью толпы перекрытия рухнули, и тысячи людей свалились вниз. Задние продолжали наступать на передних, и туда обрушивались все новые и новые жертвы. Вскоре огромные ямы были заполнены отчаявшейся найти спасение массой. Этот праздник, связанный с коронацией царя, стоил жизни почти трем тысячам собравшихся. Полиция только и делала, что старалась побыстрее убрать трупы.

В памяти народа вступление на престол Николая Второго навсегда осталось связанным с этой катастрофой. И хотя сам Николай непосредственно не был виновен в происшедшем, семена ненависти против него были посеяны. Тем более, что советники скрыли от молодого государя масштабы трагедии и рекомендовали продолжать празднование. Царь не нашел в себе мужества возразить. Он с супругой танцевал на балу, в то время как тела жертв еще не

были убраны и город был в глубоком трауре. Москва навсегда невзлюбила Николая.

Несколько недель спустя во время другого праздника в честь царя опять произошла катастрофа. На его глазах в Киеве на Днепре затонул празднично украшенный пароход с 300 пассажирами, и только немногие смогли спастись. Эти печальные события при восхождении царя на престол стали началом почти непрерывной цепи кровавых происшествий.

Все усилия Николая сделать что-то хорошее приводили, как заколдованные, только к несчастьям. Возможно, это вызывалось тем, что он в страхе перед новой бедой не имел мужества действовать энергично. Напротив, как выразился Витте, он постоянно «искал окольные пути, которые приводили к одним и тем же результатам — лужам грязи и крови».

И беспристрастные, и даже критически настроенные государственные деятели уверяли, что Николай часто действовал из самых лучших побуждений, желая всеми силами служить империи. Но какой стала Россия в годы его правления, можно судить по письму Льва Толстого, которое он, считая свои дни сочтенными, отправил в 1902 году императору: «...Мне не хотелось умереть, не сказав Вам того, что я думаю о Вашей теперешней деятельности и о том, какою она могла бы быть, какое большое благо она могла бы принести миллионам людей и Вам и какое большое зло она может принести людям и Вам, если будет продолжаться в том же направлении, в котором идет теперь.

Третью России находится в положении усиленной охраны, то есть вне закона. Армия полицейских — явных и тайных — все увеличивается. Тюрьмы, места ссылки и каторги переполнены, сверх сотен тысяч уголовных, политическими, к которым причисляют теперь и рабочих. Цензура дошла до нелепостей запрещений, до которых она не доходила в худшее время 40-х годов. Религиозные гонения никогда не были столь часты и жестоки, как теперь, и становятся все жесточе и жесточе и чаще. Везде в городах и фабричных центрах сосредоточены войска и высылаются с боевыми патронами против народов. Во многих местах уже были братоубийственные кровопролития...

И как результат всей этой напряженной и жестокой деятельности правительства, земледельческий народ — не менее 100 миллионов, на которых зиждется могущество России, — несмотря на непомерно возрастающий бюджет или, скорее, вследствие этого возрастания, нищает с каждым годом, так что голод стал нормальным явлением, И таким

явлением стало всеобщее недовольство правительством всех сословий и враждебное отношение к нему...»

Этот царь, желавший войти в историю как апостол мира, своей неумелой политикой способствовал возникновению двух крупнейших войн двадцатого столетия и ничего не мог сделать для их предотвращения. В войне с Японией он поспешно согласился с теми министрами, которые предсказывали небольшую победоносную кампанию, не принимая во внимание внутреннюю неустойчивость империи. Императору пришлось пережить одно поражение за другим в Маньчжурии и гибель флота в Цусимском проливе.

Едва кончилась эта бойня, новая беда нависла над Россией — угроза гражданской войны, серьезно угрожавшей трону. Толчком к этим событиям стала «кровавая баня», устроенная непосредственно перед окнами государя. Во главе со священником Гапоном к Зимнему дворцу пришли как благонамеренные, так и недовольные рабочие, чтобы смиренно передать царю письменную просьбу. Демонстранты несли иконы и портреты царя. Однако военный комендант без всякого предупреждения встретил процессию ружейными залпами. И сотни демонстрантов упали, истекая кровью.

В народе проснулась страшная ярость против императора, которого с того дня прозвали «кровавым». Начались народные восстания во всех уголках России, и царский дворец стал похож на осажденную крепость. Бесперывно вспыхивали мятежи и резня в Москве и Петербурге, в Варшаве, Киеве и Одессе, в прибалтийских провинциях и в Кронштадте. Пролились реки крови, прежде чем императору удалось подавить революцию. Потом опять началась волна жестоких репрессий, когда чрезвычайные трибуналы приговаривали к повешению десятки непокорных, когда снаряжались карательные экспедиции в беспокойные уезды, где целые деревни разорялись и сжигались.

С этих пор царская семья жила в постоянном страхе перед злоумышленниками, бомбами и адскими машинами. Теперь, отправляясь в «беззаботную» морскую прогулку, царица говорила на прощанье: «Как прекрасно! Возможно, в последний раз!» Царская чета каждый миг боялась за свою жизнь.

Один министр за другим становились жертвами покушений. В начале революции вместе с семьей сопровождавшими лицами погиб министр внутренних дел Плеве. Вскоре был убит дядя императора великий князь Сергей Александрович. На посту московского генерал-губернатора он стал ненавистным из-за неоправданной строгости и жестокости. Супруга князя, великая княгиня Елизавета Федоровна,

сестра царицы, предчувствовала беду и старалась не **раз-**решать ему выезды без сопровождения. Но однажды услышала взрыв бомбы, и тотчас, охваченная тяжелым предчувствием, выбежала на улицу и увидела изуродованное, истекающее кровью тело своего супруга.

Елизавета Федоровна обожала мужа, несмотря на его капризный, властный и противоречивый характер. После несчастья она навсегда ушла в монастырь под Москвой. Среди монашек она выделялась своим прекрасным, как у Мадонны, строгим обликом. Когда она иногда посещала петербургский двор, то вызывала чувство восхищения и благоговейного преклонения. В ее ясных глазах, величавом выражении лица и легкой парящей походке воплощались лучшие черты императорской фамилии.

Вскоре непосредственно в царском окружении произошла новая катастрофа, чуть не стоившая жизни надежному советнику, премьер-министру Столыпину. Это случилось на так называемом «Аптекарском острове», недалеко от резиденции, когда дом Столыпина взлетел в воздух от адской машины. При этом более сорока человек погибли и получили ранения. Каким-то чудом премьер уцелел, но его дочь стала калекой.

Судьба ненадолго пощадила Столыпина. В 1911 году на глазах у императора выстрелом из револьвера он был ранен во время представления в киевском театре. В него стрелял молодой анархист, проникший в театр как доверенное лицо полиции, под предлогом помощи в раскрытии заговора. Смертельно раненный премьер-министр, осев на своем месте в партере, искал взглядом царскую ложу, желая, чтобы его перекрестил царь.

Это были мрачные второстепенные детали катастрофы другого рода — войны, мятежей, казней и убийств, на фоне которых «царскосельская идиллия» выглядела странно. Царь играл на бильярде, царица оживленно беседовала с подругой Аней, дети занимались рукоделием, устраивались небольшие театральные представления и домашние балы, а страна переживала свои несчастья.

Уже во время ходышских событий царь показал себя не с лучшей стороны. Когда 14 мая 1905 года при Цусиме был уничтожен русский флот, царь играл в теннис. Он вскрыл депешу и сказал: «Какое ужасное несчастье», — схватил ракетку и продолжал игру. Таким же равнодушным оставался он и при убийстве Плеве, и родного дяди, и когда при нем прозвучали выстрелы в Столыпина.

Дневниковые записи Николая Второго свидетельствуют, что он был не способен воспринимать серьезные **события**,

Лишь несколько слов уделяет он событиям громаднейшего значения, не больше, чем рядовым, повседневным. Среди подробнейших сведений об охотничьих трофеях, о выездах и прогулках величайшие события его царствования почти незаметны. Особенно скупо изложены сведения о ходе русско-японской войны, как будто он избегает этой темы. Только иногда отмечает он гнетущее влияние сообщений с Дальнего Востока, но потом снова переходит на приятные темы о конных прогулках, погоде и интимных вечерах со своей Аликс.

Еще до получения официального сообщения о поражении флота царь пишет: «Продолжают поступать удручающие и противоречивые известия о неудачной битве в бухте Цусима. Я выслушал три доклада, и мы вдвоем пошли на прогулку. Была прекрасная теплая погода. Потом пили чай и закусывали на балконе. Вечером принял Булыгина и Трепова. Они долго от меня не уходили».

О революции в дневниках тоже мало следов. Тут и там выражает он свое недовольство недисциплинированностью. Особенно возмущен мятежом на броненосце «Потемкин»; парой равнодушных слов описывает кровавую баню у Зимнего дворца, но и дальше опять об охоте и выездах в большой свет.

Все это может служить обвинением в бесчувственности царской четы. Но при ближайшем рассмотрении подобное мнение оказывается не совсем верным. Безмятежная идиллия в Царском Селе не была циничным вызовом или высокомерным непониманием страданий народа. Скорее это было бегством двух слабых существ, пытающихся спрятаться в своем обособленном мирке. В те часы, когда государь был вынужден расставаться с семьей, на него обрушивались ответственность, проекты, долг и опасности. Его потрясали жалобы на бесчеловечное обращение, сообщения о несчастьях и неудачах. На его глазах убивали министров, в ушах раздавались стоны умирающих мужиков, треск ружейных залпов и взрывы бомб. Когда он сидел возле Аликс и слушал ее игру в четыре руки с Аней, звуки музыки приглуляли все страхи и заботы.

А тут еще в детской комнате, где-то за игрушками, пряталась смерть, готовая в любой момент забрать ребенка. Пока родители с улыбкой смотрели на игры сына, им казалось, что несчастья не для него, что он в полной безопасности. Эти минуты в тесном семейном кругу были единственной опорой среди опасностей и катастроф.

Николай и Александра в среде своих были прекрасными, приветливыми, хорошими и любезными людьми, Не-

многие, кто имел доступ в их тесный мирок, были очарованы красотой царицы, приятным и естественным обхождением царя и искренне восхищались этой парой. Те же, кто присутствовал лишь на приемах, празднествах и прочих официальных церемониях и не был ослеплен величием происходящего, видели в них смущенных, запуганных и растерянных людей.

Другие могли бы отметить, что стройная фигура и прекрасное лицо императрицы производили величественное впечатление, что у царя были обходительные манеры, но он, будучи любезным, оставался в то же время надменным. Чувствовалось, что гордая осанка Александры неестественна, как и обворожительная улыбка Николая.

Палеолог, французский посол при петербургском дворе, часто видел царскую чету во время парадных церемоний и замечал, как царица при разговоре смотрит куда-то в пустоту, улыбка переходит в судорожную гримасу, а своеобразный застенчивый румянец сменяется бесцветной бледностью. Ее губы синели, а бриллиантовые украшения на груди поднимались и опускались в такт затрудненному дыханию. «До конца приема, продолжавшегося очень долго, несчастная женщина боролась с истерическим приступом страха. Но когда ее взгляд задерживался на императоре, черты лица снова смягчались».

Все посторонние замечали робость и незащитность царицы, которые она не в состоянии была преодолеть. Александр Танеев, директор императорской канцелярии, с величайшим удивлением рассказывал, как при первом докладе он выронил текст, и присутствующая здесь Александра, растерянно склонившись, стала подбирать страницы с пола. В беседах царица была очень застенчива и не уверена в себе. Часто она запинаясь, начинала заикаться и замолкала совсем. Беспомощность в речи стала предметом шуток среди придворных, и некоторые язвительно называли ее «немецкой деревенщиной» с ехидным намеком на пренебрежительное отношение русских верхов к теряющему престиж гессенскому двору.

Но часто ее смущение расценивалось как гордость и высокомерие. Она не могла притворяться непринужденной и любезной. Были люди, не замечавшие ее необычной красоты и утверждавшие, что ее лицо невыразительно, фигура грубовата и характер равнодушный.

Характер царя, напротив, был совсем другим, хотя и были в нем схожие черты, такие, как боязливость и скованность, неприязнь к официальным приемам. Приписывали ему высокомерие и притворство. Николай Второй из-за

внезапной смерти отца в молодые годы в течение одной ночи вззошел на трон, но не был готов к такой трудной миссии. В первое время правления он полностью доверял советам опытных родственников и вначале находился под большим влиянием умной и энергичной матери. Не имея опыта правления, он позже оказался во власти министров, что было лучше, так как они до этого долгие годы служили его отцу.

Проходили годы, и они один за другим по естественным причинам, а то и насильно, уходили из жизни, и молодой царь назначал новых. Но у него не было ни опыта, ни знаний, чтобы подыскать подходящих людей. В то время как дед его Александр Второй повсюду бывал и, зная многих, не медля, возводил нужных ему людей в любой ранг, вплоть до министров, Николай Второй почти не был связан с общественной жизнью и делал выбор из собственного узкого окружения.

По своей натуре царь был слабовольным и вялым. Его нетрудно было в чем-либо убедить, но никто не мог быть уверен, что он так и останется при этом мнении. Довольно часто случалось, что он, будучи полностью согласным с мнением министра, через несколько часов принимал совершенно противоположное решение. Эта черта характера царя была хорошо известна министрам, и они иногда использовали необычные средства, чтобы уберечься от неожиданностей.

Так, старый премьер-министр Горемыкин после аудиенции, на которой он обговаривал с царем очень важные решения, приказал ни под каким предлогом не беспокоить его до полудня следующего дня. Горемыкин верно предугадал, что царь уже в эту ночь решит по-другому, и, только благодаря строгому запрету его беспокоить, некому было сообщить противоположный приказ, и нужные мероприятия были выполнены.

Царь совершенно не переносил трудных ситуаций и противоречий. Все неприятные дела он предпочитал выполнять на бумаге. Если он решался уволить министра, то мог его дружески принять и тут же вручить письменный приказ об отставке. Естественно, что эта манера накладывать наказания за спиной провинившихся создала царю репутацию человека неискреннего.

Круг людей, доверявших царствующей чете, с каждым годом сужался. Даже друзья семьи один за другим вежливо, но решительно отстранялись. Как и ранее при Александре Третьем, к доверенным лицам царского дома относился князь Оболенский, имевший постоянный допуск к импера-

торской фамилии с утренним докладом. Новая царская чета сочла этого постоянного гостя неудобным, и царь использовал все меры, чтобы отказать Оболенскому в его привилегии. Наконец, был найден выход — выслушивать его доклады после обеда. Царь мог теперь уклоняться от неприятных встреч.

В первое время после вступления на престол Николай оставался под сильным воздействием своей семьи, прежде всего «дяди Миши», «дяди Алексея» и «Сандроса» — великого князя Александра Михайловича. Но царь вскоре отошел от этих родственников, подпав под влияние других великих князей — Николая и Петра Николаевичей, а также их жен «черногорок» Милицы и Анастасии.

Эти красивые и интересные женщины, дочери князя, ставшего позже королем Никитой Черногорским, прекрасно умели заискивать перед царем. Они изучили его слабости и во враждебном царю окружении стали проявлять к царской семье большую любовь, преданность и почтение. В период желудочных болей, одолевших царицу, они отстранили слуг и взяли на себя уход за больной, который выполняли с удивительным усердием, чем заслужили у царской семьи особое расположение.

Причины всего этого были ясны. Обе принцессы-черногорки не играли сколько-нибудь значительной роли при дворе и хотели занять более прочное положение. Однако царица приняла эту показную любовь и была искренне благодарна. «Черногорки» сумели воспользоваться мистическими наклонностями царицы и ввести ее в курс дел «чудотворцев», «магов» и «святых». Интерес к потустороннему укрепил отношения между тремя женщинами. Но позже этот же мистицизм привел к разрыву между ними и царицей.

Слабое здоровье императрицы привело к постепенному ограничению официальной жизни двора и поездок. Дело дошло до того, что даже великим князьям и княгиням стало очень трудно получить аудиенцию у монарха.

Николай и Александра жили теперь совсем уединенно в своей вотчине — Царском Селе. Царица посвятила себя семье, и особенно больному сыну. Царь в свободное время пребывал в кругу семьи или с офицерами дворцовой охраны. Царю с царицей начинает казаться, что мир за пределами вотчины полон опасностей и страшных неожиданностей, а счастье сохраняется до тех пор, пока не будут разорваны цепи тесного семейного кружка.

Немногие могли проникнуть за этот железный занавес. Среди них была Анна Александровна Танеева, придворная

дама царицы, быстро добившаяся расположения своей госпожи и ставшая вскоре единственной ее интимной подругой, а позже — почти членом семьи. Царица называет ее «наше большое дитя», «наша доченька» и доверяет ей без опасений все заботы, печали и сомнения. Аня была дочерью директора императорской канцелярии Танеева, очень знатного и образованного человека, к тому же известного композитора. В возрасте двадцати трех лет она была приглашена в Царское Село вместо заболевшей придворной дамы княгини Орбеляни и попала как раз на прогулку в финские шхеры. Прощаясь, Александра сказала ей: «Благодарю Бога за то, что послал он мне, наконец, истинную подругу!»

Аня оставалась верной подругой императрицы вплоть до трагического конца. Об этом свидетельствуют последние письма Александры. Она до последних дней пыталась служить своей высокопоставленной подруге, оказывать ей помощь и поддержку.

Аня действительно была особенным существом, очень подходящим для сложившейся в Царском Селе обстановки. В среде придворных, где каждый плел интриги ради собственной выгоды, она оставалась бескорыстно верной, не преследуя личных целей. И занимаемая ею должность, и материальное вознаграждение были совершенно ничтожны. Она не имела никакого состояния, будучи по существу на грани нищеты. Царица иногда заставляла ее взять какое-либо украшение или одежду в подарок. Скромность была характерна для нее. «Никогда царская фаворитка ничем не выделялась», — с удивлением отмечал Палеолог.

Она была довольно дородной, прекрасно сложенной дамой с блестящими густыми волосами, крепкой шеей, добрым лицом с красивым розовым румянцем, большими, выпуклыми, ясными и светлыми глазами и пухлыми мясистыми губами. Одевалась всегда скромно, носила дешевые украшения и поэтому выглядела провинциалкой. В результате несчастного случая на железной дороге она тяжело пострадала, после чего долгое время могла передвигаться только на костылях или в инвалидной коляске.

У Анны был несчастный брак с морским лейтенантом Вырубовым, через год распавшийся, так как у Вырубова были нервные припадки, во время которых он становился буйным. Это печальное событие еще больше укрепило ее отношения с царицей.

Так и осталась Аня известной для всех как Вырубова. Большинство считало ее коварной интриганкой, особенно иностранные дипломаты. Не подлежит сомнению, что Анна была причастна к политике и в известной мере сумела по-

влиять на судьбу России. И все же эти «интриги» никогда не служили для достижения собственных целей и велись только ради интересов царской четы. Она была убеждена в том, что ее советы пойдут на пользу России и ее монарху.

После разрыва с лейтенантом Вырубова жила в маленьком скромном домике неподалеку от Царскосельского дворца, в котором поселилась, будучи еще помолвленной. Почти ежедневно она либо сама бывала во дворце, либо принимала у себя кого-нибудь из царской четы. «Домик Вырубовой» стал излюбленным местом для царя и царицы. Здесь они были совершенно свободны, беззаботны и радостны. Домик приобрел и большое политическое значение, поскольку служил для встречи людей, не допускаемых на официальные дворцовые приемы. Он стоял на углу Средней и Церковной, в двухстах шагах от царского дворца. И царь и царица могли прийти до него без всяких свидетелей.

Анна Вырубова считала свое жилье слишком простым и малоуютным. В нем было холодно, особенно зимой, так как пол не был утеплен. «На свадьбу мне царица подарила стол, шесть стульев и несколько акварелей. Когда ее величество приходила ко мне вечером на чай, то приносила с собой фрукты и конфеты. Царь прихватывал иногда бутылку бренди. На стулья мы садились с ногами, чтобы не прикасаться к холодному полу. Сидя у горящего камина, мы пили чай и ели маленькие поджаренные крендельки, которые готовил наш слуга Берчик, бывший камердинером еще у моего дядюшки Толстого. Мне казалось, что после этих посещений царь мог бы согреться только в горячей бане».

Тем не менее царской чете нравилось бывать у Вырубовой. Они считали, что тут встречают действительно бескорыстных людей. Аня для них стала единственным близким человеком. Всем своим придворным царь не доверял, и число их все сокращалось.

Печально выглядел двор Николая по сравнению с блестящими временами своих предшественников! Тогда по роскоши и размаху политической жизни он не уступал крупнейшим резиденциям Европы. Прежние русские монархи окружали себя талантливыми государственными деятелями, находчивыми дипломатами и ловкими интриганками. В окружении царя проводились остроумные политические игры и споры, осуществлялись смелые государственные планы. Великие князья и княгини, бесчисленные княжеские дядюшки, тетюшки, племянники и племянницы государя — все пытались оказать какое-то влияние на императора, Гор-

дые обладатели древних титулов, министры в парадной одежде, военачальники, высокопоставленные служители церкви с золотыми крестами на груди, курьеры и адъютанты, знатные придворные дамы — княгини и графини, юные и пожилые, прекрасные и уродливые, в богатейших нарядах, представляли царскую резиденцию. Это была смесь европейской культуры с кичливым великолепием азиатского деспотизма.

Уже при Александре Третьем императорский двор стал спокойнее, его блеск убавился. Александр Третий в последнее время правления находился преимущественно во дворце в Гатчине под Петербургом или в Крыму, и блиставший великолепием Зимний дворец опустел.

При Николае Втором почти совсем исчезли последние признаки представительности. Царь по возможности избегал приемов министров и главных советников, требуя письменных докладов. Прежние выдающиеся фигуры уходили, а новых не появлялось, так как у царя не было ни способностей, ни желания искать для управления страной молодых и талантливых.

Крупные споры между влиятельными людьми, ранее державшие в напряжении всю страну, случались все реже, поскольку правление Николая Второго не давало для этого стоящим честолюбивым политикам никакого повода. Политическая борьба сузилась до выяснения отношений между мелкими карьеристами.

Родственники царской четы один за другим отходили от двора, и на официальных семейных застольях с каждым годом выставлялось все меньше приборов. Встречались они преимущественно на поминках, когда смерть наступала кого-то из великих князей.

Носители древних почетных фамилий также все реже появлялись в Царском Селе. Почти откровенно они были отстранены, поскольку царь их боялся и не доверял.

Министры, военачальники, церковные деятели докучали царю и доводили до отчаяния своими вечными докладами, предложениями и документами. Николай был счастлив, если ему удавалось пораньше от них отвязаться. Он ограничивал время приемов до предельно необходимого.

Посланцы и адъютанты со срочными делами были вынуждены часами томиться в приемной, так как царю было безразлично все, что происходило в мире, каким бы важным и срочным оно ни было. Экзотические привратники в белых тюбанах скучали и зевали, настолько мало стало посетителей.

Царица ненавидела и боялась придворных дам, княгинь

и графинь, старых и юных. В ее глазах все они были «злыми лживыми кошками», плетущими против нее интриги и распространяющими сплетни.

Это постоянное недоверие правителей привело к тому, что все, имевшие собственное мнение и волю, стали казаться подозрительными и были отстранены. Только совершенно бесцветные личности представлялись безопасными и поэтому были терпимы. Окружение царя состояло теперь из совершенно ничтожных, ничем не примечательных людей. Но те немногие, кому правители доверяли, оказывали на них все большее влияние, в то время как другие служащие двора потеряли всякую значимость. Из старых служащих лишь двое оставались допущенными к личным делам царской семьи: старый министр двора и комендант дворца.

Доступ во внутренние покои имели только четыре-пять придворных, люди с повышенным чувством такта, воздерживающиеся от выражения любого мнения. Они восхищались всем, что касалось царя и царицы.

Эти «доверенные» всегда ходили на цыпочках и боялись принести в своих портфелях любое неприятное сообщение, охотно говорили о погоде и незначительных вещах, не способных испортить настроение.

То, что эти люди все незаконное и плохое, случившееся в России, представляли как что-то безобидное, не было притворством. Они действительно все это так и воспринимали в силу своих характеров. Вот поэтому им и не приходилось огорчать царскую чету неприятными известиями.

Их бесшумные шаги в коридорах апартаментов, приглушенные голоса, их приятная скромность не могли мешать тихому счастью, в которое была погружена царская семья.

До того дня, пока революционные солдаты не вошли во дворец и не занесли свой кулак над «царствующими мечтателями», чтобы арестовать их и потом поставить к стенке, сохранялась «царскосельская идиллия».

Без узкого круга прекраснодушных придворных эта идиллия была бы невозможна. Но, пожалуй, именно они, прятанные от царя все неприятные известия, привели к трагическому концу и царя, и Российскую империю. Эти Фредериксы, Воейковы, Саблины и Ниловы явно причастны к трагическим событиям.

Любопытнейшей фигурой среди них, несомненно, был Фредерикс, высокопоставленный пожилой господин, издавна занимавший свой пост. Он был образцом тактичного человека, мастер этикета и придворных церемоний. Ему вменялась трудная служба по регулированию всех личных

дел императорской семьи, великих князей и княгинь. Он распределял подарки, улаживал скандальные происшествия и гасил обиды. Он всегда находился в распоряжении членов царского дома и был посвящен в личные тайны императорской фамилии. Царская чета была сердечно расположена к этому красивому и элегантному мужчине, называла его «наш старичок», в свою очередь позволяя обращаться ему к ним «мои детки».

Из-за преклонного возраста у графа Фредерикса стали появляться некоторые особенности. Память его не становилась лучше, и о нем ходили интересные анекдоты. Однажды ему докладывал князь Орлов, начальник полевой канцелярии. Фредерикс вдруг перебил: «Как вы думаете, мой дорогой князь? Мне кажется, что сегодня меня еще не побрили!» Орлов заметил, что знать ему это ни к чему, и продолжал рапорт. Минут через пять граф положил руку на его плечо и опять произнес: «Простите, но кажется, меня сегодня не побрили!»

Князь улыбнулся и заметил, что лучше всего спросить об этом у камердинера. Старик позвонил, слуга вошел и подтвердил, что граф действительно не побрит. Как только Орлов закончил доклад, Фредерикс поднялся и крикнул: «Сегодня я не брился! Я еду к парикмахеру!» По дороге в карете он заснул, и кучер привез его невыбритым домой обратно. Подобные истории с довольной ухмылкой рассказывались повсеместно, что, впрочем, нисколько не изменяло всеобщего доброжелательного отношения к министру двора. Лишь всегда раздраженный граф Витте повсюду твердил, что Фредерикс полностью выжил из ума и его сотрудники заставляют его, как школьника, вызубривать все то, что он должен докладывать царю.

К немногим доверенным царя относился также зять Фредерикса, комендант Воейков, начальник стражи Царскосельского дворца. Сначала царице он пришелся не по душе, потом стал негласным ходатаем перед нею.

Особой фигурой в окружении царя был флигель-адъютант адмирал Нилов, варвар и грубиян, не просыхавший от пьянок. Он имел обыкновение всем, даже царю, высказывать свое мнение, якобы без прикрас. Но и его «правда» была так далека от действительности, что не могла вызвать раздражения.

Своеобразную роль играли и другие флигель-адъютанты, сменявшие друг друга и не имевшие никакого влияния. Если кто-то спрашивал об обязанностях, они отвечали: «Я только открываю дверь!» или: «Я лишь играю в шахматы!» Материальное обеспечение этих адъютантов было до-

статочным только на попойки, и они старались извлечь какие-то выгоды из своего положения при дворе. Действительное влияние приобрел лишь один из них — флигель-адъютант Саблин, завоевавший некоторое доверие у царя.

Словно непроницаемой стеной была отделена царская чета от всего мира и, прежде всего, от России благодаря усилиям преданных, но бесцветных личностей. «Это плачевно! — воскликнул как-то министр иностранных дел Сазонов. — Вокруг правящей четы образуется вакуум, никто не в состоянии быть с ними. Кроме официальных отношений, нет больше никакой связи с императорским домом».

Среди уединения и тишины, господствовавших в Царском Селе, вдруг, как грибы после дождя, стали появляться политические салоны.

В прежние времена центром притяжения для министров, советников, сановников, политиков и интриганов был императорский дворец. Теперь по дворцу, оберегая покой царской четы, можно было ходить только на цыпочках, и дворец стал похож скорее на роскошную больницу.

Прежняя общественная жизнь из дворца перешла в салоны, где продолжалась призрачно и бесславно. Все блестящие планы, интриги, проекты калечились в тесноте салонов. Мелочная, отвратительная суэта, бесконечная оживленная болтовня и грязная спекуляция заменили то, что было большой политикой.

Поскольку люди значительные редко посещали государя, новые петербургские салоны формировались на основе знакомства со второстепенными служащими двора, находившимися поближе к царю — лакеями, привратниками и другой подобной «знатью», дружбу с которой теперь и искали в политических кругах. Вокруг счастливого обладателя таким положением, образовывался салон из политиков, мечтавших о министерских постах, попов, желающих получить сан епископа, предпринимателей, банкиров и шпионов, которым нужны были секреты царского окружения.

Наиболее деятельный из таких своеобразных кружков возглавлялся князем Андронниковым. К нему ежедневно без конца тянулись люди, стремившиеся через Царское Село осуществить свои планы. Князь имел возможность тут же сообщить своим друзьям тайные решения государя и тем оказывать немалую услугу. Он мог также замолвить слово при подаче различных ходатайств, назначениях и награждениях. Многие высокопоставленные служащие, офи-

церы и церковные деятели проводили свое послеобеденное время в салоне Андронникова. Кончалось тем, что они действительно добивались своего. Такое значительное влияние на решения императора Андронников приобрел благодаря дружбе с царским камердинером; позднее он сблизился и с комендантом дворца, но возможности того были намного меньше. Камердинер всегда знал, что за бумаги лежат на столе у царя, и как он намерен решать дела. Все это использовали шпионы и спекулянты, запрудившие салон Андронникова. Влияние, которое таким способом приобрел Андронников, позволяло ему действовать без промаха.

Бывали случаи, когда такие высокопоставленные сановники, как военные министры Сухомлинов и Беляев или епископ Варнава, бывшие при дворе на хорошем счету, истинную информацию добывали только в салоне Андронникова. Наряду с солидными посетителями, в салон проникали также запуганные евреи, в надежде на отмену предпринимавшихся против них санкций, и, надо сказать, в этом они не обманывались. Больше всех пользовался информацией Андронникова министр внутренних дел, финансировавший всю деятельность салона.

Князь Андронников происходил из обедневшей знати, но вел себя так, как будто и не лишился всего имущества. Поэтому прослыл как известный мот. Дружба с царским камердинером позволила восстановить положение. Министерство внутренних дел начало выплачивать ему ежемесячно значительные суммы, чтобы заручиться информацией. Не поспедев на это, оно сэкономило деньги, предназначенные на слежку за государем. Ведь в министерстве было известно, что царь никогда не разговаривает с министрами прямо и откровенно. Зная же настроение и намерения монарха, теперь можно было безошибочно угадать, какой доклад ему понравится, а какой окажется не по душе. Держал князь Андронников министерство и в курсе связей и замыслов высокопоставленных церковников, генералов и политиков, что позволяло иметь надежное представление о том, что происходит в стране.

Князь Андронников уже давно во всех политических и общественных кругах расценивался как очень интересная личность. Он производил впечатление вечно занятого человека, который рыщет по городу с важной и тайной миссией, неожиданно появляется и исчезает и знаком с каждым и вся жизнь которого состоит только из приключений. Всегда при нем был светло-желтый, туго набитый портфель, о содержании которого он говорил с благоговением. Этот портфель стал так знаменит, что его начинкой заинтересовалась

полиция. Однажды министр Плеве решился организовать на Андронникова покушение, чтобы узнать, что там за бумаги. Налет удался, и торжествующие охранники положили портфель на стол министра. Но в портфеле оказались лишь старые газеты.

Андронников был не безобидным честолюбцем, а, скорее, страстным интриганом, получавшим демоническое удовольствие, когда министры или епископы ненавидели друг друга, когда распространялись клеветнические слухи и раздалась старая дружба. Все это делалось в основном не из материальных соображений, а, как сказал Витте, «из страстной любви к искусству интриг».

Злыми шутками и орлиным взглядом он мог быстро усмирить своих друзей и противников. Щадил он только министра, которого ублаживал изящными и лестными юбилейными адресами. Он умел также составлять элегантные памфлеты на своих врагов и подкидывать на письменные столы всех влиятельных людей Петербурга.

В последующие годы князь упражнялся в литературном творчестве уже в собственном журнале. Как только его задевает кто-либо из противников, в журнале тут же появляется передовица об «истинном лице» задевшего, и этого достаточно, чтобы его скомпрометировать и сделать посмешищем.

Когда Андронников однажды выпустил на французском языке «Современные мемуары», в которых с уничтожающей иронией разоблачал деятельность и способности министров, все петербургское общество не могло опомниться несколько недель. Даже члены императорского дома, мать царя и великие князья наслаждались чтением этих мемуаров. Камердинер позаботился, чтобы экземпляр их попал на стол императора.

Благодаря этому литературному произведению, князь приобрел себе врагов, но престиж его и связи еще более окрепли. Теперь его хотели видеть великие князья, его благосклонности стал вскоре добиваться и господин Шервандзе, распорядитель матери царя. Каждому новому министру при вступлении на должность начальник канцелярии доверительно сообщал, что у его предшественника были хорошие отношения с Андронниковым. Так передавал он эстафету добрых отношений от министра к министру.

Не оказывали князю почтения только два человека: военный министр Сухомлинов (который вместе с Андронниковым осуществил в Хиве и Бухаре крупную спекуляцию земельными участками и потом с ним поссорился) и министр внутренних дел Маклаков. Последний осмелился не-

• достаточно вежливо ответить однажды на приветственную телеграмму Андронникова и даже отказал в праве на бесплатный проезд по железной дороге. В дальнейшем им пришлось познать силу Андронникова, благодаря которому несчастный Сухомлинов был даже заключен в Петропавловскую крепость. После этого происшествия никто не смел выступить против князя. Шеф полиции Белецкий совершенно определенно утверждал, что последние десять лет перед революцией ни одно важное решение не принималось без участия Андронникова. Князь оставался могучей и влиятельной фигурой, хотя каждый знал, чем набит его желтый портфель.

Но салон Андронникова не был единственным. Его главным конкурентом являлся кружок, сплотившийся вокруг царского конюшенного Бурдукова. Этот Бурдуков работал также в МВД, и титул «конюшенного» меньше всего был связан с действительными делами. Его влияние основывалось на дружбе с двумя любимыми царем адъютантами — генералом Саблиным и адмиралом Ниловым, с которыми он постоянно обменивался письмами и телеграммами. Нередко на обедах в салоне появлялся и «старый морской волк» адмирал Налов собственной персоной, чтобы выпить бутылочку хорошего вина. Приверженцы Бурдукова утверждали, что его влияние во дворе было существеннее, чем Андронникова. Между салонами и их руководителями шла острая борьба, использовались интриги, клевета и доносы.

Все знали, что приемы у Бурдукова были богаче, чем у Андронникова. Дело в том, что средства у министерства внутренних дел оказывались все же ограниченными, а салон Бурдукова оплачивал щедрый и дальновидный магнат Игнатий Порфирьевич Манус. Он не был мелочен и этим отличался от бюрократов министерства, но знал точно, что каждый взнос Бурдукову по крайней мере стократно окупится. Таким способом он мог бы обставить своего опаснейшего конкурента банкира Дмитрия Рубинштейна, что и было главной целью в его финансовой деятельности. Манус происходил из бедных евреев и давно научился использовать политическое положение России в коммерческих целях. После одной крупной и удачной спекуляции он связался с яростным поборником православного панславизма князем Мещерским и предоставил ему свои капиталы. Благодаря еврейскому золоту, махровый реакционер Мещерский (кстати, бывший друг Достоевского) получил возможность в своем «Гражданине» развернуть антисемитскую пропаганду. Даже сам Манус под псевдонимом «Зеленый» публиковал в этом журнале ультранационалисти-

ческие статьи. Таким образом, Манусу удалось наладить наилучшие отношения с влиятельнейшими кругами реакции и дворянства и стать вскоре богатейшим и самым уважаемым магнатом Петербурга.

Как все удачливые финансисты, Манус любил оставаться за сценой. Ему было чуждо мелкое тщеславие. Он проводил только крупные дела.

Бурдуков в роскошной обстановке принимал посетителей, служащих, министров и офицеров, но за всем стоял Игнатий Порфирьевич, по прозвищу «желтый человек». Он оплачивал вино, элегантную квартиру и подарки, чтобы поддерживалась дружба с Саблиным, и рассчитывался по первому намеку за все, что нужно было политическому салону. Таким способом ловкому магнату удалось приобрести значительное влияние в высочайших сферах двора, оставаясь совершенно незаметным.

Растущие спекуляции банкира вызывали некоторое беспокойство в соответствующих органах. Флигель-адъютант Саблин однажды пишет ему в отчаянии: «Отныне вы мне приказали не ругать министра финансов Барка и даже хвалить его. Но сегодня я опять должен выступить против него. Я должен сказать Вам вполне серьезно, как трудно еще вчера превозносить министра, а сегодня говорить о нем что-то неблагоприятное».

Вклады Мануса редко служили чисто политическим целям, чаще они носили коммерческий характер. Он хотел использовать салон Бурдукова для получения новых концессий и разрешений на строительство фабрик, поставок продовольствия населению, императорскому двору и армии.

Во время мировой войны появились разговоры, что Манус — немецкий шпион. Это подозрение активно поддерживал министр Хвостов. Несмотря на то, что против банкира был собран довольно обширный обвинительный материал, тот оставался невозмутимым и на обвинения почти не реагировал. До самой революции салон, посещаемый Саблиным и Ниловым, оставался для него настолько надежным прикрытием, что не было оснований ни для каких опасений.

Среди всех этих авантюристских, полусветских и полуполитических кружков, возникших в Петербурге из-за отсутствия здоровой жизни в царском дворе, особенно достопримечательным был салон баронессы Розен. Если князь Андронников похвалялся своими отношениями с царским камердинером, да и Бурдуков не делал тайны из дружбы с Саблиным и Ниловым, в салоне баронессы никогда не называлось имя персоны, связанной с Царским Селом, Ни-

кто не знал, откуда идет почти всегда подтверждаемая информация.

Тактичные гости тактичной хозяйки со временем примирились с тем, что это строгая тайна и они должны быть довольны уже тем, что «доверенный источник» все же снабжает сведениями и доводит до Царского Села их пожелания. Баронесса состоятельной не была, но это не мешало ей изысканно одеваться и устраивать праздники более пышные, чем в салоне Бурдукова. В непонятных отношениях с хозяйкой находились прекрасная княгиня Долгорукова, имевшая испанское происхождение. Благодаря формальному замужеству с русским аристократом, она получила возможность заниматься прибыльными делами.

Любопытный Хвостов не раз пытался раскрыть тайну баронессы Розен и поэтому часто у нее бывал. За завтраком в кругу доверенных лиц он видел шпикив и аферистов, среди которых был и пользующийся дурной славой служащий охраны Рашевский. Обед посещали великие князья и княгини, а также его коллеги — министры. Вечером прибывали актеры, кокетки и корреспонденты газет. Некий таинственный «инженер» никогда не появлялся, но именно он оплачивал эти приемы. Хвостову и его аппарату никак не удавалось выяснить личность «инженера».

В то время как салоны Андронникова, Бурдукова и баронессы, используя безволие царя, занимались лукавым шпионажем, бессовестными спекуляциями и скрытыми аферами, обнаружился еще один кружок, преследовавший более опасные цели. Это был салон Игнатъева, где собирались все силы махрового национализма, религиозной нетерпимости и политической реакции, пытавшиеся управлять волей царя.

Граф Александр Павлович Игнатъев, бывший посол, ставший позднее министром, и был, пожалуй, первым, кто уже при Александре Третьем заметил упадок русской придворной жизни и предвидел распространение салонов. Как только старый император возвратился в Гатчину, Игнатъев вместе со своей деятельной супругой стал трижды в неделю проводить «политические» приемы. Со временем они становятся пресловутым «черным салоном Игнатъева», долгое время считавшимся влиятельнейшим политическим центром столицы. Будучи министром, Игнатъев организовывал ничем не оправданные политические преследования. Свой салон он использовал как действенный инструмент для подрывной деятельности, как основу для тысячи интриг, целью которых было оказать влияние на оторванный от внешнего мира царский двор. Здесь собирались фанатичные **ДУХОВ-**

НИКИ и политики реакционного «Всероссийского союза», дипломаты, военные и кандидаты на министерские посты, то есть все те, кто, подобно хозяину дома, был предан идее освобождения Константинополя и уже участвовал в разработке реальных планов вторжения. Позднее к друзьям Игнатъева примкнули банкиры и купцы, надевавшиеся в политике выйти на передний план и получить нужные связи, чтобы стать кредиторами и снабженцами в будущей войне. Наконец, салон посещали различные служащие министерств и полиции, а также мрачные личности, одержимые «святыми национальными идеями», сторонники жесткой абсолютной власти и требующие ссылки всех политических противников в Сибирь. Второстепенные придворные, причастные к салону Игнатъева, тоже выполняли чрезвычайно важную историческую миссию: реакционные проповеди они доводили непосредственно до царских ушей.

В первые годы, пока «черный граф» был бодр и одержим деятельностью, влияние его салона было серьезным. Салон продолжал существовать и когда Игнатъев отошел от общественной жизни, и даже после его смерти, но теперь в нем собирались три раза в неделю только ради пустой болтовни. Овдовевшая графиня собирала всех тех же стареющих людей, которые со временем совершенно отошли от политики и увлеклись мистикой и оккультизмом, что, впрочем, часто идет рука об руку с реакционными убеждениями.

Теперь все, кто интересовался оккультизмом, стремились попасть в кружок Игнатъевой. С ее салоном происходило то, что обычно случается с подобными объединениями оккультистов. Там, где люди без конца болтают о сверхъестественном, они начинают воспринимать его всерьез. И в салоне графини стали появляться всевозможные знамения и «астральные фантомы».

Но и это продолжалось недолго, пока не нашелся «учитель» для верующих. Еще не появившись, «учитель» направлял к пока еще не посвященным членам кружка своих «посланцев» — «ясновидящего», «Мистагогу» и «босняка», которые могли точно объяснить смысл всех сверхъестественных явлений. Эти «просветленные люди» принимались с почтением, как святые, и через салон графини большинству из них открывалась дорога в салон «черногорок». Для некоторых из них этот путь проходил через Царское Село, где их встречали как уже известных чудотворцев и «посланцев Господа».

Царь и царица из-за болезни наследника все больше попадали под влияние подобных «святых» из салона графини Игнатъевой, Неприязнь царя к людям значительным.

и их советам, его полная изоляция от всей империи привели к тому, что он стал руководствоваться мелочными интересами реакционного кружка, состоящего из старух и генералов в отставке.

Уже в ранней юности Николай Второй все превратности судьбы принимал с фатальным хладнокровием, в связи с чем ему приписывалось религиозное смирение. Позднее, будучи властителем пошатнувшейся Российской империи, он, подобно отцу смертельно больного ребенка, нашел утешение в покорности Божьей воле. Подстерегающие его скрытые и явные несчастья он объяснял не иначе, как «Божьим наказанием», и любые попытки человеческих сил бороться с ними считались заранее обреченными на неудачу.

Когда у маленького Алексея из-за неосторожного движения начиналось кровотечение и его личико искажалось от боли и смертельно бледнело, родители в беспомощном отчаянии становились возле кровати и искали поддержки только в молитвах. Они молились и перед принятием крупных политических решений. Если в государстве возникали сложные проблемы или опасные ситуации, их пытались решить опять-таки только молитвами. Когда в 1905 году император после долгих колебаний подписал указ о Государственной Думе, он с императрицей бросился на колени с просьбой к Господу благословить это трудное решение.

В Царскосельском дворце была домашняя часовня — полутемная комната с тяжелыми шелковыми занавесами и тускло освещенным иконостасом, располагавшимся на одной из стен. Среди дорогих ковров и драпировки стояли прекрасные резные кресла для царской четы и простые скамейки для их детей и придворных дам.

Эта пышно обставленная часовня не всегда подходила для склонной к уединению царицы. Поэтому в подвале церкви Гвардейского кавалерийского полка, Федоровском соборе, находившемся рядом с дворцом, для нее была оборудована еще одна часовня. Там, среди лампад и ликов святых, никто не мешал ее молитвам.

Но когда несчастья посыпались одно за другим, царь с царицей почувствовали изъяны в строгой церковной вере. Слушая церковный хор и проповеди духовников, они не избавлялись от страха, не находили успокоения.

Подобно многим слабым людям, они стали искать прямой путь к Богу, надеясь увидеть его своими глазами. Но желание такого чуда соответствовало, скорее, одной из разновидностей мистицизма, чем строгим церковным канонам,

Царица, будучи гессенской принцессой, с детства была воспитана в строгом протестантском духе и долго находилась под влиянием идей Давида Фрейдлиха Штрауса. Став русской императрицей, она приняла православие и сделала его фанатичной последовательницей.

Теперь ортодоксальная православная вера перестала ее удовлетворять, и она попала под влияние мистиков. Особо глубокое впечатление на нее произвело одно произведение четырнадцатого века о посредничестве между Богом и человеком, а также «божественной дружбе», доступных для особо любимых Богом смертных. Царица непоколебимо верила, что есть люди, способные через усердные молитвы приблизиться к Богу и стать связующим звеном между грешной землей и небесами, притом без всяких священников, силой собственного духа.

Царь, как и его предок Александр Первый, в юные годы тоже имел тягу к мистицизму. Эта традиция особенно укрепилась при Александре Третьем, удивительная физическая сила которого приписывалась Божьему провидению. Юный престолонаследник Николай при дворе своего отца познакомился с удивительной персоной — Иоанном Кронштадтским, считавшимся святым не только простыми людьми, но и самим старым императором.

Хотя Иоанн Кронштадтский был священником православной церкви, в России он стоял на голову выше других священнослужителей, ибо ему приписывалось дарование творить чудеса, предсказывать будущее, исцелять калек и больных.

Народ огромными толпами стекался на его проповеди и падал перед ним на колени. В трудных ситуациях, перед принятием важных решений или в случае болезни кого-либо из царской фамилии, царь звал святого во дворец и просил совета и помощи. Николай Второй всю жизнь вспоминал утреннюю службу в церкви под Ореандой, где Иоанн Кронштадтский читал проповедь тяжело больному старому императору и всей царской семье.

Срывающимся на крик голосом, оборванными фразами Иоанн умолял Господа о милосердии и благословении для царского дома. И до сих пор Николай оставался убежден, что перед ним был истинный посланник Бога. Царевич всем сердцем разделял чувства паломников, из года в год тысячами шедших к своему чудотворцу.

И в тот жуткий день, когда император Александр ежедневно ждал смерти, Николай увидел сцену, на всю жизнь врезающуюся ему в память. Войдя в комнату больного, он увидел, как Иоанн, склонившись над отцом и обхватив его

голову руками, шепчет умирающему монарху последние земные слова утешения.

Также и другой человек, первый советник Александра Третьего и воспитатель его наследника Николая, друг и покровитель Достоевского, обер-прокурор и влиятельнейший государственный деятель Победоносцев, верил, что потусторонние силы и явления могут проявляться в земном бытии. Его вера в святость Иоанна Кронштадтского была так велика, что однажды в своем доме он устроил в присутствии высших духовных лиц настоящее изгнание дьявола. В своем отношении к сверхъестественному не отличалось от Победоносцева большинство министров царя, что только усиливало мистические настроения наследника престола.

Позднее эти настроения еще больше укреплялись под влиянием великих князей Николая и Петра Николаевичей и их жен. Хотя интересы «Николаевичей» сводились главным образом к глупейшим и примитивным «оккультным сеансам» со столоверчением, вызыванием духов и подобной этому спиритической чепухой, царская чета, тем не менее, ухватилась и за такое. Не задумываясь, она постаралась спрятаться от опасностей реальной жизни в болоте оккультизма.

В салоне «Николаевичей» и их жен всегда проводились спиритические сеансы, топтались предсказатели, ясновидцы, проповедники, заклинатели и чудотворцы. Этот кружок оказывал все большее и большее влияние на царя и царицу, и, в конце концов, из всех родственников «Николаевичей» стали для них самыми доверительными.

Главой этого небольшого кружка был великий князь Николай Николаевич. Вокруг него непрерывно рождались сомнительные фигуры западноевропейского оккультизма и русской народной мистики.

Царица занялась спиритизмом несколько позже своих родственников, чувствуя к нему отвращение и считая его чем-то безбожным, угрожающим истинной вере, хотя и была убеждена в существовании посредников между небом и землей. Подобное убеждение не казалось ей противоречащим ортодоксальному учению, и ее тянуло к встрече с подобным посредником.

К началу века царица встретила первого такого царско-сельского чудесника — Филиппа, с которого начались своеобразные сеансы, состоящие из смеси высшей политики с магией, колдовством и восстановлением событий недавнего прошлого. Здесь дипломатия связывалась с заклинанием духов, государственные решения — с колдовством, консти-

туционные реформы — с волшебными колокольчиками, **начи-**навшими звенеть, как только перед царем появлялся «злой человек». Политика Российской империи определялась теперь совместно министрами и кудесниками.

Когда царица стала особенно страдать от едва прикрытой неприязни свекрови и всего двора, от сыпавшихся отовсюду упреков, что она не может родить для России наследника трона и тем самым не выполняет своей миссии, она впала в невротическое состояние и готова была довериться любому, кто бы пообещал помочь в исполнении заветного желания.

В это время, в 1901 году, во Франции она познакомилась с врачом-чародеем Филиппом из Лиона. Он там сопровождал великую княгиню Милицу, и та представила его царской чете. Этот «истинно святой человек» произвел на царя и царицу очень хорошее впечатление, и они вскоре стали ему полностью доверять.

Филипп ранее был подмастерьем у мясника, и его настоящее имя было Низир Фахот. Что кажется странным при его профессии, он мог ночи напролет читать книги про духов, магию и мистику. Увлечение сверхъестественным привело к тому, что хозяин его уволил. После увольнение он обосновался в родной деревне неподалеку от Лиона и занялся практикой всех видов чудесных исцелений. Как всегда происходит в подобных случаях, кое-что ему иногда удавалось, тем более, что его натуре было присуще определенное гипнотическое дарование. Вскоре приверженцем «исцелителя» стал русский военный атташе в Париже граф Муравьев-Амурский, представивший его великой княгине Милице Николаевне. Царская чета, познакомившись с исцелителем-чудотворцем, вскоре повезла его в Петербург, где он приобрел значительное влияние в салоне великого князя Николая Николаевича и при царском дворе. Под его руководством проводились сеансы, на которых присутствовали царь и царица. По протекции «черногорок» ему был присвоен докторский титул, благодаря которому чудотворец приобрел огромное влияние. Они добились, чтобы военный министр Куропаткин присвоил магу звание военного врача и чин действительного государственного советника, после чего вновь испеченный доктор Филипп получил практику на законных основаниях.

У царицы появилась, наконец, надежда родить сына, и она попросила об этом Филиппа. Тот поселился во дворце и начал проводить серию магических заклинаний. Вскоре во дворце распространилось приятное известие, что чудо вот-вот случится. Царица перестала присутствовать на офи-

циальных приемах, ходила в свободной одежде без корсета. Император сиял от счастья, и радостная весть пошла по всей империи.

Минуло девять месяцев, и весь Санкт-Петербург со дня на день ежечасно ждал, когда прозвучат традиционные пушечные выстрелы из Петропавловской крепости, по числу которых можно определить, кто новорожденный — мальчик или девочка.

Царица уже несколько дней не покидала своих апартаментов и лежала в постели. Перед дверью стояли четверо абиссинских привратников в экзотических одеждах и белых турбанах, чтобы никто не нарушил покой царицы.

Но проходил день за днем, а радостного известия все не было. После некоторого сопротивления придворный врач профессор Отто получил, наконец, разрешение обследовать царицу. Ко всеобщему смущению, он выяснил, что Александра вовсе не беременна. Так как вся страна ждала наследника, было невозможно это трагикомическое обстоятельство оставить в тайне. Вскоре во всех русских слоях пошла слухи, не прибавлявшие уважения к царице.

По указанию дворцового коменданта уполномоченный русской охраны в Париже Рашковский изучил прошлое Филиппа и направил на имя министра Сипягина уничтожающий рапорт. Министр, хорошо зная ситуацию в царском дворе, посоветовал Рашковскому рапорт уничтожить. Но тот пренебрег мудрым советом и представил сообщение царю. Естественно, что на его голову обрушилась царская немилость. Вопреки всему императорская чета продолжала верить доктору Филиппу и не отказывала ему в расположении. И только значительно позже нагруженный ценными подарками «чудотворец» отбыл на родину.

На прощание он преподнес царице святой образ с колокольчиком, который якобы должен звенеть, как только к царской чете приблизится плохой человек. Им также было сделано предсказание, имевшее в будущем особые последствия. Он сообщил, что Бог пошлет царице нового «друга», который поможет в трудное время.

Возвратившись во Францию, Филипп не мог забыть прекрасных дней в Царском Селе, затосковал и умер. Его же приверженцы были убеждены в другом — что он после выполнения земной миссии живым отбыл на небо.

Ортодоксальное церковное духовенство с самого начала завистливо косилось на иностранного чудотворца, и теперь, после отъезда француза, появилась надежда восстановить свое бывшее влияние на царскую чету. Придворный духовник отец Феофан, заявлявший, что царь и царица отходят

от православия и склоняются к прозападному увлечению чудесами, решил приобщить их к местным чародеям.

Он вспомнил о давно почившем истинно русском чудотворце, не причисленном к лику святых лишь по досадной небрежности — монахе Серафиме Саровском, в начале девятнадцатого века прославившемся великими пророчествами. Феофан сообщил царю, что добивается канонизации Серафима, чтобы таким богоугодным делом заслужить небесную благодать. Царь под влиянием супруги взялся за это так рьяно, как будто решалось дело огромной государственной важности.

Однако нужно было преодолеть препоны, прежде всего сопротивление ортодоксов во главе с обер-прокурором Победоносцевым. Но за интимным завтраком сомнения Победоносцева удалось развеять.

Торжественная церемония канонизации Серафима в присутствии царской четы состоялась 30 июля 1903 года. Вечером того же дня император устроил ужин, на котором присутствовало высокопоставленное духовенство, многие государственные деятели и бесчисленные князья и служащие, устремившиеся по этому случаю в Саров, считая, что участие в торжестве окажется полезным для карьеры.

С наступлением ночи на лице царицы проступили характерные красные пятна, свидетельствующие о сильном волнении. Дыхание ее стало неровным, глаза выражали беспокойство. Царица покинула стол и вышла в сад.

В сопровождении старых попов и самых доверенных придворных дам она последовала к святому источнику, находившемуся рядом с мощами Серафима. Считалось, что источник обладает волшебной силой, которая исцеляет хромых, глухих, бесплодных женщин и других немощных. Царица воочию убедилась, как избавляются от тяжелых недугов крестьяне и крестьянки, пользуясь водой источника и решила тоже искупаться в нем.

В сопровождении трех священников и придворных дам она направилась сначала к могиле Серафима, где коленопреклоненно молилась о том, чтобы святой убедил Господа даровать ей сына, в чем он не отказывает никому, даже простым крестьянкам. Затем направилась к святому источнику, а священники остались у могилы святого. Освященная лишь мерцанием звезд, она погрузилась в воду источника.

И произошло чудо. По истечении необходимого срока императрица ко всеобщему ликованию страны и супруга родила сына, названного Алексеем. Духовенство ликовало, поскольку это радостное событие оно целиком и полностью

приписывало чудодейственной силе православного святого. Высокопоставленные чиновники и чудотворцы, прибывшие со всех концов России, не обманулись в своих надеждах. Одни получили награды, а другие сделали головокружительную карьеру, поскольку император считал себя отмеченным еще большей милостью — Божьим благословением. В кабинете царя появился большой портрет Серафима, а вера в покровительство этого святого стала настолько сильна, что во время русско-японской войны царь посылал на фронт многие тысячи образков Серафима. «Японцы нас бомбами, а мы их — иконами», — острили в народе.

Как ни высок был престиж Серафима Саровского, не все считали его причастным к рождению наследника. Не отрицая того, что воды святого источника могли помочь в свершении чуда, иные скептики приписывали его все же другому человеку, о чем речь пойдет ниже.

Сразу же после отбытия «чудотворца» Филиппа в царском дворе появились другие «чудотворцы» и «посредники», утверждавшие, что они в состоянии исполнить желание императрицы. В основном это были не салонные «маги», а типично русские юродивые и «святые дурачки». Подобное явление было старо, как сама православная церковь.

Юродивые встречались почти в любой деревне, это были физически и духовно неполноценные мужики и реже бабы, в большинстве своем — эпилептики. Именно в наивности деревенских дураков народ узревал знамение Божье, а случавшиеся иногда припадки еще более укрепляли подобные убеждения. Не только крестьяне, но и многие интеллигенты считали, что Господь особо милостив к малолетним, глухим, припадочным и идиотам и дух его проявляется в бессмысленных бормотаниях, криках и судорожных движениях этих людей. Они считались избранными существами, наделенными чудотворной силой, и им повсюду оказывались любовь и уважение.

Если такой юродивый, в лохмотьях и босоногий, появлялся на крестьянской улице, крестьяне бросались перед ним на колени, целовали края одежды и благоговейно прислушивались к бессвязным речам, чтобы по ним угадать Божью волю.

Люди, спекулировавшие склонностью царской четы к мистике, подослали одного из таких дураков в Царское Село, где тот вскоре сыграл значительную роль. Это был глуповатый калека из окрестностей знаменитого монастыря Оптиная Пустынь, прозванный Митей Колябой (или Митей

Козельским). Митя был высокорослым колченогим человеком с бесформенными обрубками вместо рук и почти немой. Его нужно было водить, поскольку он почти не видел. Митя также слабо слышал, а речь его состояла из жутких звуков, толчкообразно выдавливаемых с огромным напряжением. Он дико кричал, когда бился в эпилептических припадках. Его крик то срывался на ледянищий кровь визг, то переходил в звериное рычание. Отталкивающее впечатление усиливалось бессмысленной жестикуляцией культиями рук, и нужны были крепкие нервы, чтобы выдержать присутствие такого дурака.

Крестьяне из жалости кормили и одевали Митю, не задумываясь, что означают его крики. Монахи из монастыря Оптиная Пустынь (кстати, описанного в романе Достоевского «Братья Карамазовы») первыми открыли необычайные способности Мити. Хотя и они оказались не в состоянии истолковать его бормотания и жесты, все же объявили Митю «дурачком во Христе», то есть одним из пророков Божьих. Ключ к расшифровке был найден дьячком-псаломщиком «нижнего братства» Егоровым. Во время молитвы перед образом святого Николая он услышал голос этого святого, раскрывший тайный смысл Митиных звуков и приказавший записывать пророчества.

Егоров стал постоянно сопровождать Митю Колябу и толковать его действия. Случилось так, что Митя предсказал одной знатной даме рождение сына. Пророчество исполнилось. Это стало известно в салоне графини Игнатьевой. Члены кружка решили доставить «святого дурачка» на царский двор, чтобы он, используя свою чудодейственную силу, дал возможность родить наследника трона. Князь Оболенский, имение которого находилось под Козельском, на собственном опыте уже испытал Митины чары. Он и распорядился привезти пророка и его толкователя в Царское Село.

Таким образом, Митя Коляба и Егоров оказались в салоне «черногорок», где были тепло приняты и рекомендованы царской чете. Митя «озарялся» во время припадков, в остальное же время был самым обыкновенным, ничем не примечательным дураком. Вот почему ему не удалось занять при дворе особого положения, что другим «чудотворцам» удавалось без труда.

Как только Митя начинал биться в падучей, рядом с ним оказывался Егоров. В присутствии царя, царицы и «черногорок» бьющемуся в конвульсиях дураку задавались вопросы, на которые он забитым пеной ртом отвечал что-то нечленораздельное. Егоров тут же пояснял сказанное. На

вопросы о престолонаследнике было сказано: «Еще рано об этом говорить. Митя не знает, родится мальчик или девочка. Но он молится, придет время, и все прояснится». Такое повторялось очень часто, и от криков дурака и его конвульсий у царицы тоже начались истерические припадки.

Когда в юродивых стали разочаровываться, в поместье генерала Орлова объявилось новое творящее чудеса существо — «святая дурочка» Дарья Осипова. Считалось, что во время припадков она не только пророчесствует, но и сами ее крики могут способствовать оплодотворению.

У себя на родине, где Дарья работала на товарном дворе, она могла отводить от крестьян «дурной глаз», благоговая женщины и детей, исцеляла безнадежно больных. Но у нее нашлись враги. В деревне ее и почитали, и боялись, считая настоящей ведьмой. Во время припадков Дарью связывали веревкой, так как она с неистовым бешенством нападала на всех. Притом, в отличие от Мити, вполне разборчиво бранилась самыми непотребными словами. Тем не менее народ почтительно ее слушал, считая, что таким способом на нее нисходит Божья благодать, и она становится способной к предвидению и творению чудес. Дарья Осипова, прибыв в Царское Село, начала осыпая царицу мерзкими проклятиями, и «чудо» свершилось — царица родила престолонаследника. Но незадолго до этого был канонизирован Серафим Саровский, и никто не мог разобрататься, кто же действительно причастен к «чуду».

Для царствующей четы общение с чудотворцами настолько вошло в норму, что она стала обращаться к ним и при решении государственных вопросов. Так, царь считался с советами Филиппа, а позднее, при решении трудных вопросов — с Митей Колябой. Во время японской войны его не раз приглашали в царские покои, чтобы молитвами отвести беды от русской армии. Уже в 1906 году царь встретился с этим идиотом, о чем сделал пометку в дневнике.

Во время заседания Первой Государственной Думы Дарью Осипову заменил странник Антоний. За ним повалили все новые и новые пилигримы и кающиеся, которых просили давать советы в политических вопросах.

Хотя предпочтение все больше отдавалось отечественным «чудотворцам», время от времени привлекался и известный французский маг Папюс, женский врач из Парижа доктор Энкокс. Впервые в Петербург он попал в 1900 году, где оказался в обществе своего друга Филиппа. В начале октября 1905 года, после долгого перерыва, он снова был приглашен к царю, чтобы поддержать его в разгар русской ре-

волюции. У советников царя не было единого мнения, принимать ли требования мятежников или оставаться непреклонными. Маг Папюс во время спиритического сеанса призвал дух Александра Третьего, которому царь задал несколько вопросов. В значительной мере под влиянием этого сеанса Николай Второй издал указ о Государственной Думе.

Своеобразное положение при царском дворе занял некий «доктор тибетской медицины» Бадмаев, удивительная личность которого резко выделялась среди местных магов и ясновидцев.

Все прочие «чудотворцы» и «святые дураки» проявляли свои необычные свойства в состоянии «озарения». И всегда приходилось ждать, когда на них снизойдет такая милость. У Бадмаева были более выдающиеся способности, не зависящие от случая, сеансов, вдохновения или болезненного состояния, уходившие корнями в древнее тайное учение — «великую тибетскую традиционную мудрость». На родине в Монголии он был посвящен в искусство чудесного исцеления и волшебства. Это давало ему возможность познавать скрытые тайны судьбы и управлять ими. Его ценили при дворе как единственного восточного мудреца и уделяли больше внимания, чем прочим «чудотворцам».

Советы и предсказания этого тибетца доходили до царя особым способом. Когда решались трудные государственные вопросы, Бадмаеву не нужно было толковать слова духа Александра Третьего. Он сам имел достаточный/политический опыт, хорошо знал мир и был посвящен в тайны азиатской дипломатии. В его советах фальшивая магия соединялась с истинно дипломатическими уловками, поскольку он безошибочно схватывал не только «внутреннюю сущность» дела, но и его политическое значение.

Другие чудотворцы один за другим теряли свое влияние. Бадмаев был единственным, кто сохранил свой авторитет вплоть до падения царского режима. Всегда в белоснежном кителе и высокой белой шапке, он производил внушительное впечатление. В истории России был период, когда не только царская чета, но и министры оказались целиком под чарами Бадмаева, и многие важные распоряжения выходили под влиянием его «тайного учения».

Этот своеобразный человек родился в Забайкалье, в бурятской семье, рос в степи, посещал гимназию в Иркутске, Затем он поступил в Петербургский университет, где занимался китайским и монгольским языками. Там он сменил бурятское имя Шамсаран на русское Петр Александрович,

приняв православие. Крестным отцом его был сам Александр Третий, поскольку необыкновенные способности юного студента к тому времени были хорошо известны. Как крестнику императора ему всегда был разрешен доступ во дворец, а также мало кому предоставляемое право письменного обращения непосредственно к монарху.

В 1875 году, по окончании университета, он был принят на государственную службу и до 1893 года занимал рядовую должность в Министерстве иностранных дел, одновременно подрабатывая в университете преподаванием монгольского языка. Неоднократно он привлекался к составлению докладов политического характера как знаток Восточной Азии. В дневнике Николая Второго об этом есть ряд пометок. Так, однажды он пишет: «После завтрака я имел беседу с Бадмаевым о монгольских делах».

Во время русско-японской войны Петр Александрович Бадмаев направляется на родину, чтобы склонить на сторону России вождей монгольских племен, для подкупа которых ему дается двести тысяч рублей. Он ловко и с большим успехом выполняет это задание, притом, как утверждают завистники, обходится без выкупа и все деньги остаются у него.

Шамсаран Бадмаев уверял, что тибетское колдовство и искусство врачевания он усвоил еще от отца, потому что эти науки известны в их семье с незапамятных времен. Его старший брат тоже занимался восточной медициной и с семидесятих годов содержал в Петербурге тибетскую аптеку, правда, с малочисленной клиентурой. В ней стал практиковать и Петр Александрович, благодаря которому дела пошли в гору.

Вскоре Петр Бадмаев далеко обошел старшего брата. Он взял аптеку в свои руки и из захудалой угловой лавочки оборудовал большой «санаторий». Слава о волшебном лекаре быстро распространилась, и к Бадмаеву потекла клиентура из всех общественных слоев.

Его приверженцы утверждали, что он может снять самые застарелые страдания. Особенно рекомендовалось его лечение в «тяжелых случаях нервных заболеваний, душевных страданий и нарушений женской физиологии».

Бадмаевская лаборатория была оснащена по всем правилам тибетской магии. В это помещение разрешался доступ только самому магу, там он готовил свои снадобья: «инфузиум из цветов осоки», «нервный порошок», «нинчен-балзам», «эссенцию из черного лотоса» и «тибетский эликсир жизни». У него была своя фармакопея, состоящая из пилюль, настоек и микстур с таинственными обозначения-

ми, которые могли бы раскрыть посвященным способ приготовления. Но только сам маг был в состоянии их прочесть. Те, в чьи руки попала лаборатория после революции, видели только наименования, сбивающиеся с толку заметки и непонятную аппаратуру, ключа к которой не было.

Санаторий доктора Бадмаева отличался от всех других лечебниц своим политическим характером. Кто хоть однажды был принят в лечебнице, попадал в список кандидатов на министерский пост или повышался в должности. Следовательно, приготовленные Бадмаевым из загадочных трав порошки и микстуры использовались не только для устранения нарушений обмена веществ у пациентов... Царь со временем привык считаться не только с лечебными советами Бадмаева, но и с его рекомендациями на высокие посты.

В картотеке этого лечебного учреждения указывалась обязательно партийная принадлежность пациента и прочие анкетные данные. Рядом с фамилиями среди тибетских рецептов можно было найти и такое примечание: «...правое крыло надо усилить», что, конечно же, относилось к Думе, а не к болезням. Все, что изготавливалось в санатории Бадмаева, влияло не только на желудки и свертываемость крови, но и на судьбы всей России.

Чтобы избавить царя от невралгических болей в желудке, он готовил снадобье, как предполагают, из смеси кореньев белены и гашиша, которое давало нужные результаты. Политические же проблемы царя он решал с помощью дипломатических трюков, добиваясь не меньших успехов.

Все попытки убрать Бадмаева были обречены на провал. Даже министр Хвостов, пытавшийся что-то предпринять против него, понял, что тот неуязвим благодаря прекрасным отношениям с царской семьей.

И даже в 1917 году, когда царский режим уже пал, пришлось оценить силу этой своеобразной личности. По пути в Финляндию вместе с госпожой Вырубовой и аферистом Манасевичем-Мануйловым он был арестован балтийскими матросами. Но вскоре, благодаря своим особым манерам и умелому лечению, из арестанта стал другом тюремной стражи.

Но в самом нужном случае искусство тибетца оказалось бессильным. Он не мог вылечить маленького царевича. Все его микстуры, заклинания и порошки не оказывали никакого воздействия. Отчаяние и бесполезные заботы окружили несчастного Алексея, пока к его кровати не подошел Григорий Ефимович Распутин.

Глава в

ДРУГ

Александра Федоровна, русская царица, пятый день не отходила от постели больного сыночка. Судорожно заломив руки, неподвижным, полным отчаяния взором она часами смотрела на страдающего ребенка. Когда неделю назад, в тот страшный полдень, матрос Деревянко на своих могучих руках принес скрюченного от боли, почти безжизненно-го Алексея, царица едва не умерла от страха. Ведь после недавней травмы делалось все возможное, чтобы уберечь Алешу! А тут опять такое! И когда это кончится? Малыш играл в парке с сыном своего хранителя, под заботливым надзором Деревянко и няни Вишняковой, ни на секунду не спускавших с него глаз. Но вдруг неловкое движение, и он уже на руках у подоспевшего матроса. Он опять в кровати с опасным для жизни внутренним кровотечением. Одна нога болезненно поджата. Ребенок лежит с восковым лицом, совсем как мертвый.

Прибегают врачи, осматривают маленького пациента, пробуют разные средства, снова осматривают, но остаются бессильны. Не помогают и принесенные царицей чудодейственные тибетские микстуры доктора Бадмаева, безотказные, когда искусство других врачей уже бессильно. Александра бросается на пол у кровати и испуленно молится, чтобы и на этот раз ее сын был спасен от смерти.

Но проходил день за днем, а Всевышний не торопился с чудом. Состояние Алексея ухудшалось, боли становились все нестерпимее. Вначале были часы, когда боли отпускали и ребенок мог разговаривать с придворным маэстро Жильяром и няней. Теперь мальчик стонал, не переставая, да так, что никто не был в состоянии находиться с ним рядом.

Временами Алеша терял сознание, и царица уже думала, что смерть вот-вот его унесет. Часто и царь появлялся в комнате больного, чтобы утешить свою Александру. Однажды в полубреду мальчик почувствовал прикосновение его прохладной руки на лбу, притянул своими ручонками голову отца и прошептал сквозь стоны прямо в ухо: «Папа, обещай, что похоронишь меня в парке!» Царь со слезами на глазах осторожно освободился от объятий сына, бросился к двери, и царица слышала, как громко он разрыдался.

Как изваяние, сидела Александра возле больного, уставшая от многодневных забот и безнадежности. Молиться она перестала, так как убедилась, что Господь не желает ее слушать. Застывшим взглядом она смотрела, как постепен-

но смеркается и наступает вечер. С самого начала болезни она не покидала комнату царевича, не снимала одежды и не отдыхала. Прическа ее растрепалась, прекрасное лицо осунулось от слез и сморщилось, как у старухи, взор погас. Вдруг кто-то тихо постучал в дверь, затем снова, но никто не ответил. Дверь бесшумно отворилась, и вошла Стана — великая княгиня Анастасия Николаевна. Оцепеневшая царица не обратила внимания ни на стук, ни на появление Станы. Она вышла из этого состояния, увидев прямо перед собой ее лицо. И вот она слушает ласково-льстивую речь, на которую были способны только сестры Стана и Милица.

Она долго слушала родственницу, зарыдала снова и бросилась Стане на шею. Та гладила ее и целовала, пыталась утешить, убеждала держаться. Склонившись, обняла ее ноги и, положив голову на колени, вдруг ободрила: малыш должен выздороветь и Александре не нужно об этом беспокоиться. Все произойдет само собой. Поток спокойных слов незаметно пробудил у царицы какой-то интерес. А великая княгиня продолжала уверять, что все, абсолютно все повернется к лучшему, что ее полюбит народ, что злобные придворные дамы и министры не будут знать, куда спрятаться от стыда за свои подлые интриги. И во всей России навсегда поселится счастье, какого она никогда не видела. Тут Стана начала сбивчиво, полупшепотом рассказывать про удивительного сибирского крестьянина, святого странника, с которым она и Милица несколько дней тому назад познакомились. Это совершенно необыкновенный мужчина, умнее и искуснее, чем даже месье Филипп и доктор Бадмаев! И не греша можно сказать, что по святости он выше Иоанна Кронштадтского. Это не мнение ее и сестры — так утверждает сам святой Иоанн!

Глотая слова, великая княгиня сообщила, как в присутствии всего петербургского высшего общества было объявлено, что мужик Григорий Ефимович благословен Господом. Это произошло так: батюшка Иоанн кончил службу. Как всегда, он прекрасно проповедовал и церковь была полна верующих. Там можно было увидеть прекрасные наряды. Женщины пришли в таких длинных перчатках, какие сейчас в моде. По окончании службы священник с причастием в руках произнес: «Веруйте и благоговейте перед Господом!» Дамы столпились возле него, чтобы принять таинство и благословение, когда случилось нечто необыкновенное! Стана очень сожалеет, что сама не присутствовала. Она собиралась в тот вечер поехать в Кронштадт, но в последний момент к ней пришли и она осталась. Но дальше рассказывают вот что. Когда дамы столпились возле батюшки Иоан-

на, тот с сияющим взглядом вышел из-за алтаря, поднял правую руку и могучим голосом воскликнул: «Стойте! Сегодня есть среди нас достойный. Он должен причаститься первым, вот этот скромный пилигрим, среди вас стоящий!» И он указал на совершенно непримечательного мужика в дальнем углу, где молятся нищие, слепые и калеки.

Все с удивлением стали присматриваться к этому человеку. Да, это был обыкновенный крестьянин в простой овчинной шубе, в тяжелых стоптанных сапогах, с посохом в руке и торбой за спиной. Однако дамы, по крайней мере графиня Игнатьева, от которой Стана все эти детали узнала, заметили, что у мужика прекрасные глаза. Таких глаз они никогда ни у кого не видывали. Но самое удивительное, как поступил странник! Казалось бы, что слова батюшки должны его смутить. Но он ничуть не удивился, спокойным шагом подошел к иконостасу, принял причастие и сам благословил отца Иоанна!

В салоне графини Игнатьевой это произвело сенсацию. Наводились справки, откуда взялся этот пилигрим и, собственно, кто он такой. Великая княгиня рассказала царице, как архимандрит Феофан встретился со странником и что за разговор с ним завязался. Феофан на следующий день был в салоне графини и сообщил, какое впечатление произвел сибирский крестьянин на него лично, епископа Гермодона и почтенного иеромонаха Илиодора. Не только духовенство было восхищено набожностью, глубокими знаниями и первозданной мудростью чудо-человека Распутина, но и скептически настроенные профессоры, адвокаты, офицеры и служащие, присутствовавшие на собрании «Союза русского народа».

Батюшка Феофан доставил потом замечательного крестьянина в Сергеево, во дворец великой княгини Станы и ее супруга. Так что и Николай Николаевич почувствовал к нему огромное расположение. Далее Стана сообщила, что к ней приходила делегация «Союза», которая просила представить нового святого царской чете. Они считают, что в этом крестьянине говорит голос русской земли и душа святого русского народа. Сейчас особенно нужно прислушаться к такому голосу, когда «революционеры своими гнусными делами угрожают трону и православной церкви». Царь с царицей окружены ненадежными придворными, зараженными западными идеями. И так важно, чтобы при дворе звучал голос истинного представителя русского народа. Стана, собственно, хочет только обсудить с царицей это предложение. «Истинно русские» всегда были надежнейшей опорой монархии. Николай и Аликс правы, не доверяя свое-

му окружению, которое умышленно скрывает истинные чаяния русского народа. Григорий Ефимович — настоящий русский крестьянин, истинно православный христианин, знающий народ, его желания. Он, как никто другой, может царю советом, как одолеть забывших Бога мятежников.

Но еще важнее то, что Григорий Распутин в состоянии исцелять безнадежных больных своей святой силой. Стана в этом совершенно убедилась, когда простая, но достойная мещанка, вдова Башмакова приехала в Петербург и рассказала, как Григорий Ефимович, еще до появления в столице, на родине в Сибири прослыл чудотворцем и святым, как к нему устремились матери с больными детишками, как мужчины и женщины, пораженные неизлечимыми недугами, избавлялись от них. Сама вдова пожертвовала значительные средства батюшке Григорию в благодарность за ее излечение.

Личность Распутина произвела потрясающее впечатление не только на нее, Стану, но в не меньшей мере на супруга, сестру и зятя. Встретив Распутина, все они тут же поверили в его святость. Теперь он регулярно навещает и Стану, и Милицу с Петром Николаевичем. Вчера был он у Станы, и она ему сказала, как плохо царевичу и как страдает от этого Аликс. И Стана, сияя от радости, сообщила, что чудотворец просил передать: «Скажи царице, не долго ей плакать. Сделаю ее мальчика здоровым! Будет как солдат, с румяными щеками!» Царица улыбнулась впервые за много дней. Анастасия Николаевна, сидя перед ней на корточках, все рассказывала и рассказывала. Царица начала слушать внимательно, и, наконец, все ей стало ясным: этот крестьянин желает защитить царя от покушений революционеров, хочет спасти царицу и православие, а ее дорогого, единственного Алешу вылечить!

На ее лицо постепенно вернулся румянец, глаза ожили и заблестели. И когда Стана стала подражать забавной речи Распутина, царица непроизвольно улыбнулась. Все, что говорил этот крестьянин, звучало просто и сердечно. Она уже сейчас прониклась к нему полным доверием, решила с ним познакомиться и без промедления поговорить об этом с царем.

Как только Стана заметила, что ей удалось пробудить в царице интерес к батюшке Григорию, ее слова зазвучали зажигательно, с экспрессией. Проникновенно описывала она наружность Распутина, особенно его глаза, их непередаваемый взгляд. Она рассказывала о непреодолимой силе, присущей этому взгляду. Великая княгиня освободила, на-

конец, колени царицы и начала сопровождать свой рассказ оживленными жестами. Она изображала фигуру и движения нового святого, копировала его произношение. Все это произвело на царицу нужное впечатление.

Уже стемнело, и в темноте Александра могла только слушать, догадываясь о жестах лишь по движениям приникшего к ее ногам тела подруги. И ей, не смыкавшей глаз три ночи, казалось, что вместе со словами и жестами Станы в комнате появился и сам крестьянин с длинными волосами и бородой, с добрым мягким взглядом.

«Ты вспомни, Аликс,— продолжала подруга,— что сказал доктор Филипп перед отъездом? Он предсказал, что Господь пошлет нового друга, чтобы спасти и защитить вас! Поверь, он и есть тот новый друг! Бог уже послал его!»

Всматриваясь в темноту, царица почти наяву видела «друга». Вот он подходит к кровати, поднимает руку в благословении. Царица стала благодарить Анастасию: «Ты так ко мне добра, Стана! Только ты с Милицей желаешь мне добра!»

Пылко и самозабвенно, как это свойственно обиженным судьбой людям, она благодарно сжала руки Станы. Вошла прислуга, чтобы зажечь свет, а вскоре появился царь. С царицей произошла удивительная перемена. Она ожила и велела накрыть стол для ужина.

Царь целовал у Станы руки и говорил: «Ты и Милица — единственные друзья из всех наших родственников! И они еще смеют натравливать против вас!»

Действительно, царя пытались уверить, что «черногорки» дурно влияют на царицу, что они необразованны, суеверны, не научились хорошим манерам и остались деревенщиной, как и их отец, хотя и воспитывались в Смольном монастыре. Особенно усердствовал в этом нетерпимый граф Витте, утверждавший, что Стана и Милица дружат с царем и царицей только ради собственной выгоды. Но как мог царь быть неблагодарным этим двум женщинам, если они могли утешить Александру в ее бедах!

За ужином Анастасия рассказала царю о сибирском божьем человеке Григории Ефимовиче. Она повторила все то, что уже слышала царица. Теперь у царской четы появилась надежда на лучшее. Неужели Господь мог услышать их молитвы и послал им спасителя, нового «друга»?

Несколько дней спустя Николай и Александра сидели в кабинете царя. Шел шестой час вечера, и царица с нетерпением считала минуты. Но каминные часы пробили девять, а долгожданный гость не появлялся. Царица была в

отчаянии. У нее перехватило дыхание, щеки покрылись лихорадочным румянцем.

Нервничал и царь. Он перебирал стопки актов и сообщений, напрасно пытаясь вникнуть в их смысл. Это были сообщения о новых восстаниях, о покушениях, указы о введении чрезвычайного положения в тех или иных местностях империи. Сколько возни с этими революционными идеями! Царь в последнее время потерял работоспособность и был вынужден просиживать за письменным столом даже ночами.

В этот вечер совсем не работалось. Царь сидел и вспоминал своих министров, генералов и адъютантов. Ни с одним из них ему сейчас не хотелось говорить. Он хотел видеть только Григория Ефимовича, способного помочь маленькому Алеше. Только бы он пришел! Стана ведь обещала доставить его в экипаже из Сергеева не позже девяти!

Царь встал и положил руки на плечи супруги. «Не беспокойся, мой солнечный лучик,— сказал он.— Нет причин для волнений!»

Ведь было предусмотрено все, чтобы чудотворец без ключей был доставлен во дворец. Если бы отец Григорий прибывал сюда обычным путем, он прошел бы три полицейских поста, в сопровождении специальной стражи. Как любого другого, его бы по меньшей мере двадцать раз останавливали и спрашивали о цели визита, чтобы записать имя в двадцати книгах. При этом дежурным офицером по телефону предупреждалась вся охрана дворца и его комендант. И только после распоряжения этого ответственного лица, переданного по всем инстанциям, посетитель пропускаться. Если у кого-то в цепочке служащих появлялось сомнение, в визите отказывалось.

Поскольку царь с царицей охранялись многочисленными кордонами в униформе и штатском, любой посетитель строго контролировался. Так же тщательно протоколировался и каждый шаг царствующей четы. И Аликс часто с грустью говорила: «Мы здесь пленники, мой дорогой Ники!»

Но сейчас были предприняты все меры, чтобы устранить препоны. Распутина должны были впустить незаметно в апартаменты царя через черный ход заднего крыла Царскосельского дворца. Этот вход вел к обычно закрытой лестничной клетке. Там сегодня дежурила Мария Вишнякова, верная и надежная няня наследника. Распутина к этому вспомогательному входу должна была доставить Стана, появление которой не могло вызвать подозрений у находившейся здесь немногочисленной стражи, поскольку она была

частой посетительницей. Притом нужно было сделать, чтобы появление старца осталось незамеченным.

Когда царь, чтобы успокоить супругу, собрался обо всем этом рассказать, незаметно отворилась дверь и Григорий Ефимович в длинном черном кафтане, с огромной бородой и спутанными волосами оказался в царском кабинете. За ним вошла Вишнякова. Как простая баба, она от удивления скрестила руки на животе, да так и стояла с округлившимися глазами и полураскрытым ртом. Она как будто не ожидала увидеть перед собой сразу царя и царицу.

Григорий Ефимович благосклонно на нее посмотрел и, усмехнувшись, произнес: «Что, душенька, проглядела?» Смущенная еще и этими словами, няня совсем растерялась и, покраснев до корней волос, низко поклонилась и поторопилась убраться. Но, оглянувшись в дверях, она стала свидетельницей сцены, заставившей ее задержаться: Григорий Ефимович, широко улыбаясь, подошел к царской чете и стал бесцеремонно обнимать и лобызать самодержца всея Руси и его супругу.

В комнате царевича наступала новая ночь, ночь, как и предыдущие, бессонная, полная боли и печали. Но вот в эту комнату входит Григорий Ефимович, сопровождаемый царицей и госпожой Вишняковой.

Смертельно бледный Алеша лежал в постели. Его личико искажилось от боли, колени судорожно притянуты к груди. Когда Вишнякова тихонько спросила его о самочувствии, мальчик был в полуобмороке, негромко стонал и даже не шевельнулся. Войдя, Распутин опустился перед висевшей в углу иконой и полупшепотом помолился. Затем встал, подошел к мальчику и перекрестил его.

Алеша открыл глаза и удивленно уставился на чужого человека с огромной бородой, улыбавшегося ему строго и в то же время доброжелательно. Сначала он немного испугался, но потом почувствовал, что этот неизвестный не сделает ему ничего плохого. «Не бойся, Алеша, все будет хорошо»,— твердо сказал незнакомец мелодичным и добрым голосом. Лежащему в жару мальчику показалось, что с ним говорит сам Господь. «Смотри, Алеша,— продолжал неизвестный, от головы к ногам поглаживая тело мальчика,— я изгоню из тебя все ужасные болячки. Ты никогда не будешь страдать и к утру поправишься! Увидишь, как весело мы с тобой потом поиграем!»

Испуганный ребенок под влиянием ласкового поглаживания грубых широких ладоней понемногу успокоился и

заулыбался. А незнакомец продолжал: «Когда я был маленьким, играл в удивительные игры. Ты их не знаешь, но я тебя научу!» И Григорий Ефимович рассказывал мальчику, какие отчаянные проделки он вытворял с крестьянскими ребятишками в своей сибирской деревне. Он говорил о невообразимых просторах Сибири, такой большой, что никто не может ее измерить! И эта огромная страна принадлежит его папе и маме и перейдет к нему, мальчику, когда он станет большим, сильным и здоровым. В этой стране много лесов и степей, люди там совсем не те, что в Петербурге.

Приветливый незнакомец сел на край кровати, взял руки мальчика и стал гладить их своими мужицкими ладонями. Стоит только поправиться, и незнакомец возьмет его с собой, чтобы показать Сибирь. И он, Алеша, увидит и людей, и места, которых никто не знает.

С растущим любопытством прислушивался малыш к рассказам мужика, глаза его разгорелись. Он забыл о болезни, распрямил ноги и сел на подушку, чтобы лучше было слушать.

Стоявшая поодаль царица, увидев это движение сына, испуганно подбежала, опасаясь, чтобы он, опираясь о кровать, не повредил себе руку. «Алеша, ты должен быть осторожным!» — закричала она.

«Оставь меня, мама! Я хочу послушать!» — возразил мальчик. Распутин одобрительно улыбнулся: «Ты прав, Алеша. Тебе не будет больше больно. Скажи маме: пока я здесь, с тобой ничего не случится!» И продолжал говорить про Сибирь, а потом перешел на сказки. С волнением слушал малыш истории о коньке-горбунке, о безногом богатыре и о богатыре безглазом, об Аленушке и Иванушке, о неверной царевне, превратившейся в белую птицу, о царевиче Василии и прекрасной царевне Елене. Григорий Ефимович рассказывал, как живут цветы в широкой сибирской степи и как деревья в лесу между собой разговаривают. И звери, убеждал он, могут беседовать. Ведь он ребенком сам слушал, как на конюшне шептались лошади.

«Смотри-ка, Марья,— обратился вдруг мальчик к няне,— я всегда говорил, что звери разговаривают! А ты такая глупая, что не знаешь этого!» Вишнякова, сама очарованная рассказами Распутина, утвердительно кивнула.

«Только мы двое,— сказал царевич Распутину,— только мы двое знаем, что животные разговаривают. И ты мне расскажешь, что подслушал у лошадей!» Было довольно поздно, и Распутин с улыбкой предложил: «Завтра, Алеша! Завтра я расскажу еще больше!»

Царица тоже пообещала, что добрый батюшка обязательно будет завтра вечером. Пришлось долго уговаривать, чтобы ребенок согласился расстаться. Когда Григорий Ефимович распрощался и был уже в дверях, Алеша крикнул: «Приходи завтра, батюшка! Я не засну, пока ты не придешь!» Распутин ушел, а мальчик долго еще смотрел на дверь, за которой он исчез.

«Кто это был, Марья?» — спросил он Вишнякову.

«Святой пилигрим, Алеша. Он тебя вылечит. Его послал Господь твоим маме и папе!» — ответила та.

«Святой!» — повторил ребенок, уже засыпая.

Когда Григорий Ефимович вышел из комнаты больного, царица расплакалась от умиления и благодарности, схватила руку мужика и стала осыпать ее поцелуями.

Распутин ее перекрестил и произнес: «Верь силе моих молитв, и сын будет здоров!»

Григорий Ефимович пришел и на следующий вечер. Грубый сибирский крестьянин и маленький царевич стали добрыми неразлучными друзьями. Алексей всегда ждал с нетерпением, когда появится батюшка Григорий. Он все чаще просил пригласить Распутина, чтобы послушать грустные и веселые сказки и истории. В одно из таких посещений Алеша радостно бросился к Распутину, потащил его в кабинет к отцу и крикнул: «Папа, папа, «новый» опять пришел!» С тех пор в царской семье Распутин стал именоваться как «Новый» или «Новых».

Теперь по-прежнему появляясь во дворце вечером через черный ход, Распутин целовал царя с царицей, присаживался к ним и рассказывал о жизни сибиряков и своих странствиях. В такие вечера и наследник допоздна сидел на коленях у Григория Ефимовича в длинной до пят шелковой ночной рубашке. Рассказы Распутина было интересно слушать и Алеше, и царю с царицей, и сестрам.

Один высокопоставленный придворный как-то произнес: «Распутин сумел добиться доверия и любви царской четы. Он знал, как их ободрить, растормошить и утешить. Он часто и довольно резко говорил правду. Но умел и шутить и рассказывать байки. В итоге без него не могли обходиться».

Старшие дочери царя в особенности стремились посекретничать с Григорием Ефимовичем. Они доверяли ему все личные тайны, которых было у них столько же, как и у любых других девушек. Если одной из них нравился какой-то офицер, она советовалась с добрым другом. Если его не

оказывалось рядом, посылалась записка с просьбой дать «мудрый совет».

Вот что написала ему великая княгиня Ольга Николаевна из Ливадии, влюбившаяся в офицера по имени Николай: «Мой любимый, мой дорогой друг! Как печально, что я уже долго не видела тебя. Я тоскую по тебе и часто вспоминаю. Где ты провел сочельник? Пожалуйста, напиши мне, я радуюсь, получая твои письма.

Помнишь, что ты сказал об этом Николае? Если б ты знал, как трудно было следовать твоему совету! Прости мои слабости, добрый друг!

Слава Богу, что мама в эту зиму была здорова, иначе я очень бы печалилась!

Я очень довольна, что иногда встречаюсь с отцом Феофаном. Недавно повстречала его в новом доме в Ялте. Наша маленькая капелла прелестна. До свидания, мой дорогой, любимый друг! Пора чаевничать. Молюсь за тебя и горячо люблю. Ольга».

Младшая дочь царя Анастасия также не раз писала Григорию Ефимовичу. «Мой дорогой, любимый единственный друг! — начинала она одно из писем. — Как хотела бы я тебя увидеть! Ты в моих мечтах! Всегда спрашиваю у мамы, когда ты будешь здесь, и счастлива уже тем, что могу послать тебе привет. Поздравляю тебя с Новым годом, желаю здоровья и благоденствия. Я всегда думаю о тебе, мой милый! Ты так добр ко мне! Давно тебя не вижу, но каждый вечер о тебе думаю. Желаю всего самого лучшего! Мама сказала, если ты снова будешь у нас, то с Аней. Уже сейчас радуюсь этому. Твоя Анастасия».

Еще больше зависел от Распутина маленький царевич. При легком недомогании было достаточно, чтобы тот поговорил с Алексеем по телефону. Одна из подруг Распутина так описывала подобный разговор. Она как раз была у Григория Ефимовича, когда зазвонил телефон. Распутин подошел к аппарату: «Что? — воскликнул он. — Алеша не спит? Ушко болит? Давайте его к телефону...» Затем он жестом попросил посетительницу не волноваться и заговорил снова: «Ты что, Алешенька, полуночничаете? Болит. Ничего не болит. Иди сейчас ложись. Ушко не болит. Не болит, говорю тебе. Слышишь? Спи!»

Через четверть часа позвонили снова и сообщили, что уши болеть перестали и царевич заснул.

Вся царская семья любила и боготворила Распутина, Родители и дети называли его «батюшка Григорий», «Друг», «Старец». Он часто бывал на богослужениях, устраиваемых придворным священником отцом Василием в Федоровском

соборе. Там перед иконостасом вместе с Распутиным стояла царица и ее дети, чтобы принять причастие и обменяться ритуальными поцелуями. Распутин прикладывался ко лбу царицы, а та целовала его руку.

В дневнике царя есть много кратких заметок о первых посещениях Царского Села Распутиным. Эти заметки начинаются словами: «Я познакомился с божьим человеком Григорием из Тобольска».

Некоторое время спустя монарх записывает: «Вечером мы были в Сергиевской и видели Григория». Через много месяцев опять упоминание: «В четверг седьмого к нам пришел Григорий, принес образ святого Симеона из Верхотурья, приветствовал детей и до четверти восьмого с нами беседовал».

Как свидетельство влияния Распутина можно привести такую заметку: «У нас ужинали Милица и Стана. Мы весь вечер говорили о Григории».

Беспрепятственные посещения Царского Села продолжались для старца недолго. Агенты генерала Спиридовича стали держать под наблюдением и дальнее крыло дворца с черной лестницей. Теперь о каждом визите знал весь дворец. Среди придворных росло возмущение «этим мужиком, набравшимся наглости проникнуть в царскую семью». Вокруг Распутина начали плести опасные интриги. Его поведение давало для этого поводы. Григорий Ефимович оставался верен крестьянским манерам и в царском дворце. В раздражении он мог ударить по столу кулаком, а с царем держался на равных.

Первой против Распутина выступила воспитательница царских дочерей. Для старца было обычным во время своих визитов посещать комнаты юных великих княгинь, чтобы благословить, когда они были уже в постелях. Фрейлина Тютчева, ответственная за их воспитание, ставила вопрос даже перед царем, чтобы тот запретил подобные посещения. Месяе Жильяр, наставник наследника, также не был в восторге от нового друга своего подопечного и не раз в присутствии царской четы безуспешно пробовал выразить свое отрицательное мнение о Григории Ефимовиче. Кончилось тем, что тема о Распутине в присутствии царя стала запретной.

Тем временем среди молодых и старых придворных дам расплывался поток сплетен. Утверждали, что вскоре после прибытия в Царское Село Распутин якобы соблазнил и даже изнасиловал воспитательницу Вишнякову. Та, мол, со-

общила о своей беде царице, но она не поверила, да еще и осудила.

Вскоре пополз слух, что царица собственноручно шьет для Григория Ефимовича рубаху. Но ведь он всего лишь никчемный развратник, получивший дурную славу еще на родине! И фамилия поэтому у него такая! Все это дошло до царицы, и она послала доверенных людей в Покровское. Те выяснили, что раньше село называлось Падкино Распутье, откуда и произошли Распутины.

Клевета и подозрения только скрепили возникшую дружбу старца и тибетского чудо-доктора Бадмаева. Вскоре начали поговаривать, что Распутин лечит наследника снадобьями из аптеки тибетца. Некоторые придворные утверждали даже, что Бадмаев сообщает Распутину, когда должно наступать улучшение состояния наследника. Именно в такой момент Распутин и появляется. Остается лишь сотворить молитву и создать иллюзию чуда.

Старый тактичный министр двора граф Фредерикс считал своей обязанностью успокоить взбудораженные умы и делал вид, что ничего не знает о старце.

Из флигель-адъютантов решился выступить только адмирал Нилов, этот здравомыслящий придворный грубиян. Но царь выразил недовольство, и он поспешил подружиться с Григорием Ефимовичем.

Позднее Фредерикс пытался примкнуть к противникам Распутина, но это ему так и не удалось.

Остальные адъютанты — Саблин, Ломан, князь Путятин и Мальцев были раздражены растущей властью Распутина, но молчали и старались поддерживать с ним хорошие отношения. Особенно это удавалось Ломану и Мальцеву, выполнявшим роль «почтальонов» между царицей и «другом».

Появление Распутина вызвало немалое возбуждение в политических салонах. Царский конюшенный Бурдуков один из первых правильно оценил изменение ситуации в Царском Селе. Теперь было недостаточно, чтобы нужная информация доходила до царя через камердинеров и адъютантов. Стало более важным получить расположение всемогущего «батюшки», превратившегося в настоящего «царя царей».

С удовлетворением и радостью узнали многие, что «царь царей» берет взятки, любит поесть, попить мадеры, а также общество хорошеньких женщин, предпочтительно из высшего круга. Но не брезгает куртизанками и служанками и не прочь без смущения пощупать их груди. Посетители Бурдукова скоро усвоили, как использовать эти человечес-

кие слабости «святого» для собственных целей. Особенно преуспели в этом баронесса Розен и прекрасная княгиня Долгорукая. В салоне Розен появились женщины соответствующего качества, а «инженер» поставлял нужное марочное вино. Григорий Ефимович стал предпочитать дом баронессы, где в обществе графинь и куртизанок попивал мадери и болтал о дворцовой жизни.

В салоне графини Игнатьевой успех старца вызвал небывалый приступ восторга. Ведь именно там его приняли и оценили, там поверили в святость. Появление Григория Ефимовича в Царском Селе было триумфом кружка Игнатьевой. Теперь еще чаще стали устраиваться послеобеденные встречи, на которых обсуждались новые чудесные деяния и мудрые изречения старца. Его объявили вновь явившимся Спасителем. С подобоострастным восторгом собирались на приемы, чтобы лицезреть истинного Спасителя, попить с ним чайку и под сигаретный дымок поговорить о небесных и земных делах. Где еще в мире возможно такое?

Под воздействием злобной молвы Распутина пришлось прекратить посещение царского дворца. Царь решил встречаться с ним на нейтральной территории. Ею стал домик Ани Вырубовой, находившийся совсем близко от Александровского дворца. Аня, как и ее царственная подруга, едва познакомившись со страцем во дворце великой княгини Миллицы, уже была убеждена в его святости. Ее простая душа поверила, что Григорий Ефимович послан Богом, чтобы оберегать царственный дом и защищать наследника от превратностей судьбы.

Царица изъявила желание познакомиться с семьей Распутина. Первую такую встречу прекрасно и выразительно описала старшая дочь старца Матрена:

«В дворцовом экипаже мы приехали в Царское Село. Я помню, что, войдя в дом Вырубовой, дрожала, как в лихорадке. Царицы еще не было, и мы присели на мягком диване. Комната была уютно обставлена. На этажерках — множество безделушек, на стенах — гравюры и фотографии.

Вдруг звонок, шорох женской одежды. Берчик, любимый лакей госпожи Вырубовой, открыл дверь, и вошла царица с дочками. Она поздоровалась с нами, приятно улыбаясь. Мы благоговейно поцеловали ее руку. Царица присела и пригласила к ней присоединиться.

Великие княгини окружили меня с Варей и начали наперебой спрашивать: «Сколько тебе лет? Что ты делаешь? Какие успехи в школе?» Они говорили так быстро, что нам с сестрой было трудно отвечать. Царица беседовала с моей

мамой и иногда посматривала на меня прекрасными, бесконечно печальными глазами. У меня появилось необъяснимое желание с нею поговорить. Я набралась смелости и спросила: «Мама (мы называли царицу мамой, поскольку считали ее матерью всей России), скажите, пожалуйста, у вас много курьеров?»

Царица со смехом ответила: «Конечно, много, мое сердечко!»

Встречи семей, подобные этой, стали происходить регулярно, и дети между собой по-настоящему подружились.

Григорию Ефимовичу, тем временем, надо было подумать о борьбе с опасными соперниками. Среди ясновидцев и чудотворцев остались и такие, чье влияние при дворе сохранилось, но позиции оказались потесненными. Умнейший среди них, доктор Бадмаев, сразу же перешел на сторону Распутина. Иоанн Кронштадтский тоже не мог выступить против, поскольку в свое время сам признал Григория святым. Не мог же он, «пророк» Иоанн, публично назвать теперь Распутина мошенником, хотя в душе и считал это необходимым. Мелкие чудотворцы типа юродивых выходили из себя при появлении старца. Митя Коляба раз за разом падал в припадках, хрипел и выл, размахивая култышками рук и проклинал соперника на языке, понятном одному лишь псаломщику Егорову. Полоумная эпилептичка Дарья Осипова вдруг проявила болезненный интерес к Григорию Ефимовичу и стала преследовать, хватая, где только можно, и предлагая свою любовь.

Примерно в одно время с Распутиным в Царском Селе появился еще один юродивый, босяк Олег, но Григорий Ефимович без особых усилий устранил конкурента. Эта же участь постигла монаха-ясновидца Мардария. По-другому дела сложились у старца Василия, босяка, начавшего в это время свои выступления. Тот сразу же подчинился старцу, и великий чудотворец взял его под свое крылышко, защищая даже от нападков архиепископа.

Прошло несколько лет, прежде чем царская семья сама заметила власть Распутина. До этого старец избегал оказывать давление на нее так, чтобы это привлекало внимание. Но он все больше вмешивался в государственные дела, касающиеся прежде всего политики церкви.

Когда в 1911 году создавалось Тобольское епископство, Григорию удалось сделать так, чтобы царь, несмотря на протесты синода, назначил епископом этой епархии совершенно необразованного монаха Варнаву. До монашества

тот был простым рабочим в монастырском саду и дружил с Распутиным.

Этим поступком Распутин восстановил против себя высшее духовенство, но приобрел расположение «Союза русского народа». При любой возможности он убеждал государя, что тот должен любить и уважать народные низы и опираться на них в своей власти. Нечто похожее проповедовал и «Союз истинно русских», но его идея «народа-богоносца» была пустой фразой. Распутин же все это принял по-крестьянски серьезно и осуществлял на деле. И когда «истинно русские» утверждали, что простой народ политически ненадежен, Григорий Ефимович выходил из себя и зло возражал: «Если это и так, то другие виноваты, что народ нарочно держали в темноте! Посмотрите, что творится в деревне! Нет ни больниц, ни школ, вместо них одни кабаки! Мы водкой травим крестьян! Прежде чем обвинять простых людей и евреев, посмотрите на себя!»

Подобные речи привели к тому, что даже реакционеры стали отворачиваться от Распутина и плести против него интриги. При большом их влиянии не исключалось, что положение старца пошатнется. Григорий Ефимович все это прекрасно понимал и предпринял эффектный шаг, с помощью которого надеялся предупредить действия своих врагов. Он решил отправиться в паломничество по святым местам восточных христиан — в Киев, Константинополь и Иерусалим. Обосновал он это тем, что святость его опозорена злыми людьми и он чувствует, что не в состоянии с прежней силой бороться с происками Сатаны. Во искупление слабости он должен совершить эту поездку.

Такое решение еще больше повысило авторитет Распутина в глазах царя и особенно царицы. В этом она увидела порыв чистой набожной души к совершенству. Она сейчас испытывала те же чувства, через которые прошли когда-то Покровские крестьяне. Они ведь видели, как Гриша пьянствует и соблазняет женщин, но считали это происками дьявола. И когда тот залез в погреб для покаяния, тут же признали святым. Ведь человек одержал такую победу над Сатаной! Теперь никакие доходившие до нее сплетни о старце не могли поколебать убеждения в святости этого человека.

Но вскоре Григорию Ефимовичу стали угрожать другие неприятности. Премьер-министр Коковцов решил, что возрастающая сила Распутина становится опасной. Такого же мнения был и предшественник Коковцова Столыпин, которого раздражал этот «назойливый крестьянин». Но он держал свое мнение при себе, поскольку знал, что монарх

его не поддержит. Коковцов же решил во что бы то ни стало удалить Распутина из столицы.

Будучи до этого министром финансов, он и сейчас попытался дать Грише взятку в двести тысяч рублей, чтобы только тот навсегда уехал в Покровское. Но Гриша ответил, что уйдет лишь по желанию «папы». Еще более раздраженный таким упрямством, премьер-министр обратился прямо к царю и заявил, что Распутин является обыкновенным авантюристом, которого единодушно осуждает общественное мнение.

Царь небрежным жестом оборвал Коковцова и спросил с усмешкой: «Вы имеете в виду то, что пишут газеты?»

«Да, ваше величество,— отвечал премьер.— Я имею в виду газеты, особенно в тех случаях, когда они оскорбляют личность императора. Но в данной ситуации критически выступают даже самые лояльнейшие издания!» Лицо царя приобрело скушающее выражение. «Эти критики — идиоты. Я знаю Распутина», — ответил он.

Мнение царя смутило Коковцова, но он продолжал убеждать, что расстаться с Распутиным — в интересах династии. В конце концов царь холодно произнес: «Я ему сам скажу, чтобы он уехал и не возвращался».

Действительно, царь в очень деликатной форме попросил старца на время покинуть столицу. Григорий Ефимович не заставил себя долго упрашивать и подготовился к отъезду. При расставании он сказал Николаю и Александре: «Я знаю, что злые люди делают все, чтобы отнять у меня вашу любовь. Не слушайте их! Если мы будем разлучены, за полгода потеряете и сына, и корону!» Царица расплакалась и закричала: «Ну как мы можем с тобой расстаться? Ты наш единственный защитник, наш лучший друг!» С этими словами она упала перед ним на колени и попросила благословения.

Стояла осень, и, как это бывало часто, царская семья выехала в Беловежскую Пущу под Гродно, где царь охотился на зубров. В те времена этих редких животных в тех дремучих лесах было еще предостаточно. Но случилось новое несчастье. Наследник решил покататься на лодке по заболоченному озеру. Вернувшись, он неудачно прыгнул на берег и ударился коленом о камень. Началось сильное кровотечение. Состояние царевича особенно ухудшилось, когда царица взяла его с собой в экипаж. Тряска при движении доставляла ребенку невыносимые мучения. В охотничий домик Алексей был доставлен полумертвым.

Врачи обнаружили опухоль также в паху, нога отекала, и сильно поднялась температура. Алексей плакал и стоял не переставая, сопротивлялся врачам, поскольку любое прикосновение к ноге доставляло мучительную боль. Его состояние настолько ухудшилось, что врачи уже предсказывали самое худшее. Появились признаки заражения крови.

Целый день по всей России шли церковные службы во исцеление наследника. Родители не решались оставить его ни на минуту. Пытаясь успокоить ребенка, царица произнесла имя Григория. Тот открыл глаза и начал пылко уговаривать мать пригласить «батюшку». К вечеру мальчику стало еще хуже, и царица попросила Аню Вырубову послать в Покровское телеграмму, чтобы вызвать Распутина. Ответ пришел уже ночью.

Когда утром весь дворцовый штат собрался в салоне, чтобы узнать о самочувствии наследника, появилась Александра и с безмятежной улыбкой объявила, что врачи не находят улучшения, но она спокойна, так как пришла телеграмма от Григория. Она достала депешу и прочитала присутствующим: «Господь увидел слезы и услышал молитвы. Не печалься, твой сын будет жить. Пусть врачи его не мучают». Распутин не приехал, но Алеше действительно стало лучше.

Через пару дней наследника уже можно было везти в Царское Село. Царица настояла на том, чтобы Распутин снова был при дворе, поскольку он единственный, кто способен помочь Алеше.

Прошли годы, и Распутин опять оказался в роли спасителя царевича. Это случилось во время войны, когда царь, приняв командование русской армией, часто выезжал сначала в Барановичи, а потом в Могилев. В одну из таких поездок он взял с собой уже подросткового Алешу, хотя Распутин сразу же был решительно против.

Едва царский поезд тронулся, у наследника, сильно прижавшего нос к оконному стеклу, началось носовое кровотечение. Напрасно лейб-врач доктор Деревенько использовал все средства, чтобы остановить кровь. Царский поезд пришлось вернуть в Царское Село.

Царица тут же послала Вырубову за Распутиным, и тот без промедления прибыл в Александровский дворец. Как только Распутин вошел к наследнику, тот сразу успокоился. Старец перекрестил больного, долго молился у образов и сказал: «Благодарите Бога! Он снова подарил жизнь вашему сыну!»

Вскоре царевичу сделалось лучше, температура спала,

стало прекращаться кровотечение. Распутин ушел в прекрасном настроении и потом рассказывал своим друзьям, что царь не может без него обходиться.

Во время правления Николая и Александры все помыслы царской четы были проникнуты заботой о наследнике. Поэтому еще до рождения Алексея маги и чудотворцы приобрели при дворе огромное влияние, ибо они обещали помощь в рождении сына. Появившийся на свет долгожданный наследник постоянно пребывал между жизнью и смертью. Ценились люди, способные в трудные минуты спасти больного ребенка. Именно поэтому царь с царицей не могли обойтись без Распутина. Старец приобрел также огромное политическое влияние. Они считали его связующим звеном между властью и народом.

Во время войны, когда царь находился в ставке, Александра никогда не упускала случая упомянуть в письмах о святости Распутина и настаивала, чтобы Николай следовал его советам. Однажды она написала:

«В книге «Amis de Dieu» («Друг Господа») один старик рассказывал, что страна, в которой государь слушался божьего человека, всегда процветала. Это очень правильно! Нам остается лишь верить ему и спрашивать совета. Он знает намного больше нас, поскольку сам Господь все ему открывает. Меня удивляют люди, не способные понять его душу!.. Если он что-то благословил, успех обеспечен, если он что-то посоветовал, можно не раздумывать — совет верный! Его жизненный опыт благословляет сам Господь, и он ошибается меньше нас...»

В следующий раз она сообщает о встрече с Григорием Ефимовичем:

«Вчера в полдень у Анны Вырубовой мы перекусили с Распутиным... Слушайся Распутина — им руководит Господь!.. Если ты сохранишь твердость и энергию, если ты хочешь быть мужчиной, верь только ему! Он любит и тебя, и Россию...»

«Положись на советы нашего друга Распутина! — пишет она еще в одном письме.— Даже наши дети замечают, что все, сделанное нами вопреки его пожеланиям, плохо выходит и все удается, что он советует...» И продолжает: «Любимый, положись на советы нашего друга!.. Я не писала бы всего этого, если бы не забота о тебе! Мы, твоя маленькая женушка, Аня и наш друг, должны тебя поддержать! Поэтому все неверующие и злые ненавидят наши устремления, направленные только на добро... Чуть побольше тер-

пения в молитве и доверия к нашему другу, и все будет хорошо. Наступит прекрасное время для твоего царствования и для России!»

Царица глубоко убеждена, что молитвы Распутина в состоянии влиять даже на явления природы. Когда осенью 1915 года туман помешал русскому наступлению, она пишет супругу в ставку:

«Наш друг все молится и желает, чтобы ему немедленно сообщили, если произойдет нечто особенное. Ему сказали про туман, и он упрекнул меня в том, что не знал об этом! Он помолился и обещал, что туман скоро мешать перестанет».

В другом письме опять речь идет о чудодейственной силе распутинских молитв: «Несмотря на шторм, корабль «Варяг» благополучно прошел из Гибралтара в Глазго. Корабль и команда уцелели, потому что Распутин молился за них в Тобольске».

Эта безграничная вера в божественную силу «друга» объясняет также то благоговение, с которым Александра относилась к мелким вещичкам, освященным Распутиным. Когда царь отбыл в ставку, царица в письме рекомендовала ему перед важными совещаниями причесываться расческой, подаренной Григорием Ефимовичем. Об этом она еще и телеграфировала: «Я иду в церковь и ставлю свечку перед Богородицей, чтобы Господь был с тобой. Не забывай о расческе Распутина!»

Царь, пытавшийся вначале сопротивляться чарам сибирского крестьянина, был вынужден под влиянием своей любимой Аликс тоже поверить в «друга». Это оказалось нетрудно, так как еще с детства у него была склонность к мистицизму и вере в посланных Богом «посредников». В итоге он тоже стал убежденным поклонником старца. Во время прогулки он как-то поведал своему адъютанту: «Знаете, если меня одолевают заботы, сомнения или досада, достаточно минут пять поговорить с Григорием, и я снова чувствую себя сильным и спокойным. Он говорит мне всегда то, что нужно, и действие его добрых слов продолжается неделями...»

Со временем зависимость царя от «друга» дошла до того, что он был вынужден выполнять все желания Распутина. Для Григория стало нормой запросто посылать в Царское Село людей с рекомендательными записками, и царь должен был благосклонно решать дела всех этих просителей из самых разных слоев общества.

Потребовалось время, пока царю удалось поставить дело так, чтобы Григорий своих подопечных направлял к

нему лишь в исключительных случаях. Но старое иногда повторялось. Нередко царь оказывался в двусмысленном положении, когда Распутин пытался устроить своих протеже через царицу.

Царь видел в Распутине спасителя своего сына, вот что рассказывал Григорий иеромонаху Илиодору: «Папа как-то раз обнял меня за плечи и воскликнул: «Григорий, ты Христос!» Я усмехнулся, но он возразил: «Да, ты Христос!» В другой раз, когда мы сидели за столом, папа сказал: «Григорий, ты знаешь, как я тебя люблю! Приходи каждый день, но не проси за других! Мне очень трудно не выполнять твои просьбы!»

Примечателен также эпизод, случившийся за обедом в Царском Селе. Наследник вдруг спросил отца: «Папа, Григорий Ефимович святой?» Царь обернулся к присутствующему здесь же духовнику отцу Василию и попросил ответить царевичу. Священник оказался в неловкой ситуации и дал уклончивый ответ, в котором скорее было отрицание, чем подтверждение. Царь встал и довольно круто оборвал разговор.

Политические взгляды Распутина, их особенности и практика осуществления полностью соответствовали его крестьянскому характеру. В этом смысле Григорий Ефимович был истинным представителем народного мнения при дворе. Натура его оставалась мужицкой, он чувствовал других крестьян, понимал мысли и желания простого народа. Особенно четко это проявлялось, когда ставились вопросы о войне и мире. Он ненавидел войну. Когда в 1912 году великий князь Николай Николаевич под влиянием своей супруги «черногорки» сделал все возможное, чтобы Россия вступила в балканский конфликт, Распутин умолил монарха воздержаться от этой авантюры.

«Подумай, что будет с тобой и твоим народом! — говорил он тогда. — Твой отец помогал болгарам, сбросил с них турецкое иго, и как они ценят свою спасительницу — матушку-Россию! Смогут ли наши отцы, которые проливали за это свою кровь, благословить своих сыновей, если ты их пошлешь сейчас? Конечно, мы победим! Но что дальше? Мы должны помогать славянским братьям! Но был ли Каин братом для Авеля?» Эти слова произвели на царя сильное впечатление и стали немаловажной причиной для отказа от вмешательства в балканскую войну.

Когда в 1914 году разразилась мировая война, Распутин опять энергично выступил перед царем со своим мужицким мнением. Однако в этот момент старец был не в состоянии влиять на царя непосредственно, так как лежал

в госпитале под Тюменью, тяжело раненный ножом злоумышленницы. Но как только до него дошло, что снова грозит война, он немедленно телеграфировал царю, чтобы тот любой ценой добился мира, что совершенно бессмысленно из-за чести Сербии ввязываться в конфликт с непредсказуемыми последствиями. Но на этот раз у него ничего не вышло, поскольку он не мог использовать силу личного присутствия. Позже Григорий Ефимович при случае уверял, что он смог бы предотвратить войну, если бы не болел.

До самой смерти Распутин не переставал говорить о своем неприятии войны и необходимости примирения. Паллеолог сообщает об одном таком примечательном разговоре:

«В кратких и порывистых фразах,— рассказывает по-сол,— набросал передо мной Распутин картину страданий, в которые ввергла война русский народ: «Хватит нам смертей, хватит покалеченных, хватит развалин, хватит слез! Подумайте о несчастных, которые никогда не вернуться, подумайте о том, что каждого из них оплакивает пять, шесть, даже десять человек! Я знаю деревни, большие деревни, где все оплакивали одного убитого. Ведь страшно, когда народ сверх всякой меры страдает! Доходит до того, что говорят о республике! Ты должен обо всем этом рассказать царю!»

В разговоре с князем Юсуповым, будущим своим убийцей, Григорий Ефимович убеждал: «Хватит воевать, хватит проливать кровь! Самое время положить конец этому безобразию! Но как? Разве немцы не наши братья? Христос сказал, что нужно любить своих врагов, но что это за любовь? «Папа» не уступает, да и «мама» упрямится. Видно, кто-то плохое советует! Царь виноват в войне! Не хватит жизни, чтобы замолить вину! Если бы не было той проклятой бабы, что воткнула в меня нож, если бы я находился на месте, я помешал бы этому, кровопролитию! В мое отсутствие ваш проклятый Сазонов и другие все угробили!»

Ему, как и народным массам, были чужды и непонятны цели русской военной политики. Он знал, что мужик лишь по принуждению несет воинскую повинность. Его убежденность в этом зашла так далеко, что однажды он с пафосом, как пророк, сказал, что кровь этой войны будет страшно отомщена развязавшим ее генералам и особенно самому царю. Он восклицал: «Россия вступила в эту войну вопреки Божьей воле. Уберите тех, кто еще сомневается, кто ничего не видит! Прислушайтесь к голосу Все-

вышнего, смиренно прислушайтесь. Но власть имущие раздулись от высокомерия, считают себя мудрыми и будут презирать простых людей до того дня, когда Божья кара падет на их головы!»

Христос гневается, слыша жалобы земли Русской. Генералам ничего не стоит тысячу-другую мужиков послать на смерть. Это не помешает им пить, есть и обогащаться. Да, в крови не только жертвы, она обрызгала и царя — он ведь отец всех мужиков! Я говорю: гнев Божий будет страшен!»

Он не смог предотвратить войну и теперь пытался воспрепятствовать угнетающим народ действиям правительства. Так, он выступил против второй мобилизации, т. е. призыва старшего возраста, утверждая, что негоже оставлять поля необработанными. Бездарные генералы, мол, рассчитывают на победу, бросая на бойню возможно больше число людей, не считаясь с требованиями сельского хозяйства, вместо того, чтобы снабжать армию качественным оружием и амуницией. Распутин убедил в этом царицу, которая написала в ставку своему супругу:

«Мой ангел, пусть Николай Николаевич оценит твое мнение. Не разрешай, чтобы хоть один человек был призван по второму набору. Люди должны трудиться на полях, кораблях и фабриках... Послушай совет нашего друга, который из-за этого не спит ночами. Ошибемся — все будем каяться!»

Еще раз выступил Распутин против командования русской армии в начале 1915 года, когда готовилось наступление в Галиции. Он утверждал, что оно преждевременно и кончится катастрофой. Генералиссимус Николай Николаевич сделал по-своему, и наступление действительно кончилось сокрушительным поражением под Горлицей.

Летом 1916 года Григорий Ефимович также не советует наступление Брусилова развешивать дальше, считая, что оно сняло угрозу с итальянцев и тем самым выполнило свое назначение. Нужно только спокойно ждать, когда немцы и австрийцы будут окончательно разгромлены.

«Наш друг вне себя, что Брусилов пренебрег твоим приказом и не остановил продвижение... Опять эти бессмысленные потери!» — писала императрица в 1916 году.

С особым пристрастием выступает старец против мелких, но очень неприятных для народа несправедливостей. «Распутин просит, чтобы ты принял во внимание, как недоумевают народ в связи с выпуском новых бумажных денег, заполонивших всю страну... Я посылаю тебе две финские банкноты, одна из которых фальшивая. Народ не желает

иметь такие деньги. Издай приказ о прекращении эмиссии»,— пишет царица своему супругу. «Распутин расстроен из-за нехватки мяса,— сообщает Александра в другой раз.— Он считает, что министр должен созвать крупных торговцев и запретить им повышать цены в такое критическое время...»

С чисто человеческих позиций Распутин выступает против досрочных победных ликований. Когда царь радовался взятию Лемберга (Львова), считая, что это означает скорое окончание войны, старец думал иначе. Так оно и случилось несколько месяцев спустя. Львов был Оставлен, а враг так и остался на русских территориях.

Его очень беспокоило также все ухудшающееся внутреннее положение страны. Он требовал энергичных мер против спекулянтов товарами первой необходимости и даже разработал продовольственную программу, которой в здравом смысле не откажешь. О ней в письме сообщает царица: «Он предлагает, чтобы три дня в неделю обслуживались лишь поезда с мукой, маслом и сахаром. Сорок старых солдат могут за час загрузить один поезд. Можно посылать состав за составом, но не в один город а в Петроград, Москву и другие места, чтобы упорядоченно снабжать всю страну... Пассажирское движение должно быть ограничено до минимума, притом к поездам и в этом случае прицеплять вагоны с маслом и мукой из Сибири. Он говорит, что специалисты будут утверждать, что такое невозможно. Но ты не сомневайся, это иногда может оказаться реальным...»

В полной мере продемонстрировал свою мощь Распутин, когда ему удалось снять Николая Николаевича с поста верховного главнокомандующего. Великий князь, в доме которого Григорий принимался с распростертыми объятиями, быстро сообразил, что этот «мерзкий мужик» опасен, и принял все меры, чтобы настроить против Распутина царя. В итоге от Григория отвернулись также обе «черногорки». Но привело это лишь к охлаждению отношений между царской четой и ими.

Распутин обо всем узнал и возненавидел великого князя. Эта ненависть особенно возросла, когда в начале войны на телеграмму старца о прибытии на фронт Николай Николаевич ответил: «Приезжай, велю тебя повесить!» С тех пор Григорий Ефимович использует любую возможность, чтобы восстановить царя с царицей против него.

После поражения русской армии летом 1915 года старец убедил царицу, что в такой критический момент верховное командование должен взять на себя сам царь, Все ми-

нистры были против этого, царь медлил, переживая за своего дядю, но Григорий все же смог снять князя с поста и направить на дальний кавказский фронт.

Уже долгое время ни одно крупное назначение не обходилось без совета «друга». Никто не мог надеяться на министерский пост, если он не прошел «испытание» через Распутина. Министры, которыми был недоволен Григорий, не задерживались в своих креслах. Исключение составлял лишь Сазонов. Хотя его и ненавидел старец, он несколько лет оставался на своем месте.

Любопытен способ, каким Распутин, этот «крестьянский канцлер», проверял кандидатов на должность. В отличие от придворных сановников и даже самого царя, ему для этого не нужно было изучать их политическое прошлое или отношения с другими приближенными к царскому двору. Для его примитивной природы решающим был внешний облик человека. Старец приглашал к себе или сам приходил к испытуемому, несколько минут пристально смотрел в глаза, и на этом экзамен кончался.

Вследствие того что политику стал вершить человек, совершенно невежественный в политике и дипломатии, возникла невиданная в истории ситуация, когда изощренные уловки и интриги высшего чиновного искусства разбивались о мужика, решавшего все на основе внешнего впечатления. В итоге некоторое число недостойных людей получило должности и звания. Но смог ли бы сам царь, без влияния Распутина, сделать лучший выбор? С другой стороны, можно с уверенностью утверждать, что любой министр, снятый Распутиным, вполне этого заслуживал и что старец первым признавал свои ошибки и сам же их исправлял. С полной определенностью можно сказать, что его постоянные нападки на юстицию всегда касались смягчения обвинений и приговоров и никогда — ужесточения. В отличие от практически всех других русских властителей, не было ни одного случая, чтобы Распутин своих личных противников обрекал на тюрьму или ссылку в Сибирь, хотя у него и были такие возможности. Когда военного министра Сухомлинова сделали козлом отпущения за неудачи на фронте и арестовали, Распутин сделал все возможное, чтобы выволить своего врага из заключения. Характерно в этом отношении одно из писем царицы супругу:

«Наш друг опять говорит, что генерала Сухомлинова надо бы освободить из тюрьмы, чтобы он там не умер. Никогда не надо бояться освобождения заключенных. Они за

свои страдания перед лицом Господа чище, чем мы. Это слова друга. У каждого, даже самого падшего, бывают моменты, когда его душа возвышается и очищается. Тогда ему надо подать руку, чтобы спасти. Иначе он погибнет от отчаяния и огорчения».

Если он на что-то решался, то действовал энергично, даже зная, что царь против. Когда царь выразил недовольство премьер-министром Штюмером, Григорий тут же строго и лаконично телеграфировал: «Не трогай старика!» Так же строго отчитывал он и своих подопечных, если были на то причины. Тот же Штюмер как-то стал медлить с выполнением распоряжения царицы, и «друг» кричал на него, как на школьника: «Не будешь выполнять воли «мамы», оставлю тебя, и что с тобой будет? Учти это!» Подбегавшему секретарю Григорий Ефимович небрежно сказал, указывая на растерявшегося Штюмера: «Он не хочет слушаться, но я сверну ему шею, если он не исправится!» Особенно подчеркивал он свое пренебрежение к министрам, получившим посты без его протекции. Когда он встретился с министром Маклаковым, то игнорировал его совершенно и только под конец поманил пальцем: «Подойди-ка ко мне!» Смущенный Маклаков сделал несколько шагов в сторону Распутина, а тот продолжал: «Слушай, что я тебе скажу! Нужно много времени, чтобы сделать из тебя человека! А теперь уходи!» — и повернулся спиной к министру.

Очень примечателен случай, когда Распутин решил «испытать душу» одного кандидата в министры. Это было как раз перед убийством Столыпина, когда «Союз истинно русских» намеревался поставить на пост министра внутренних дел губернатора Нижнего Новгорода толстяка Александра Николаевича Хвостова. Тогда была организована большая дворцовая охота, и члены «Союза», что принимали в ней участие, пытались представить в лучшем виде личность Хвостова. Царь стал серьезно относиться к этому предложению, но решил спросить совета у Распутина.

Распутин прибыл в Нижний Новгород и появился в кабинете ничего не подозревающего Хвостова. «Вот и я, — пояснил он просто. — Меня послал «папа» изучить твою душу. Мы думаем тебя сделать министром внутренних дел!» Властитель Нижнего Новгорода толстый Хвостов тут же, в присутствии Гриши, расхохотался. Он был не в состоянии принять всерьез слова стоявшего перед ним мужика, одетого в грубые сапоги и лохматую шубу. Григорий Ефимович же был глубоко уязвлен таким пренебрежительным обращением. Он молча повернулся и ушел. Но на следую-

щий день, перед самым отъездом, он снова пришел к Хвостову, открыл дверь и угрожающе крикнул: «Тебе еще достанется! Я обо всем сообщу телеграммой!»

Губернатор снова рассмеялся, но потише. Потом его охватил холодок. До него дошла серьезность слов Григория, и он велел почмейстеру принести текст телеграммы. Можно себе представить, как изменилось его настроение, когда он прочитал: «Анне Вырубовой, Царское Село. Скажи маме, Хвостов в милости у Господа, и этого ему хватит!»

Через несколько дней Хвостов прибыл в Петербург по срочному служебному делу и попросил аудиенции у царя. Он был принят и, как только кончил доклад по разным незначительным делам, был тут же отпущен. С тех пор Хвостов старался почаще встречаться с Григорием Ефимовичем, был с ним очень вежлив и готов целовать руки. Но прошло несколько лет, прежде чем он сумел на одной из попок сблизиться со старцем. Только после этого Гриша доложил царю, что душа у Хвостова стала лучше, и через пару дней тот был уже министром внутренних дел.

Премьер-министр Штюмер, сменивший дряхлого Горемыкина, получил свой пост тоже благодаря Распутину. «Этот старик, — объяснил старец, когда Штюмер был назван как кандидат, — уже давно желает стать министром! Еще когда я жил на Английском проспекте, он с женой приходил ко мне и просил, не смогу ли я это сделать. Он хороший человек и с должностью справится!»

Во время правления Штюмера политическое влияние Распутина достигло апогея. Премьер-министр не пренебрегал ни одной рекомендацией Григория Ефимовича. По крайней мере раз в неделю Штюмер и «крестьянский канцлер» тайно встречались в Петропавловской крепости, чтобы принять решение. Там у Распутина была поклонница, дочь коменданта крепости, через которую он имел туда доступ. Прелестная барышня Лидия Никитична горячо обожала старца. Она предоставляла в его распоряжение свою комнату, а сама уходила. В уютной девичьей комнате проходили тайные совещания, на котором принимались все важные постановления, указы, назначения.

Но Штюмер не оправдал возлагавшихся на него надежд. Он оказался чересчур тщеславным и пустым человеком, способности которого оставляла желать лучшего. Все его помыслы и устремления сводились к тому, чтобы на предстоящей мирной конференции занять место председателя. Он уже видел свое имя в учебниках истории для будущих поколений наряду с Нессельроде, Меттернихом и

Бисмарком. Но талант его не был сопоставим с амбициями. Царь с Распутиным вынуждены были от него отказать.

Тем временем Григорий Ефимович проникся особым расположением к вице-председателю Думы Протопопову, с которым познакомился в «санатории» Бадмаева. Протопопов был любезным человеком с привлекательными манерами. К Бадмаеву обратился он по поводу начальной стадии прогрессивного паралича. Болезнь проявлялась в том, что у него полная апатия регулярно сменялась чрезвычайным возбуждением. Он мог очаровать окружающих искрящимся остроумием и ошеломляющими замечаниями, но в другое время был не в состоянии выполнить даже простейшую умственную работу. Много лет он лечился в тибетской клинике и поэтому давно был кандидатом на высочайшие государственные посты.

Распутин познакомился с Протопоповым как раз в период вдохновения и тут же решил этого интересного и умного человека сделать министром внутренних дел. Вначале царь колебался, поскольку тот принадлежал к левому крылу Думы. Царице и Распутину пришлось упорно настаивать, чтобы сломить сопротивление императора, и Протопопов все же получил министерский пост.

Но в последний момент произошла заминка, и Распутину пришлось лично прибыть в Царское Село, чтобы наладить дела своего подопечного в нужное русло. В этот же день он с триумфом вернулся в Петербург, и то, что им было рассказано в салоне его почитательницы госпожи Головиной, лучше всего иного свидетельствует о том, что «друг» стал не только спасителем больного наследника, но и необходимым советником царя при решении сложных государственных вопросов.

«Я все уладил,— сказал он с усмешкой.— Первой во дворце я встретил Аню. Она могла лишь плакать и повторять: «Ничего не получается, он не хочет, только ты можешь помочь, Григорий Ефимович!» Я зашел к ним и увидел, что мама сердито упрямится, а папа ходит по кабинету, насвистывая. Пришлось их выругать, чтобы они пришли в себя. Я пригрозил, что уеду в Сибирь. «Кто отворачивается от Господа, видит черта!» — сказал я им. Кто-то уговорил их, что это плохо; Но что все они понимают? Совсем ничего! Меня, только меня надо слушать. Я знаю, что Протопопов хороший человек и в Бога верует. Он один годится на должность!»

Своему секретарю в тот вечер Григорий Ефимович сказал вот что: «Мы разочаровались в толстяке Хвостове, он

дурак, хотя из правой партии! Все правые идиоты! Нам нужны левые, и Протопопов должен стать министром!»

После этого он поднял свой узловатый крестьянский кулак, крепко его сжал и гордо произнес: «Вот так я держу Россию!»

Глава 7

ПАЛОМНИЧЕСТВО ВЕЛИКОГО ГРЕШНИКА

Царица одна или с подругой Аней часто брала из ящика своего изящного письменного стола заметки друга, в которых тот описывал свое паломничество по святым местам. То были мятые листки, вырванные из дешевых тетрадок, исписанные неуклюжим крестьянским почерком, где каждая буква кажется как бы случайно упавшей на бумагу. Наползающие друг на друга строки были разной длины, шли то прямо, то почти вертикально вверх. Листки тоже лежали в полном беспорядке. Они были в пятнах, порваны и истрепаны по краям, как будто странник держал их все время в мешке с едой и другими необходимыми в путешествии вещами.

Царица решила навести порядок в этих записках.

Нежными, ухоженными пальцами она перебирала странички, подправляла буквы, перечитывала текст до тех пор, пока он не становился понятным, и затем переписывала все роскошной серебряной ручкой с бриллиантами в альбом, переплетенный сафьяном.

Она исправляла грубые ошибки, неуклюжие обороты, убирала корявые слова, но в основном старалась не менять текста. И чем больше царица вчитывалась в слова Распутина, тем сильнее чувствовала, что в жизни не приходилось ей читать ничего более прекрасного и поучительного. От волнения ее лицо покрывалось красными пятнами, дыхание становилось частым и прерывистым.

Она вдруг решила, что сейчас совершается как раз то, что является смыслом ее миссии, как царицы земли русской. Посланный Богом Григорий Ефимович стоял над всеми силами природы, и, когда она поправляла корявые строки, ей казалось, что они продиктованы самим Всевышним.

Может ли быть для человека, даже для царицы, большая милость, чем право переписывать эти строки? Царица старалась, и вот что оказалось у нее в сафьяновом альбоме,

«ВОСПОМИНАНИЯ О МОЕМ СТРАНСТВИИ»

В КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЕ

...Я прибыл в святую Киевскую лавру. Петербург я называю миром. Но мир заполнен суетой, а здесь в монастыре покой и тишина. Когда поклонись Божьей Матери, когда слушаешь хор, замирает сердце и забывается суета.

Я был в пещерах и видел там простоту. Нет там ни золота, ни серебра. И мученики лежат в простых деревянных гробах. И я подумал, что изобилие таких, как мы, гнетет и вызывает скуку. Господь благословил эти удивительные пещеры. Его рукой они проделаны в камне, и там святые люди прятались от врагов.

И в наше время у святых много врагов. Брат воюет с братом, никто ни с кем не считается. Раньше, во времена мучеников, православных угнетали чужеземцы и язычники. Сейчас мы сами себя мучаем. Попы преследуют попов, сыновья — отцов. Исполняется Слово Божье о конце всего земного.

Я видел схимника в пещере. Его келья узка и мала, но он счастлив, спокоен и доволен. Давайте и мы себя ограничивать и в тесных кельях молиться Богу. Только так мы придем к Господу!

НА МОРЕ

Что я могу сказать о штиле на море? Когда после Одессы оказался я на море, удивительное спокойствие охватило мою душу. Она радовалась вместе с морем и тихо дремала. Я смотрел на морскую зыбь, и ничего другого мне не было нужно. Просыпаясь утром, я разговаривал с волнами, и сердце мое оживлялось. И когда солнце медленно выходило из-за моря, все печали покидали душу, и становилась понятна книга мудрости жизни. Море заставляло нас забыть о суете дня. Мы думали о многом, мысли приходили сами собой, легко и просто. Море безгранично. Но и мудрость человека не имеет границ.

Нет ничего прекраснее мига, когда солнце погружает свои лучи в море. Оно исчезает за горами, и удивительная тишина заполняет воды. Голоса птиц приглушаются. Человек вспоминает детство, сравнивает эту тишину с мирским шумом и тихо беседует с самим собой.

Но когда долго не видишь ни кустика, ни листочка, и

вдруг появляется берег, снова радуешься божьему миру и любишь Создателя, тебе все это подарившего.

Когда бьют высокие волны, на душе становится беспокойно. Пропадает ясность сознания, и человек потерянно, как в тумане, бродит по кораблю. Такая хворь случается с нами и на земле, но мы не знаем, кто поднимает волны, которые мы не чувствуем. А на море всем видны болезни, спрятанные на суше. Когда дьявол соблазняет наши души, сознание вздымается волнами, и если бы не было морских волн, волны все равно бушевали бы внутри нас.

В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Что могу сказать я, маленький человек, о величии собора Софии? Этот собор как облако на горизонте. О несчастье! Как Господь возмутился нашей гордыней, что передал эту святыню нехристям туркам! Услышал бы Всевышний мою просьбу и вернул нам эту церковь! В этом соборе можно увидеть кафедру евангелиста Иоанна, а также мощи святого Ефима и колонну, к которой был прикован Спаситель железными цепями. Мы стоим там, где проповедовал Иоанн, и будто слышим его голос. Есть в Константинополе еще церковь, где святой Андрей, в угоду Спасителю, разыгрывал сумасшествие и увидел Матерь Божью. Я иду к этому месту, но вижу только небольшую стенку, руины и сад, возле которого поднялась греческая церковь. Мое сердце стучит, когда я думаю о том, как Матерь Божья охраняла своих приверженцев. И в наше время главная ее забота — нас успокаивать и одаривать своею милостью. Она является и грешным и безгрешным, слышит все наши просьбы, знает наши страдания и просит за нас перед тронем Господним.

В Константинополе есть колонна, доставленная туда из Рима. Она весит тысячу пудов. Все это великое чудо, но я слишком мало об этом пишу.

ПЛАВАНИЕ ПО СРЕДИЗЕМНОМУ МОРЕ

Мы прибыли в Митилину. Это небольшой городок, где проповедовал апостол Павел и в котором тридцать мучеников воспламенились истинной верой. Городок красиво расположен на горе у моря. Господь ведет нас своей дорогой! Чем дальше мы идем, тем чаще попадаем в места, где можно спасти душу. Ясно, что русский человек не зря копил свои копейки, чтобы посетить эти святые места,

Я встречался со многими и видел в третьем классе особенно много настоящих христиан, днем и ночью читавших священные книги. Есть и болгары, верующие в Царствие Небесное и любящие Господа Христа. Я убедился, что и у турок такая же одежда, как у христиан и евреев. Я верю, что слово Господа исполнится, и всюду, несмотря на разные одежды, люди будут признавать только православную церковь.

На азиатском берегу моря в конце большой бухты лежит Смирна. Там есть одна прекрасная греческая церковь, как раз на том месте, где самаритянка после разговора с Яковом поверила Спасителю. Есть там еще церковь, на том месте, где проповедовала Матерь Божья. Там же находятся мощи Святого Георгия.

Рядом с Смирной находятся руины города Ефеса. Там жил апостол Иоанн, там закончил свое Евангелие, и поэтому там так сильно бьется море о берега, чтобы пробудить жизнь ото сна.

Неподалеку от Ефеса расположился остров Хиос, где в третьем веке святой Исидор был замучен до смерти.

Мы пересекаем Средиземное море, и наш пароход нигде не останавливается. Боже мой! Всюду на этих берегах апостолы зажигают огонь истинной веры, и число ее последователей не имеет конца!

Но греки слишком загордились своей философией, и Господь покарал их, передав во власть туркам.

У греческих епископов ереть все, что нужно для службы Богу, которая здесь проходит очень торжественно. Но скромность духа должна быть выше этого. Епископ, не знающий ее, может рыдать на службе, но истинного креста нет на нем. Тот, кто несет крест в своей душе, и в самой простой рясе будет прекрасен для народа. Почему так падки многие люди до чужой веры? Потому что в церкви нет больше духа — в ней много слов, — вот храмы и пустеют. Многие епископы боятся быть вместе с простыми монахами. Но и монахи ленятся и жиреют в обителях.

Город Родос расположен на море и окружен горами. Собственно, это крепость, как в Петербурге — Петропавловская. Бейрут тоже расположен на побережье и весь в зелени. Там святой Георгий убил дракона, и на этом месте сейчас турецкая ночлежка! Море заросло водорослями. Беда, если Господь карает христиан своим гневом!

Яффа — город, где жил Елисей. На горе, где он молился, стоит монастырь. Я посетил место, куда ударил огонь небесный,

Моя поездка закончилась, и я нахожусь в святом граде Иерусалиме. После перехода от морской качки к раю земной тверди я прежде всего совершил молитву Господу. Радость мою нельзя описать, ибо не для пера и чернил такое блаженство.

Конечно, на ум приходят и печальные мысли, когда я смотрю здесь на людей, чьи одежды напоминают о древних временах. Здесь, в этих церквах, сам Спаситель пролил слезы!

Как мне рассказать о тех минутах, когда приблизился я ко гробу Господа Иисуса Христа? Я почувствовал, что эта могила — могила любви. Если стоишь перед нею, кажется, видишь проникновенным сердцем всех людей, и они тоже счастливы и довольны в этот миг.

Господи! Ты сам восстал из глубины грехов, и вечность живет в тебе!

Я был на Голгофе. На месте, где Божья Матерь оплакивала сына, прибитого ко кресту, теперь стоит церковь Воскресения. Господи, мы не будем больше грешить, спаси нас через твои страдания!

Нас провели во двор патриарха и обмыли нам ноги. У нас на глазах выступили слезы, ибо так нам показали, каким смиренным и мудрым должен быть человек. Господь учит нас смирению, и мы его ученики!

Мы видели дом Иуды и дом Пилата, которые стоят рядом.

Большой толпой зашли мы в пещеру святой Матери Божьей, целовали гроб и пели от радости. Ясно представили мы, как забрали силы небесные чистое тело Пресвятой Девы. В той же пещере похоронен и Иосиф. Как сказано в истории: «Здесь покоится старый чудотворец». Великий старец, помолись за нас Господу!

Потом мы пошли в Гефсиманский сад, в котором Спаситель вздыхал и молился. Мы, недостойные, приветствуем это место и склоняемся, вспоминая, что здесь Господь Иисус Христос пролил кровавые слезы. Боже, спаси нас, и пусть будет сострадание к нам в сердце Твоем!

Потом мы видели камни, на которых спали отроки, пока не пришел Христос и не разбудил их.

Но мы заснули во зле. Разбуди нас, Господи Боже!

О благодать праздника Пасхи!

С каким благоговением ждут верующие большого крестного хода! Тысячи народов и наций собираются тут и ждут священного огня, А вокруг турецкие войска и кавасы,

И вот наступает великий миг. Патриарх снимает облачение, надевает рубаху и идет к гробу Господню. Со слезами на глазах ждет народ, когда со свечой в руке он вернется. Все радуются, зажигают свои свечи от священного пламени его свечи и несут по домам. Боже, дай мне хорошую память, чтобы не забыть мне этот миг!

Хорошо бы побывать на святой земле подольше, хотя бы несколько месяцев. Но и за год не сможешь всего увидеть, если лениться. Господь не услышит лентяя, если он тут пробудет и сто лет! Святость не может быть без страха.

Вино здесь очень дешево, и его пьют много. Мы были на реке Иордан, купались в ней и видели пустыню, в которую бежала египетская Мария. Там, где погружался Спаситель, мы садились в воду и думали о прощении грехов. Тысячи людей с трепетом бегут к берегу Иордана, ибо тут все грехи прощаются. Боже, очисти нас в водах твоего Иордана!

Видели мы и Мертвое море! Кара Господня коснулась его, и мы глядели на это море с ужасом. Видны только воды, и ни одной твари, ни одной букашки и рыбы. Мы смотрели и плакали.

В Иорданской пустыне есть источник святого Исаяи, но кавас туда нас не повел, потому что рассердился.

На высокой горе, на том месте, где Сатана хотел соблазнить Господа, расположился чудесный монастырь. Там показали нам камень, на котором стоял черт. Мы раздумывали о страданиях Спасителя. Сейчас на этом месте торгуют водкой. Знает Сатана, как развращать верующих! По дороге мы прошли мимо большого дуба. Там Авраам приветствовал Спасителя хлебом и солью. Мы преклонились перед деревом, целовали его и молились. Его ствол наполовину высох, но Господь свершил чудо, и оставшиеся живыми ветви зеленеют и цветут.

Как рассказывают турки, в Яффе на берегу моря лежат останки Ноева ковчега. И для христианства ковчег этот остается символом спасения. Для нас сбываются слова Ноя. В истинной вере наше спасение, и находит его тот, кто внемлет заветам святого.

В Вифлееме есть большая церковь с множеством кафедр и других удобств для других национальностей, но для нас, русских, ничего не предусмотрено. Перед яслями Спасителя мы, конечно, забыли про все невзгоды и усталость. Мы целовали священные ясли и едва могли поверить, что Бог послал нам милость лицезреть место, где Христос родился.

Нам показали пещеру, в которой по приказу властей были умерщвлены все невинные дети. С ужасом мы думали

об этом злодеянии и плакали. Как должны были переживать матери, когда у них отнимали детей и убивали? Зависть и злоба с нами, и мы ждем правду, как песчинки ждут восхода солнца осенней ночью!

Повсюду в святых местах было много народа. Все своему умны, но не способны к истинной вере и любви. Надо быть с ними очень приветливыми, учить их любви и вере. Тогда и они спасутся. Мы должны быть примером любви, чтобы стать настоящими христианами, как в первые годы после смерти Спасителя. Наше дело должно служить добру, а не мошне. Другие народы хорошо все это воспринимают. Однако нужно знать языки и обычаи других народов, чтобы говорить с ними о Боге, ибо как колокол не звенит хорошо без серебра, так и слова проповедника намного хуже принимаются, если у него нет умения.

Нет ничего в мире выше любви, и только она укажет путь на небо. Крошечный ломтик хлеба для человека часто важнее огромного корабля!

Пароход заполнен верующими, и каждый увозит в своем сердце обновленные духовные силы. Дома каждый будет рассказывать о Иерусалиме, в них пробудится благоговение, и они будут больше любить царя и отечество. Нужно большее внимание к паломникам, кормить их хотя бы раз в день и давать бесплатно воду для чая. Но с ними обращаются как со скотом, и набиваются они тысячами в трюмах. Ради святых они вынуждены терпеть много неудобств. Не так уж сложно для государства, чтобы у них было побольше денег и жили они в хороших помещениях. Власти должны помогать несчастным пилигримам. На их вере держится империя, Поэтому нужно, чтобы для бедных людей строились притоны, в которых они жили бы как братья. Простых паломников святые вдохновляют. Они возвращаются в родные деревни и там говорят правду народу. Их простые слова пробуждают любовь к родине и Богу. Молодежь прислушивается к их словам, и в их сердцах растет любовь и набожность.

Видел я в Иерусалиме и католическую Пасху, отмечаемую за неделю до нашей. Но этот праздник несравним с православным. Католики не выглядели довольными. А у нас в такой день весь мир радуется, даже звери! О, как счастливы православные! Их вера — лучше любой другой!

Лица у католиков печальны даже в Пасху. Думаю, и их души тоже не радуются.

Я не собираюсь сравнивать между собой оба верования и осуждать католиков, но чувствую, что у нас все счастливы, когда звенят колокола и цветет святая весна...»

ЗАПИСКИ ИЗ ПОДВОРОТНИ

Чем большее политическое и общественное влияние приобретал Распутин, тем большую притягательную силу приобретала его квартира.

Когда он поселился на Невском проспекте в квартире, снятой для него Башмаковой, его почитательницей, а некоторое время спустя перебрался на Кировую, власти уделяли мало внимания местам, где он жил. Но в последние годы, когда старец ошеломляюще быстро сделался самой выдающейся личностью, его стали навещать не только гости, но и неустанные стражи порядка. Это относится к его квартире на Английском проспекте и особенно — на Гороховой, где Распутин по распоряжению премьер-министра Штюрмера охранялся по статусу члена царской семьи. «Это делается по настоянию царя и царицы» — так мотивировал тот свое распоряжение, и дом на Гороховой был буквально осажден тайными агентами. Вокруг дома постоянно шныряли от пяти до двадцати плохо одетых мужчин, жестами и манерами уже издали выдававшими свое ремесло. Жители дома и многочисленные гости Распутина знали каждого агента, поскольку детективы становились навязкой при появлении власть имущих. Агенты только фиксировали имена посетителей и, зная, что толку от такой работы никакой, сперва пребывали в полусонном состоянии.

Но постепенно обитатели дома развеяли их скуку. Както вышла к ним из квартиры № 31 портниха Катя; сверху спускался господин Нойштейн и завел разговор с агентами. Иногда среди них оказывалась массажистка Утилия или другие соседи. Но вот уже уютно закипает самовар в маленькой квартирке консьержки Журавлевой. Катя, массажистка Утилия и консьержка рассказывают новости о старце, другие женщины тоже желают узнать побольше о жизни святого человека. Агенты болтали с женщинами и узнавали много интересного. Так, Катя и Утилия сообщили, что этот любимец нежных дам вдруг пресытился обществом великих княгинь, графинь и хорошеньких артисток и стал обращаться к ним с просьбой скоротать ночь. Консьержка также подтвердила эту перемену. Если он под утро возвращался с попойки и не мог попасть к Кате или Утилии, то обнимал ее, покрывал поцелуями и назойливо пытался соблазнить. Но о подробностях все целомудренно умалчивали.

Обслуживающие дом люди видели то, что нужно агентам, Поэтому полиция стала платить им деньги, чтобы до-

лучать сведения обо всех происшествиях. Делалось это ими охотно, с сознанием исполнения долга перед властями. И Катя, и Утилия с удовольствием сообщали о своих похождениях, так как знали, что их донесения идут к самым высшим чинам империи и их персоны тоже приобретают вес необыкновенный. Господин Нойштейн часто беседовал с агентами. Он мало что сообщал, но имел особую манеру говорить намеками, за которыми мог скрываться глубокий смысл. Было ли так в действительности — агентов не интересовало. Каждую фразу Нойштейна они дословно протоколировали. Пусть разбираются вышестоящие!

Стиль рапортов был примерно такой: «24 января. На том же этаже проживающий Нойштейн, проходя мимо нас, сообщил: «Ваш подопечный скоро отправится в Царское Село, чтобы зажечь церковные свечи».

Но деятельность агентов довольно редко ограничивалась записью слов господина Нойштейна. Дом посещало множество людей, и шпиикам было непросто фиксировать их фамилии. Если во двор входил новый посетитель, они изо всех сил старались скрыть свою профессию и импровизировали маленькую комедию, поспешая наверх по лестнице, как будто сами хотели попасть к старцу, или собирались у лестницы, как бы продолжая непринужденную беседу. Едва только неизвестный входил к Распутину, на лестничной клетке начиналась возня. Один сыщик спрашивал другого, не знает ли он гостя. Сбившись в кружок, они соображали, что же сообщить. Из карманов доставались карандаши и записные книжки, и вскоре неизвестный был точно описан: одежда, цвет волос, был ли зонтик или пакет при нем. Особенно интересовали пакеты, и тот, кому удавалось видеть их содержимое, раздувались от гордости. Поэтому сообщения были перегружены сведениями о пакетах, корзинах и тому подобном:

«23 января. Неизвестный священнослужитель доставил Распутину рыбу»;

«28 января. Коллежский советник фон Бок принес с собой ящик с вином»;

«21 февраля. Сегодня у Распутина объявился Николай Глазов с пакетом и бутылкой вина»;

«14 марта. Симанович, секретарь Распутина, пришел с ящиком, в котором было шесть бутылок вина, икра и сыр»;

«14 июня. Инспектор народных школ Царского Села прибыл с корзиной вин для Распутина», и т. д.

Когда в дом заходило много посетителей, можно было кое-что подслушать из разговоров. Каждая фраза, каждое слово, приятны они или нет, протоколировались, **Аген-**

ты обращали самое пристальное внимание, какими словами и с каким выражением лица принимала и провожала посетителей прислуга старца Дуня.

Шпики с удивительным прилежанием выполняли труднейшую задачу по определению личности незнакомых им людей на коротком пути от ворот до квартиры Распутина. Они педантично фиксировали каждую мелочь, чтобы выяснить, чем занимается неизвестный, его привычки. Чаще всего им удавалось разглядеть вблизи лишь шляпу, одежду или пакет посетителя. Больше всего агенты радовались, если завязывался разговор. Особенной словоохотливостью отличались те, кто выходил от Распутина обнадеженный и желающий поделиться своей радостью с другими. Или, наоборот, разрядить негодование в связи с отклонением просьбы. Сияющие от радости агенты строчили тогда в своих записных книжках нечто подобное:

«3 ноября. У Распутина появилась неизвестная женщина, желающая добиться, чтобы ее мужа, раненого поручика, не отправляли из Петербурга. Покидая дом, она рассказала в швейцарской, как необыкновенно принял ее старец: «Девушка открыла дверь и провела в комнату, в которую вскоре вошел и Распутин. До этого я его никогда не видела. Он сказал, чтобы я разделась. Я исполнила его желание. Мы с ним прошли в смежную комнату. Он, едва выслушав просьбу, потрогал мое лицо и грудь и предложил поцеловаться. После этого написал бумажку, но мне не дал, долго думал, казалось, сердился, а потом потребовал прийти к нему на следующий день».

«3 декабря. Сегодня впервые у Распутина появилась госпожа Лейкарт просить за своего мужа. Распутин предложил его поцеловать, она заколебалась и ушла. Потом пришла содержанка сенатора Мамонтова. Распутин попросил прийти через час».

«18 января. Греческая подданная Каравия с дочерью пытались попасть к Распутину. На обратном пути обе дамы бранили его, называя проклятым крестьянином, и рассказывали, как Распутин на «Вилле Роде» появился в одной рубашке и был огромный скандал. Они говорили и о том, что в Царском Селе появился молодой человек, который скоро обставит Распутина».

«29 января. Распутина посетила жена полковника Таринова, после чего рассказала агентам, что старец в ее присутствии обнимал и целовал молоденькую девушку. Это так ее покорило, что она решила никогда больше не обращаться к Распутину».

«30 января. У Распутина появился священнослужитель

церкви в Люблянке, сопровождаемый неизвестным. Священнослужитель просил устроить встречу этому неизвестному с министром внутренних дел и сенатором Белецким. Однако Распутин сомневался, но все же письмо дал. Возвращаясь, священнослужитель насмеялся над Распутиным, что тот еле водит пером».

«5 февраля. Когда Софья Каравия покинула квартиру Распутина, она рассказала: «Он в плохом настроении, хотя и сделал большое дело: для банкира Рубинштейна провернул одну операцию, за что получил пятьдесят тысяч рублей. Но и самой Каравии обещает поддержку министра Шаховского».

«7 февраля. Сегодня у Распутина был капитан Поперман. Заходя к нему, сообщил, что с Распутиным неладно. Также и его сосед по лестничной площадке Нойштейн спрашивал, не правда ли, что какой-то офицер избил Распутина на вокзале».

Самыми счастливыми событиями в жизни агентов были посещения посланцев из Царского Села, министерства или банка. Они собирались на лестнице еще до того, как посланец позвонит в дверь. Многозначительно, проникновенно и доверительно сыщики осведомлялись, откуда тот прибыл, кто его послал, в какое время расстался он с тем, кто дал поручение и в чем оно состоит. В швейцарской агенты осторожно вскрывали письмо и переписывали содержание в тетрадь. Письмо искусно запечатывалось, и гонец мог, наконец, подойти к двери Распутина.

Когда посланец выходил от старца, его опять окружали те же плохо одетые мужчины. Они спускались с ним по лестнице и сопровождали до ворот, пытаясь выяснить, с кем он встречался в доме. Если его принимал сам Распутин, они спрашивали, какое выражение лица у старца при чтении письма, что он сказал и присутствовал ли еще кто-то при этом. Если он нес письменный ответ, пакет в швейцарской вскрывался. Почтальонам государственной почты вменялось в обязанность отдавать для просмотра в швейцарскую все письма и телеграммы, предназначенные для Распутина. Часто останавливали и слуг Распутина, допрашивали и обыскивали. Вся информация педантично регистрировалась. Информация огромная. Приведем лишь некоторые данные о телеграммах:

«1 января. Распутин отправил в Покровское, Тобольской губернии, телеграмму старосте: «Добился разрешения, чтобы дали вам лес. Можешь рубить, когда его получишь»,

«10 января. Распутин передал такую телеграмму: «Анна Врубцова. Царское Село. Хотя и не могу присутствовать лично, мысленно с тобой. Желая тебе, ангел, утешения и спокойствия».

«13 января. Распутин выслал Вырубовой в Царское Село следующую телеграмму: «Сам Господь послал мне истинную радость. Путь в правде — в моих детях. Не знаю, доживу ли до этого».

«18 февраля. Распутин отправил телеграмму: «Вырубовой, Царское Село. Скажи госпоже Головиной, чтобы была у меня завтра в три».

«30 марта. Распутин послал телеграмму в Москву: «Княгине Тенишевой. Благодарю за чистосердечие. Целую мою дорогую».

Позднее он телеграфировал Елене Джанумовой: «Дорогое мое сокровище, мысленно с тобой, целую».

«12 мая. Распутин телеграфировал губернатору Тобольска: «Три месяца в моем родном селе Покровском живет подозрительная личность. Отвечайте в Царское Село Вырубовой».

«11 октября. Распутин послал телеграмму Варнаве: «Бойся шпионов».

Поощряемая щедрыми взятками, прислуга Распутина давала агентам подробнейшие сведения о том, что делалось в его квартире. Если там проводились долгие совещания или празднования, служащие тихонько выходили в коридор и обо всем рассказывали агентам. Иногда Дуня сообщала вот о таких диких и бесстыдных сценах, которые поражали даже шпииков.

«16 января. Во время посещения семьи Пистолькорс Распутин посадил на колени проститутку Грегубову и что-то бормотал про себя».

«В ночь с 17 на 18 января жена капитана из квартиры 145 Мария Гиль спала у Распутина».

«26 января. Сегодня вечером у Распутина состоялся бал по случаю освобождения из заключения лиц, проходивший весьма вольно. Гости пели и плясали до утра».

«16 марта. Около часу ночи к Распутину пришли восемь мужчин и женщин и оставались у него до трех часов утра. Компания пела и танцевала. Когда все перепились, ушли из дома вместе с Распутиным».

«3 апреля. Около часу ночи Распутин появился с незнакомой женщиной, которая у него переночевала».

«11 мая. Распутин привел к себе проститутку и запер в своей комнате. Прислуга, однако, девушку отпустила».

«В ночь с 25 на 26 ноября у Распутина ночевала артистка Варварова».

Однако не всегда удавалось агентам установить смысл и значение происходящего у Распутина. Чаще всего это случалось из-за невозможности встретиться со служанкой. Иногда и она не знала о целях посещения. Тогда полицейским не оставалось ничего другого, как фиксировать время прихода и ухода посетителей.

Наиболее важным для агентов было описание всех передвижений самого чудотворца, его настроения, внешнего вида и всех высказываний. Довольно часто, одетый в необычную домашнюю одежду, Распутин появлялся в коридоре, чтобы пройти к консьержке или портнихе Кате. Тогда в его могучей фигуре, движимой чувственной жадью, было что-то от крупного дикого зверя. Агенты ограничивались спокойной записью примерно такого типа:

«9 мая. Распутин послал консьержку к массажистке, но та не захотела прийти. Тогда Распутин сам пошел к живущей на том же этаже портнихе Кате и потребовал составить ему компанию. Портниха возразила, что ей нечего одеть. Распутин пообещал: «Приходи ко мне на следующей неделе, я дам тебе пятьдесят рублей!»

«2 июня. Распутин послал консьержку за госпожой Утилей, но той не оказалось дома. Тогда он сам пошел в квартиру № 31 к портнихе Кате. Его, видимо, не пустили, и он опять спустился вниз к консьержке и потребовал, чтобы та его поцеловала. Но она освободилась из объятий, позвонила в его квартиру, из которой вышла служанка и уложила Распутина в кровать».

Когда Григорий Ефимович выходил из дому в баню или в церковь, или, если перед воротами стоял автомобиль, чтобы отправиться на «Виллу Роде» или в Царское Село, он одевался празднично и степенно — в длинный черный кафтан, дорогую шубу, валенки и бобровую шапку. Казался он агентам в таких случаях почтенным баринном, и они вели себя перед ним соответственно, хотя морщинистое, загрубелое лицо по-прежнему выдавало в нем крестьянина. Как только открывалась дверь квартиры и могучая фигура Распутина появлялась в коридоре, по захудалой одежде агентам проходила волна оживления. Они склонялись, снимали шляпы, некоторые устремлялись к Распутину и желали доброго утра.

Он сердечно, со снисходительной улыбкой отвечал им, поскольку знал их всех с тех пор, как поселился в доме,

постоянно встречая на лестничной площадке или в швейцарской.

Ему было известно, кто из какой службы. Этот — платный агент Глобичева, шефа охраны, тот — служащий из департамента полиции полковника Комиссарова, следующий — от придворной агентуры генерала Спиридовича, те — особо доверенные лица премьер-министра, министра внутренних дел, банков, отдельных спекулянтов и иностранных посольств. Поскольку сановники не доверяли друг другу, каждый старался организовать свою службу наблюдения за Распутиным.

Григорию Ефимовичу льстило такое внимание. Он удовлетворенно ухмылялся, когда думал, что вся Россия заботится о его жизни и на затраты не скупится.

Здравым крестьянским умом он сознавал, что есть и другая сторона такой опеки, поскольку о каждом его шаге чуть ли не на следующий день становилось известно всем высокопоставленным персонам Петербурга. Но его открытую натуру не трогало, что министры, полицейские и банкиры знали точно, сколько раз в неделю он приходит пьяный и с какой дамой или соседкой проводит ночь. Друзья из департамента полиции и министерств тут же сообщали ему обо всем, что протоколировалось агентами. Он слегка раздражался, если доносчики сообщали ненужные или превратно понятые детали и бранился крепкими крестьянскими выражениями, но потом примирительным тоном просил не придавать значения подобным сведениям.

С механическим усердием заносили полицейские и такие детали о Распутине:

«14 января. В 4 часа 30 минут Распутин вместе с банкиром Рубинштейном и двумя дамами отправился в Царское село. Сопровождающему их агенту он неприязненно заметил: «Один из вас сообщил начальству, что я как-то посадил даму на колени. Непорядочно такие вещи сообщать. Ваша обязанность защищать меня, а не распространять сплетни!»

Несмотря на мелкие недоразумения такого рода, у Распутина с окружающими его сыщиками установились почти доверительные отношения. Он, естественно, ребячился, радовался, когда ему удавалось улизнуть от их слежки через черный ход. Возвращаясь, он подтрунивал над незадачливыми агентами и сочинял истории, где якобы он побывал и в какие переделки попадал. Он чувствовал жалость к осведомителям и добровольно рассказывал им порой то, о чем они ничего не знали. Со временем у него появилась искренняя симпатия к служащим генерал-майора Глоби-

чева. Они сопровождали его утром в церковь или в бэню, и дорогой он часто беседовал с ними о важных политических или личных делах. Ему нравилась их показная преданность, поскольку инстинктивно чувствовал, что агенты стремятся завоевать доверие не только по долгу службы. Им просто доставляет радость и удовольствие общение с таким человеком, как он. Для этих малооплачиваемых бедных людей разговаривать с Распутиным, когда тот шутил с ними и рассказывал интересные детали дворцовой жизни, стало самым приятным развлечением. Но это не мешало доносить обо всем своим шефам, в том числе и о том, что просил Распутин оставить в секрете.

Агенты любили Распутина, и Распутин любил их. Особое предпочтение он отдавал Терехову, Свистуну, Попову и Иванову.

Со временем Распутин стал настолько доверять отдельным шпикам, что разрешал заходить даже в свою комнату. Это обстоятельство оказалось очень кстати, когда полковник Комиссаров потребовал от агентов под любым предлогом проникнуть к Распутину в день его рождения в 1916 году.

В этот знаменательный день Распутин со своей племянницей Анюшкой в сопровождении агентов возвращался с утренней молитвы. Когда подошли к дверям квартиры, агенты услужливо предложили помочь раздеться Анюшке, на что Распутин снисходительно согласился. Несколько сыщиков, на зависть всем остальным, переступили порог прихожей.

Едва он вошел, как к нему устремилась все семья и преподнесла подарки. Но тут зазвонил телефон. Это была Вырубова, пожелавшая «дорогому батюшке» всего доброго и предупредившая о скором приходе. Была получена также теплая поздравительная телеграмма от царской четы. Все это привело Распутина в благодушное настроение, и он предложил агентам выпить за свое здоровье по стаканчику мадеры и не спешить на службу.

Агенты не заставили себя упрашивать и стали внимательно изучать обстановку.

Все вокруг было загромождено самыми разнообразными подарками: предметами из золота и серебра, коврами, столовыми приборами, украшениями для жены Распутина и дочерей, прекрасной мебелью, картинами, винами, тортами и лакомствами. Рядом лежали визитки даривших. С удивлением агенты увидели на них и имена своих руко-

водителей — полковника Комиссарова, генерала Глобичева, некоторых министров и других высокопоставленных сановников, а также знатных дам, актрис, банкиров, дипломатов и спекулянтов.

Когда на праздничный ужин явились многочисленные гости, карандаши сыщиков с удвоенной скоростью забегали по записным книжкам. Произносились речи, в которых восторженно отмечалось значение Распутина для государства Российского. Распутин весь сиял и пил с каждым прибывшим. Под вечер он устал и ушел отдыхать. Через несколько часов праздник продолжался в узком кругу, пока не осталось ни одного трезвого.

Сыщики тоже втянулись в попойку. Но тут им пришлось выполнить свою службу, но не осведомителей, а настоящих защитников Распутина.

Рано утром в дом зашли двое с револьверами в руках и заявили, что их жены ночевали у старца и за этот позор они собираются мстить. Обе дамы были вовремя предупреждены и покинули квартиру через черный ход. Когда разъяренные мужья вошли к Распутину, тот был один. Тем не менее сыщикам пришлось вмешаться и мирно разрешить этот инцидент.

Чаще всего Распутин приглашал к себе сыщиков, когда ему было скучно, чтобы порассуждать о том и сем, а особенно о высокой политике. Один такой разговор оказался настолько важным, что шеф полиции, получив донос, застыл от удивления и, придя в себя, поспешил обо всем доложить министру.

Как-то рано утром Распутин явился нетрезвым, шатаясь, лобрел до дома и лег отсыпаться. Но головная боль заставила подняться и выйти в коридор. Он пригласил агентов на чай. Те с удовольствием приняли приглашение и уселись за кипящим самоваром.

Некоторое время Распутин сидел молча, подперев руками свою тяжелую от хмеля голову. Наконец один из агентов спросил: «Григорий Ефимович, почему ты печалишься? О чем задумался?»

«Мне сказали,— ответил Распутин, глядя перед собой,— чтобы я подумал, как быть с Государственной Думой. Я ничего не могу посоветовать! А что думаешь ты?» Агент, к которому обратился Распутин, ответил: «Я не имею права думать, Григорий Ефимович! Я не хочу иметь неприятностей с начальством из-за моих советов!»

Распутин с минуту размышлял, снова повернулся к сыщику и проговорил: «Что ты понимаешь? Я послал бы паря в Думу, чтобы он сам ее открыл. Если он туда прибудет

и обратится к депутатам, они не решатся сказать что-то плохое».

Доклад об этом в департаменте полиции произвел действие, подобное разорвавшейся бомбе, поскольку тут же стало известно совершенно неожиданное решение царя, вопреки всем традициям, самому открыть Государственную Думу. Полицейские власти и министры убедились воочию, что предложения старца способны пробудить государя к принятию важнейших политических решений.

Естественно, что такие сообщения агентов были очень редки. Обычно они сообщали о том, когда встал Распутин, когда ушел из дому, в каком состоянии возвратился и с кем, кто у него появляется. Вот некоторые их записи:

«24 декабря. К семи вечера к Распутину пришел Осипенко, секретарь митрополита Питирима. Часом позже появилась княгиня Шаховская, Александра фон Пистолькорс и неизвестный офицер в автомобиле, которые на нем же вместе и уехали. В восемь вечера перед домом остановился автомобиль с графиней Ольгой Крейц и дочкой государственного советника Головина. Головина поднялась к Распутину и вскоре вернулась с крестьянкой Лаптинской. Они поехали в Александро-Невский монастырь».

«7 февраля. В придворном автомобиле прибыла Вырובה и уехала с секретарем Распутина».

Нередко к дому подъезжали в автомобиле целые компании, чтобы увести Распутина на «Виллу Роде», к «Донону», цыганам или в какой-нибудь частный дом. Григорий Ефимович довольный шел со своими компаньонами, а сыщики, прижавшись к стене, записывали имена всех участников поездки.

Как только общество покидало дом, они устремлялись к выходу и незаметно давали знак стоявшему напротив за углом автомобилю, водитель которого состоял на службе полиции, и пустое такси как бы случайно проезжало мимо друзей Распутина. Вполне понятно, как Григорий Ефимович и его компания воспринимали этот автомобиль, появлявшийся всегда в такое время.

Затем такси останавливалось перед домом № 64 и в него садилось несколько агентов, следовавших за машиной Распутина. Как только Григорий Ефимович с приятелями заходил в дом, агентам сразу же удавалось связаться со швейцаром. В общественных ресторанах за деньги сразу договаривались с официантом или цыганом, чтобы тот иногда покидал незаметно зал и сообщал агентам точные данные о том, что делает старец.

Так, 14 декабря было зафиксировано: «Около двух часов после полуночи Распутин вместе с двадцативосьмилетней женой наследственного почетного гражданина Ясининского покинул в автомобиле дом на одиннадцатой линии и направился в Новую Деревню, в ресторан «Вилла Роде». В связи с поздним временем его не пустили, и Распутин стал стучать в дверь и дергать звонок. Дежурному полицейскому он дал пять рублей, чтобы тот ему не мешал. Отсюда он со своей спутницей поехал на цыганский хор Масальского в дом № 49 и оставался там до десяти утра. В состоянии сильного опьянения оба были доставлены в дом Ясининской, откуда Распутин вернулся домой в полдень. К вечеру он уехал в Царское Село».

17 декабря записано следующее: «Распутин убыл на автомобиле княгини Долгорукой и занял номер в гостинице «Астория». Там вскоре появился генерал Кляйгельс, бывший петербургский наместник, с которым Распутин оставался до шести утра».

И опять запись 20 декабря: «Распутин в сопровождении Осипенко, секретаря митрополита Питирима, направился на Песчаную улицу к почетному гражданину Книршу, куда позднее из «Виллы Роде» был доставлен цыганский хор и две корзины с вином. В два ночи в окно видели, что Распутин танцует».

«5 января: Распутин, Осипенко, служанка Дуня и Мюллер в дрожках направились к дому Мюллера, захватив корзину с вином».

«13 января. Сегодня Распутин в сопровождении Иваницкой, двух неизвестных офицеров и двух дам посетил вдову государственного советника Митинского на Лиговской, 14. В пять он с офицерами покинул дом и возвратился домой. Иваницкая была чем-то возбуждена, надела рубашку Распутину и в таком наряде уехала с офицерами».

Распутин затем в автомобиле Попермана поехал в отель «Европа», где состоялась пирушка. В ней принимали участие Поперман, кандидат юридических наук Коварский, директор международного банка граф Татишев и две неизвестные дамы».

«21 января. Распутин с Марией Гар, своей поклонницей, отправился на Песчаную к Книршу и затем зашел один в дом № 36 на Бассейной к артистке Лерме, содержанке секретаря совета министров Мануйлова. Там, кроме Мануйлова, был и премьер-министр Штюрмер».

«29 января. Сегодня вечером Распутин с Филипповым был в ресторане «Донон».

И марта тайные агенты сообщают: «В 10 час. 15 мин.

мы наблюдали Распутина на Гороховой и следовали за ним до дома проститутки, крещеной еврейки Грегубовой. Оттуда Распутин направился в баню».

«21 марта. Распутин с Николаем Глазовым поехал в большой «Северный отель» к куртизанке Евгении Тереховой, где оставался 2 часа».

15 апреля опять запись: «Распутин со своим другом аббатом Мартианом из Тюмени посетил дом № 45 по Лиговской, где живет почетный гражданин Пестриков. Так как того не застал, он участвовал в пирушке сына Пестрикова со студентами. Музыкант играл, все пели, а Распутин танцевал со служанкой».

Если чужой швейцар оказывался неподкупным, служебное рвение доходило до того, что агенты карабкались на карниз дома, в котором находился Распутин и, вытянув шею, пытались продолжать наблюдение. Им иногда удавалось увидеть необычные сцены, объяснить которые они были не в состоянии. Так, 14 мая они сообщили: «Вчера в пять после полудня Распутин посетил дом № 15 на улочке Арль, где живут Бельковский и Цезарева. Около десяти вечера окна жилых комнат были темными, но мы установили, что одна из женщин прошла по ярко освещенному залу в темную комнату, в которой находилось несколько мужчин. Позднее мы наблюдали, как Распутин выскочил из комнаты, видимо, почувствовав опасность. Схватив шляпу и трость, он оказался на улице. За ним вышли двое мужчин, и мы слышали, как один из них сказал: «Вон он убегает!» Эти двое вернулись в дом, Распутин сел в проезжавший экипаж и ехал стоя до Литейного проспекта, все время наблюдая, не преследуют ли его».

Ежедневные донесения шпииков заканчивались описанием возвращения Распутина домой. Когда под утро автомобиль подвозил его к воротам на Гороховой, агенты заботливо сопровождали страца до квартиры не столько потому, что он нуждался в помощи, отяжелев от вина, а, главным образом, желая что-то от него услышать. Их карандаши вводили последние записи примерно такого содержания:

«14 октября. Распутин вернулся пьяным в час ночи, обругал консьержку за то, что она получила взятку в 25 рублей от министра, и заметил: «Он хочет меня закопать, но я его закопаю раньше!»

«6 ноября. Распутин побывал на квартире купца Попермана из Самары и в пять возвратился домой. Расставаясь, целовался с Поперманом, Когда поднялся к себе в квар-

ОТЕЦ ГРИГОРИИ ПРИНИМАЕТ

тиру, поинтересовался, есть ли к нему просители. Услышав, что ждут две дамы, спросил: «Они хорошенькие? Очень хорошенькие? Отлично, такие мне и нужны!» Около семи он покинул дом и подарил консьержке 10 рублей. Выглядел заспанным».

«14 ноября. Распутин в состоянии опьянения пришел домой вместе с Татьяной Шаховской, и тут же они ушли. Вернулся около двух ночи очень пьяный».

«3 декабря. После визита к Филиппову Распутин вернулся крепко выпивший».

«12 декабря. Распутин вернулся в 9.30 утра с Варваровой. Он, должно быть, ночевал у нее».

«8 января. Распутин с двумя дамами вернулся от письмоводителя орденской канцелярии Нордмана около трех утра. Дамы оставались с ним еще два часа».

«14 января. Распутин в семь утра пришел домой пьяный в стельку. С ним был Осипенко и неизвестный. Он выбил стекла в дверях подъезда. Должно быть, до этого он уже падал, поскольку нос его распух».

«18 января. Распутин вернулся в половине восьмого утра с двумя мужчинами и женщиной. Он был совершенно пьян, на всю улицу горланил песни. Неизвестные проводили его до квартиры и ушли».

«26 мая. Распутин с проституткой Грегубовой вернулся домой в автомобиле купца Мадельса. Он был совершенно пьян, страстно целовал Грегубову и гладил по щекам. Когда Грегубова ушла, Распутин послал консьержку за проживающей в этом доме портнихой Катей, но той не было дома».

В течение года подобные протоколы шли в охранку, полицию и министерства. Опираясь на них, там пытались разгадать яркую и противоречивую натуру Распутина. Таинственная сущность этого человека так и осталась недоступной не только для проницательного ума сыщиков, но и самого шефа полиции.

Подшивка полицейских рапортов о Распутине считалась большой ценностью, и министры, великие князья, принцессы, иностранные послы, спекулянты и придворные были счастливы, когда к ним хотя бы на денек попадали эти записки из подворотни,

Всякий, позвонивший в дверь квартиры № 20, прежде всего увидел бы несколько полноватую, уже в возрасте женщину в черной одежде и белом платке на голове. Дуня, дальняя родственница и служанка старца, изучающе и недоверчиво приглядывалась к посетителю, ворчливо спрашивала: «Это вы пришли? Да? Ну, входите!».

Если гость приходил без предупреждения, Дуня подробно осведомлялась о цели посещения, устраивая настоящий допрос. Если посетитель ее устраивал, она, шлепая разношенной обувью, уходила докладывать. Через несколько минут появлялась снова и сообщала: «Григория Ефимовича нет дома», или: «Григорий Ефимович вас просит!»

Распутин вставал обычно в шесть утра и шел в Афонское подворье на утреннюю молитву. Оттуда в сопровождении поклонников возвращался домой попить чаю с черными сухарями, которые он очень любил. Кроме этих постоянных гостей, примерно к восьми утра у него появлялись различные посетители.

Надежнее всего было встречаться с Распутиным в десять утра. В это время он был почти всегда дома, ожидая телефонного звонка из Царского Села.

Если звонил телефон, к аппарату спешила Дуня и отвечала: «Это номер 646-46». Затем недовольно спрашивала, кто говорит, сразу смягчалась, если это было Царское Село, и громко звала Распутина в кабинет; «Анна Александровна у аппарата!»

Быстрым шагом он подходил к телефону и коротко отвечал: «Ну, что? Что нового, душечка? У меня народ. Да, я приду!»

В соответствии с содержанием подобных разговоров было и его настроение. Поэтому разговор в десять считался важным моментом для гостей.

Полковник Комиссаров, князь Андронников, банкир Рубинштейн, доверенные лица царского конюшенного Бурдукова, множество политиков и авантюристов — все пытались уловить хоть какое-нибудь неосторожное высказывание старца.

Гости «ровно на десять» задерживались лишь на несколько минут, чтобы выяснить что-то им нужное. Они быстро прощались, садились в автомобили, чтобы побыстрее поделиться со своими компаньонами результатами разговора с Распутиным. К этому времени просители и посетители

заполняли прихожую, усаживаясь в очереди на маленьких скамейках и пестрых креслах. Терпеливо, иногда часами, ждали аудиенции. Когда прошение передавалось, освободившееся место занимал новый пришедший. С восьми утра до позднего вечера шел людской поток к Распутину.

Бывали дни, когда посетителям приходилось ждать очереди на лестничной клетке. Особый наплыв приходился на праздники. Дочь Распутина рассказывает, что в такие дни вся улица была полна народу. Везде стояли автомобили и экипажи, в длинной очереди теснились гости из беднейших сословий. Посетителей насчитывалось много сотен.

Общеизвестное обстоятельство, что Распутин на хорошем счету при дворе и его там любят, что он имеет большое влияние на высших государственных и церковных сановников, притягивало к нему всех, у кого были конфликты со светскими и церковными властями. Им он казался всемогущим. Повсюду твердили, что власть Распутина над Россией крепче царской. Он получил титул «царя царей», даваемый обычно крестьянами великим и святым личностям. Но больше, чем в силу, верили в святость Распутина и его особые мистические способности. Распространялись удивительные истории, как старец умеет глядеть в душу, предсказывать будущее и излечивать больных взглядом или прикосновением рук. Верили в это не только крестьяне, но и самые широкие круги петербургского общества.

Уже за много десятилетий до этого в Петербурге некоторые мистические кружки исповедовали учение хлыстов. Из них возникали тайные общества, так называемые «ковчеги», включавшие самых знатных людей. Так что в Петербурге была почва для признания Распутина новым Христом.

Оттого, что слава об этом распространялась в условиях таинственности, старец привлек к себе чрезвычайное внимание. В итоге люди всех сословий потянулись к отцу Григорию, с трепетом ожидая его благословения.

С небывалой быстротой, с какой могут распространяться только секреты, все заинтересованные круги узнали, что Распутин может освобождать от воинской службы и заключения в тюрьму, способствовать участию в выгодных концессиях и вести другие дела. Стали известны и суммы, за которые старец их выполняет.

В то время, когда в зажиточных кругах столицы шушукались о взяточничестве Распутина, среди простого народа, тоже тайно, распространялись утешительные слухи о том,

что Распутин едва ли берет подарки за свои услуги. Действительно, Григорий Ефимович не отказывался от подачек богатых посетителей. Но он был одинаково приветлив и с готовностью оказывал помощь тем, кто приходил с пустыми руками, и даже отдавал им предпочтение. Он мог грубо встретить спекулянта с крупной суммой, но всегда душевно принимал чисто символические подношения бедных: бутылку вина, круг сыра или образок Божьей Матери. Часто подзывал в таких случаях Дуню, секретаря Симановича или дочь Матрену и восхищался: «Эй, посмотри, какой хороший подарок я получил! Благородный подарочек!» И бедняк уходил с чувством, что его подношение самое дорогое для святого отца. Приходили к нему и те, кто рассчитывал получить денежную помощь, и почти всегда получали ее. Григорий Ефимович жертвовал без раздумий, охотно и щедро. Для этого не нужно было долго плакаться и жаловаться на неудачи. Не считая, засовывал он пачки банкнот в карманы своих штанов, и точно так же отдавал их нуждающимся — то матери, желавшей навестить больного сына в отдаленной губернии, то отцу, у которого не было денег на учебу ребенка, то больному, чтобы заплатить врачу. Это отличало Распутина от тех, кто осуждал его за взятки. Ведь сами они не были способны на бескорыстные поступки.

Из огромных сумм, получаемых ежедневно, у него оставалось еще достаточно, чтобы держать помощников и компаньонов. Несмотря на крестьянское лукавство, Григорий Ефимович оставался наивным и доверчивым. Все, что оставалось не разворованным и не розданным, он использовал для себя или складывал в ящик письменного стола, пытаясь собрать приданое для дочери Матрены, которой был по душе сын его друга Соловьева.

Жил Распутин очень просто, в обыкновенной квартире, невзыскательно обставленной. Он много пил и обильно питался, но все это приносили ему посетители, особенно посетительницы. Его жена и дети ни в чем не изменили своим крестьянским привычкам, хотя и они часто получали подношения.

Письменный стол заполнялся банкнотами, чему Распутин по-детски радовался. С наивной гордостью показывал он некоторым посетителям, как растет приданое Матрены. И даже в ночь перед смертью говорил о том, что будущий зять не прогадает.

Кроме тех, кто приходил с подношением, и тех, кто рассчитывал сам получить деньги, существовала и третья категория посетителей. То были женщины и девушки, которые

по доброй воле, ради карьеры или деловых соображений близких им людей добивались протекции старца. Расплачивались они не деньгами, а прелестными улыбками влажных губ и многообещающими взорами. Эти женщины были уже слышаны о том, как ценятся старцем женские прелести. Если его обворожила улыбка и оболестили страстные движения гибкой фигуры посетительницы, он готов был разбиться в усилиях, лишь бы выполнить все ее пожелания. В таких случаях он доходил до министров и даже до царя, в зависимости от того, были ли его просительницы простыми крестьянками или знатными дамами.

Были женщины, обращавшиеся к Распутину с просьбой, но ему отказывавшие. Такое случалось, если они хотели остаться верными своим любимым и не могли побороть неприязни к немолодому крестьянину с лохматой бородой и грязными ногтями. В таких случаях Григорий Ефимович открыто выражал свое разочарование и досаду, был резким и грубым, но часто менял настроение и для исполнения просьб даже таких посетительниц иногда прилагал все свое влияние и связи. Так что преподношение такого рода, как и всякое другое, было желанным для Распутина, но не являлось обязательным условием для оказания помощи.

Нередко случалось, что подобные просительницы пытались под видом холодного отношения скрыть свои чувства. Но они были счастливы не только его покровительством, но возможностью похвалиться тем, что заслужили любовь святого человека.

У многих девушек и женщин всех сословий, как в Петербурге, так и в провинции, появилось страстное желание быть принятыми Распутиным в узком кругу «посвященных». Когда одна новенькая сомневалась, следовать ли приглашению Распутина, другая, его восторженная поклонница, замужняя дама, удивилась:

«Почему вы не желаете ему принадлежать?»

Молодая женщина возмущенно ответила:

«Нужна ли святому грешная любовь? Что это за святость?»

«Все, что с ним соприкасается, становится святым», — было ответом приверженки.

«И вы готовы исполнять его желания?»

«Конечно! Я уже принадлежу ему, чем счастлива и довольна!»

«Но вы же замужем! Что скажет ваш муж?»

«Это и для него великая честь! Если Распутину нужна женщина, для нас это благословение и знамение, хотя у нас и мужья».

При Григории Ефимовиче всегда были женщины, готовые для исполнения сразу двух потребностей — спасения души и удовлетворения плотских желаний. Старые попы убеждали их, что путь к чистоте и духовному покою идет через смирение и добродетельную жизнь, но это не совпадало с тем, чего просило бременное тело и жгучие губы. Путь к Господу требовал отказа от земных радостей; дорога к земным радостям вводила от Господа.

Но тут появился батюшка Григорий и своим учением избавил их от мучительного выбора между душой и телом. Он объяснил, наконец, что грех — это путь не к проклятию, а к спасению. Кто искренне стремится к Богу, должен сначала пройти через грех, так как путь к Господу идет долиной Иосафата. Поскольку Григорий был для женщин воплощением Бога, любое общение с ним не могло быть греховным...

Молва об удивительном святом старце, да еще пользующемся безграничным влиянием на царский двор, распространилась по всей стране. К нему отовсюду потянулись люди всех сословий со своими надеждами, желаниями и просьбами. В его приходжей можно было встретить простого мужика и сановника, последнюю уличную девку и неприступную красотку, оборванного нищего и блестящего офицера. Вся Россия была представлена здесь с ее глубокой верой, тоской по истинному Богу и истинным смирением рядом с низкой, греховной похотью, спекулятивными устремлениями, коррупцией, жадностью и завистью.

Среди просительниц были дамы из интеллигентных кругов, сами желавшие добиться хороших должностей. Другие просили за своих мужей, братьев и любимых, чтобы их освободили от отправки на фронт. Приходили к Распутину и монашки, чтобы получить благословение и благоговейно поцеловать края его одежды. Женщины с несчастной судьбой — уволенные служанки, проститутки с размалеванными лицами, старые бабы, повязанные ситцевыми платками, артистки и танцовщицы — все просили помочь практическим советом или успокоить душу. Все они благоговейно смотрели на Распутина и звали его «батюшка Григорий».

По нерешительным жестам и нервозному поведению многих женщин можно было понять, что они тут впервые. По непринужденной уверенности других нетрудно было догадаться, что это постоянные гости. Дуня уже наперед знала, **кого** Распутин впустит к себе, и предлагала им **снять**

пальто в прихожей. Кто из них хоть однажды переступал порог столовой или спальни, становился для Дуни членом узкого круга Григория Ефимовича, и им предоставлялось специальное место на вешалке.

Члены «внутреннего окружения» вообще не заходили в прихожую. Они поднимались по черной лестнице через маленькую узкую кухню, забитую ящиками и корзинами. Просительницы из прихожей могли их видеть только случайно, когда они вдруг появлялись в одной из дверей или выходили к ним, желая кого-либо увидеть. Для сидящих в прихожей эти «посвященные» считались существами особыми. Про них сочинялись удивительные истории.

Женщины в прихожей знали большинство приверженков Распутина, тем более, что многие из них относились к посетительницам очень доверительно. К самым неутомимым и верным поклонницам Распутина принадлежала монахиня Акулина Никитична, тихая, доброжелательная женщина в одежде сестры милосердия. Она была крепкого, несколько грубоватого телосложения. Простое лицо с правильными чертами смотрело на мир чудесным твердым и умным взглядом. Среди окружения Распутина она именовалась святой, поскольку никаких следов чувственности в ней не было.

Если она выходила из внутренних комнат, женщины в прихожей замолкали и смотрели на нее с почтительным благоговением. Им было известно, что она самая доверенная из всех поклонниц Распутина, всегда сопровождает его и, не раздумывая, выполняет все желания старца. Никакие дикие выходки не могли поколебать ее веру в божественность Григория Ефимовича.

В женском монастыре святого Тихона в Охтое, в лесах Урала, проводила Акулина спокойную созерцательную жизнь, пока ее не поразила редкая и страшная болезнь. Как-то во время испуленных молитв в келье перед образом Спасителя она забилась в судорогах, которые стали довольно часто повторяться. Монахини зашептались, что в несчастную вселился дьявол.

Однажды вечером, когда Акулина молилась перед Спасителем и опять забилась в конвульсиях, в ворота монастыря постучался чужой странник и попросил ночлега. Это был Григорий Ефимович, совершавший паломничество по Уралу. Он услышал крики и от сестер узнал, что произошло. Его провели в келью, и он пробыл там долго с Акулиной наедине.

Бледный, с горящими глазами, старец вышел из кельи и сообщил испуганным монашкам, что Господь был с ним

и позволил навсегда изгнать Сатану из тела Акулины. Вскоре появилась и Акулина, очищенная, выздоровевшая, с сияющими от счастья глазами.

Это первое чудо святого отца Григория, нового спасителя из Покровского, было с благоговением отмечено в летописи Охтойского монастыря. Сестра Акулина, с согласия настоятельницы, решила посвятить свою жизнь избавителю и вешать всему миру о его святости.

Все посетители знали и любили Акулину, поскольку она почти всегда соглашалась передавать письменные просьбы старцу и информировала о его делах. Часто было слышно ее красивое сопрано на застольях, когда она пела песню «Странник». К ней присоединялся приятный голос Григория Ефимовича.

Из приближенных к Распутину женщин много тем для разговоров давала также Ольга Владимировна Лохтина, жена государственного советника Лохтина.

С нею произошла страшная история, связанная с неистовым иеромонахом Илиодором, который пытался ее соблазнить, когда та пришла в Царицынский монастырь. Он потерпел неудачу, и многочисленные почитатели иеромонаха заявили, что в Лохтину вселился злой дух. Разъяренные послушники Илиодора набросились на женщину, сорвали с нее одежду, привязали за ноги к телеге и погнали лошадей в галоп. Оказавшимся тут крестьянам удалось спасти несчастную, но она была вся избита и уже никогда не избавилась от нервного шока и душевного расстройства. Через старую Головину Ольга Лохтина познакомилась с Распутиным, которому через длительный срок удалось ее исцелить. Однако вскоре ее заскоки приняли форму религиозного преклонения перед старцем. Встречая Григория Ефимовича, она бросалась перед ним на колени, и славила его как своего Христа-Спасителя. Женщина искренне верила, что Распутин — это воплощение Бога, и хотела убедить в этом весь мир. Она во всеуслышанье заявляла, что Распутин разделяет ее любовь и с каждым делилась этой радостью: «Все, что делает святой, священо. Все, чего он касается, благословляет и любит, есть святость, сходящая с небес! Верьте мне, сестры, кто отдается этому Богу, сам становится божественным, соприкасаясь с его телом!» Она часто крестилась, склоняя голову. Если кто-то громко беседовал, она недовольно выговаривала: «У батюшки Распутина как в церкви! Должна быть тишина!»

Ольга Владимировна была православной. Ее фанатичное преклонение перед Распутиным священники проклинали как ересь и сектантство. Но все это она стоически пере-

носила и вела мученический образ жизни — спала на голых досках, подкладывая под голову чурбак.

Нередко в прихожей появлялась пожилая дама с прелестной девушкой. Госпожа Головина, вдова статского советника Головина, и ее дочь Мария были яркими поклонницами Распутина. Обе состояли в родстве с Анной Вырубовой, и Муня, как ласково называли дочку, была открытой любовницей старца. До этого она безоглядно любила молодого аристократа, но тот неожиданно умер, и она погрузилась в глубокую меланхолию. Случайно встретившись с Распутиным, Муня решила, что это сам Господь послал ей утешителя, поклялась посвятить ему жизнь и целиком попала под его влияние. Увидев старца, она дрожала всем телом, щеки ее румянились, а в глазах появлялся особый блеск. Мать разделяла эту слепую веру в святость Распутина и сама приводила дочь в этот дом.

Частой гостьей была здесь и жена одного полковника, оперная певица с прекрасным и сильным голосом. Ее супруг знал об отношениях с Распутиным, но не пытался что-либо изменить, так как сам считал связь жены со святым человеком чем-то почетным. Певица иногда звонила Распутину по телефону и пела песни любви. Распутин приглашал своих подруг, и они по очереди слушали. Он заказывал «Барыню» или цыганскую «Тройку» и танцевал, не отнимая трубки от уха.

Помимо женщин, избавленных Распутиным от недуга и тоски, в его окружении были и те, кто страдали от чувственных желаний и откровенно стремились, чтобы он их удовлетворил. Григорий Ефимович, в соответствии с верой хлыстов, всякую греховность преодолевал через «тайную смерть» и «высшее святое бесстрашие». Своим поклонникам он объяснял: «Господь наградил меня бесстрашием. Женщина или дерево — для меня все равно. У меня нет желаний, и дух бесстрастного покоя нисходит через меня на женщину».

Из подобных поклонниц Распутина своим высоким ростом, необычными жестами и непривлекательной внешностью особенно выделялась девушка Маша, появлявшаяся у него в форме гимназистки. Ее угловатое лицо с тупым бульдожьим подбородком, низким нависающим лбом и серыми неприветливыми глазами было всегда белым, как мел; лоснящиеся бесцветные волосы, завитые в длинные локоны, постоянно падали на лоб, и она беспрерывно откидывала их нетерпеливым движением головы. Она постоянно, как-то по-звериному, облизывала острым языком широко бледно-розовые губы полуоткрытого рта. Значительно симпатичнее

выглядела Вишнякова, воспитательница царевича, принадлежавшая к кругу самых близких поклонниц Распутина. Она также была убеждена, что лишь отдавшись старцу, можно изгнать из тела дьявола чувственности. Подобное относится и к двум дамам высшего света, княгиням Долгорукой и Шаховской, черноглазым женщинам в одежде сестер милосердия, ради Распутина покинувшим свой дом и детей. Они часто появлялись в прихожей, обычно сопровождаемые крестьянкой Лапинской, тоже интимной подругой Распутина.

Все эти женщины, не задумываясь, отдавали себя чудотворцу. Распутин обладал удивительной способностью изгонять дьявола чувственных желаний, и верующие женщины шли к нему как к Богу, не считая такие поступки предосудительными или неприличными.

Семья Распутина — его жена и дочери — тоже была убеждена в этой его способности. Прасковья Федоровна к разврату своего супруга относилась спокойно, терпеливо, без упреков, считая, что Григорий Ефимович таким способом выполняет высокую божественную миссию. Относилась она к нему с глубочайшим почтением и была верной служанкой. Примерно так же воспринимали Распутина и его дочери — Матрена и Варя. Особенно это относится к Матрене, которая довольно часто бывала среди женщин, собиравшихся в столовой. В ее дневнике есть записи, свидетельствующие о святой любви к отцу.

В 1918 году она писала: «Опять, когда моего дорогого отца уже больше года нет в живых, я почувствовала, каким он был для меня близким. И хотя мы не можем уже слышать его живой голос, мы чувствуем, что он с нами. Я вижу его в своих грезах, и Ольга Владимировна Лохтина говорит об этом же. Вчера она напомнила об учении отца и, казалось, ее устами говорил его дух. С прошлого года я еще сильнее полюбила Ольгу Владимировну. Она рассказала, что мысленно бывает в Петербурге на Гороховой, посещает дом моего отца и ощущает, что дух его по-прежнему живет».

Был у Распутина еще и сын Митя, по-детски наивный парень, всегда со странной улыбкой и взглядом. Он был очень добрым и с безграничной любовью относился к отцу. Несмотря на эти странности, отец его тоже любил. Старцу удалось пристроить его санитаром в санитарном поезде царицы, чтобы гот не попал на войну.

В семье Распутина сложились сердечные патриархальные отношения. Родственники старались во всем ему угождать, и он тоже нежно о них заботился и искренне уважал,

Это было не последней причиной, заставлявшей Распутина не отказываться от богатых приношений. Возвращаясь от гостей, он всегда приносил с собой лакомства, угощать которыми жену и дочерей доставляло ему истинную радость.

Так же искренне к нему относились и многие его почитательницы, в том числе знатные княгини и придворные дамы.

Если Распутин был дома и не имел деловых встреч, он проводил время обычно в столовой, в кругу своих поклонниц. Откуда бы он ни возвращался, в первую очередь спешил к своим «посвященным», всегда ждавшим его с нетерпением. Целыми днями просиживали они за столом, покрытым богатой скатертью с крупными цветами, обсуждали удивительную жизнь Григория Ефимовича, пытались постичь скрытый смысл его речей. Если он уходил хотя бы на полчаса, по возвращении его восторженно приветствовали. Женщины вскакивали с кресел и спешили к «святому отцу», окружали со всех сторон и ласкали. Он поднимал правую руку ладонью наружу ко лбу и каждую благословлял, целуя в голову. Взволнованные благословением, они снова располагались за столом. Григорий Ефимович садился на оставленное для него место, принимался за громоздившуюся перед ним гору яств и между делом вел елейные речи о Боге и спасении. Обычным для него было переходить от этой темы к совершенно другой: например, рассказать пару двусмысленных анекдотов из арсенала князя Андронникова. Старательно пережевывая, он рассказывал сплетни о высшем петербургском обществе, об увлечении старого дурня Протопопова сестрой милосердия, вводил в курс новостей из штаб-квартиры главнокомандующего и тайной полиции Царского Села. Иногда появлялось лицо юноши, со странной улыбкой рассматривающего собравшихся. Если какая-нибудь новенькая пугалась, Распутин добродушно успокаивал: «Это мой сын Митя. Он не совсем в себе! Для него все смешным кажется, вот он и смеется весь день!»

Старец болтал о разных делах, шутил, непрерывно ел и пил. Иногда подзывал к себе одну из поклонниц, клал ее голову себе на колени и ласкал, елейным голосом читая проповеди о божественном учении. Женщины угощались тем же, что ел и пил старец, но стакан с вином только пригубляли. Старец же опорожнял его целиком. Они с одинаковым благоговением слушали и душеспасительные бе-

седы, и пошлые истории. Женщины в прихожей благоговейно прислушивались к тому, что происходит в столовой. Некоторые из них уже побывали за столом среди «посвященных» и делились своим опытом. Иногда в прихожую заходила Дуня и комментировала то, что происходит в комнатах. И хотя Дуня прислуживала тем, кто был в передней, они ее глубоко почитали. Как только она появлялась, дамы вскакивали со своих мест, просили присесть, предлагали помочь в домашней работе.

Отрадой и утешением было услышать какую-нибудь фразу Распутина, что-нибудь вроде такого, когда, прожевав сыр и рыбу, он обращался к своим поклонницам: «Вы думаете, я вас оскверняю. Не оскверняю, а очищаю я вас!» Или, опорожнив стакан мадеры, сажал на колени юную девицу и, ласково поглаживая головку, разглагольствовал об очищающей силе покорности: «Только смиренным покаянием достигается святость! Человек должен грешить, чтобы раскаяться. Когда Господь шлет нам искушения, надо принимать их без сопротивления, и потом в полной покорности каяться!» Он задумчиво склонял голову на плечо любимой ученицы, глаза его блаженно закрывались. Потом поднимал голову и продолжал: «Первым словом Спасителя было: «Грешите!» Как бы мы каялись, если бы не грешили?»

Затем отец Григорий поднимался и уходил в свой кабинет, где его ожидал банкир Рубинштейн с важнейшим делом. Поклонницы в глубоком раздумье продолжали сидеть за столом.

В другой раз, будучи в дурном настроении после пирушки, он долго молчал. Наконец, каким-то далеким и отрешенным голосом заявил, что вот уже больше пяти лет находится среди своих друзей. Пришло время покинуть всех, даже семью, чтобы совсем уединиться. Потерянно сидели они за столом, но тут лицо у старца просияло улыбкой. Он снова принялся за вино и рыбу, и все пошло, как обычно.

Самой большой радостью для просительниц в прихожей были моменты, когда кто-то из слуг открывал дверь в таинственные внутренние помещения. Тогда можно было увидеть поклонниц, услышать их голоса и даже речи самого старца, если он проповедовал, рассказывал анекдоты или предлагал выпить.

Они старались все запомнить — и попавшую в поле зрения часть огромного буфета у задней стены, бронзовый подсвечник с большим стеклянным плафоном. Что касается середины богато сервированного стола, заставленного корзинами с цветами, бутылками вина, блюдами с рыбой, ва-

зами с мармеладом и стаканами с чаем, то все это можно было скорее предполагать, чем увидеть. Вблизи окна стояло кресло-качалка, а за столом были видны лишь спинки дубовых кресел и отдельные детали одежды сидевших. Особым счастьем было разглядеть самого старца или хотя бы рукав или полу его кафтана, носок сапога или простертую в широком жесте руку.

Дверь закрывалась, и возбужденное общество в прихожей еще долго продолжало обсуждать увиденное и услышанное.

Самым волнующим для ожидавших в прихожей было слышать, как Распутин сам подходит к двери, крепкой рукой нажимает на ручку и собственной персоной предстает перед ними.

Как только по-библейски величественная фигура Распутина появлялась в дверном проеме, гул голосов в прихожей прекращался, сменяясь скрипом отодвигаемых кресел и шорохом одежды встававших людей. Элегантные дамы срывали свои шляпки и приводили в порядок прически, крестьянки перебирали платки, чиновники вскакивали и разглаживали складки на своих мундирах, деревенский ходок с хрустом разворачивал петицию, офицеры инстинктивно звенели шпорами и становились по стойке смирно, представители банков раскрывали портфели и вынимали из них бумаги, курьеры и слуги протягивали руки, чтобы забрать записки. Многие женщины прорывались сквозь толпу, падали перед старцем на колени и беспрерывно крестились.

Старец несколько секунд оставался неподвижным. Его несколько помятая одежда выдавала, что совсем недавно кто-то сидел у него на коленях, губы влажно блестели от вина или поцелуев, глаза удовлетворенно сияли, а рот кривился в довольной ухмылке.

Через мгновение следы застолья улетучивались, и перед просителями был обычный батюшка Григорий, всемогущий чудотворец святой и благословенный Господом человек. Его поджарая фигура твердо стояла на ногах, обутых в высокие крестьянские сапоги, и строгий взгляд изучал всех присутствующих.

Доверенный банкира Мануса рассчитывает передать ему срочное сообщение и надеется попасть к старцу, чтобы поговорить о делах шефа. Но Распутин высокомерным жестом его отстраняет и подходит к двум молоденьким девушкам в матросской форме. Те робко кланяются и крестятся,

их щеки покрываются смущенным румянцем. Тонкими детскими голосками они излагают свою просьбу. Распутин благосклонно наклоняется к ним.

«Гм, гм, мои голубушки,— ворчит он, поняв их просьбу,— вам нужна поддержка, чтобы учиться? Гм, нет никого, кто бы хоть накормил вас... Но подождите, подождите минутку!»

Он задумывается на мгновение, дает девушкам рублевую бумажку и зовет Дуню, чтобы та принесла письменные принадлежности. Та замешкалась, и он с нетерпением обращается к присутствующим: «Есть ли у кого ручка и лист бумаги?»

Доверенный Мануса использует случай, вручает ему квитанции и чернильный прибор, и тут же сбивчиво пытается передать сообщение Мануса. Старец опять его игнорирует, берет квитанцию, и на обратной стороне неуклюже выводит: «Владимиру Николаевичу Воейкову «Царское Село». Затем чертит крест и буквы «Хр. в.» — то есть «Христос воскрес». С длительными перерывами царапает далее: «Мой любимый, дорогой, сделай для меня! Григорий». Старательно сложив бумажку, он передает ее сестрам, благословляет их, протягивает руку для поцелуя и поворачивается к старому, чем-то расстроенному крестьянину.

Тот подробно излагает, что прибыл из Саратовской губернии по поручению крестьянина Гаврилы Шишкина к высокочтимому отцу Григорию Ефимовичу, чтобы он добился царской милости к этому Шишкину, заключенному в тюрьму. Старик расстегнул рубаху и достал газетный сверток, заботливо его развернул и передал двести пятьдесят рублей купюрами, сказав, что Гаврила будет счастлив, если старец примет этот знак благодарности и письменную просьбу. Тот, долго не рассуждая, все это положил в свой карман со словами: «Иди домой и не беспокойся. Скажи Гавриле Шишкину, что я поговорю с Папочкой о его делах!» Затем, перекрестив и благословив крестьянина, обратился к даме легкого поведения Евгении Тереховой, с очаровательной улыбкой подошедшей к нему.

В ее ухоженных руках тоже было прошение о том, чтобы ей разрешили снабжать бельем военное министерство.

«Не правда ли, батюшка Григорий, ты сделаешь это с радостью?» — лукаво обратилась она к старцу.

«Хорошо, хорошо, душечка, я постараюсь». Он погладил ее грудь, улыбнулся, она поцеловала его руку, подставила прекрасный лоб для крестного знамения и попросилась с сияющим и довольным видом.

Плешивый офицер с золотым пенсне на носу вышел вперед и представился: «Прапорщик Максаков», — но его тут же оттолкнул бедно одетый штатский. Машинально вертя в руках поношенную шляпу, он взволнованным голосом обрушил поток несвязных слов, пытаясь объяснить свое запутанное дело. Казалось, что он сам забывал, что говорит, и беспрерывно повторялся. Из его речи оказалось возможным понять только то, что с ним, сельским учителем, несправедливо поступил директор, и он хочет, чтобы Распутин ходатайствовал за него у министра просвещения.

Распутин поморщил лоб и произвольно произнес: «Это просвещение мне противно! Но я все же напишу тебе рекомендацию, подожди минутку...» Затем он повернулся к плешивому офицеру, но тот попросил побеседовать с глазу на глаз.

Распутин бросил беглый взгляд в угол, где робко прислонилась к стене красивая брюнетка с заплаканными глазами, попросил офицера минутку потерпеть и направился к неизвестной даме.

Та держала в дрожащих руках, одетых в простые вязанные перчатки, рекомендательное письмо от московских друзей Распутина, в которых сообщалось, что ее имя Мария Алексеевна и Григорий Ефимович должен защитить ее супруга от административной высылки.

Старец задал женщине несколько дружеских вопросов, взял ее руку, отечески приласкал и успокоил, сказав, что все будет в порядке, а затем предложил подождать в своем кабинете, пока он не примет всех просителей. Распутин сам проводил ее до кабинета, открыл дверь и тут же вернулся. И, отойдя в сторону, негромко начал беседовать с офицером. В этот момент появился курьер с корзиной прекрасных роз и дюжиной шелковых сорочек самых разных расцветок. Распутин позвал Дуню и попросил унести этот подарок высокопоставленной дамы и сберечь.

Появился человек по фамилии Долина и передал старцу просьбу немецкого купца содействовать в принятии русского подданства. Распутин тут же согласился и подошел к старой бедно одетой женщине в меховой куртке и круглой шляпе. Женщина рассказала, что она вдова чиновника, все средства кончились, и она не знает, как быть дальше. Старец полез в свои карманы, достал газетный сверток и небрежным жестом отдал все просительнице. Перекрестив ее, он продолжал прием.

Тут же к нему со всех сторон потянулись руки жаждущих — морщинистые руки стариков и старух, детские ручонки, мозолистые руки работниц и служанок, ухоженные

руки женщин, познавших до этого **безбедную** жизнь. Григорий Ефимович смотрел на эти руки и в глаза бедняков, в которых была печаль, отчаянная мольба и робкая надежда. Снова копался в своих карманах, пытаясь найти деньги, но убедился, что их нет. Тогда что-то шепнул Дуне, и та исчезла в его кабинете. Вскоре появился молодой человек с кипой банкнот. Распутин брал у него деньги, раздавал просителям, благословлял и отпускал.

Тут к Распутину обратились двое, одного из которых он давно знал. Это был Поган, агент, живший еще и на доходы от маленькой комиссионной лавки. Поган представил своего спутника как инженера Менделя Поймана, желающего просить высочайшей амнистии в связи с восьмимесячным арестом по военному делу. После кратких, вполголоса, переговоров об оплате этой сделки, Распутин обещает, что прошение Поймана будет передано лично царю.

Открылась входная дверь, и вошла рослая стройная девушка с прекрасными мечтательными глазами. Увидев старца, подбежала к нему и поцеловала руку. Некоторые посетительницы ее знали и шепотом сообщили, что это дочь великой княгини.

Распутин с искренней радостью приветствовал вошедшую, обнял ее, а та начала весело щебетать о том, что с тех пор, как он стал ее учителем, смотрит она на все другими глазами и жить стало легче.

«Я это говорил всегда, — ответил старец сердечно и с достоинством. — Все зависит от того, как смотреть на мир. Верь только моим словам, и все будет хорошо».

Подошел малорослый старичок с редкими седыми волосами и представился банщиком часто посещаемой Распутиным бани. Григорий Ефимович очень сердечно принял и банщика, благосклонно похлопал по плечу, ушел в кабинет и спустя несколько минут вышел с рекомендательной запиской к государственному наместнику: «Мой любимый, дорогой, прости! Помоги бедному банщику! Григорий».

Приближенные поклонницы, стоя у входа в столовую, воспринимали происходящее с волнением и благоговением. Они всем сердцем сочувствовали святому старцу, старающемуся ради народного блага. Действительно, бывало, что бесконечные разговоры с просителями становились непосильными для Распутина. Тогда он на минуту забегал в столовую, бросался на стул и, стирая пот со лба, жаловался, как он устал от посетителей. К нему подходила одна из послисниц, целовала и говорила, что рада **бы вместо него** обслуживать посетителей,

К тому же еще беспрерывно звонил телефон, отвечать по которому было поручено племяннице Распутина. Она делала записи, отвечала на вопросы и подзывала к аппарату то сестру Акулину, то Вырубову, а то и самого старца.

Немного отдохнув, старец снова отправлялся к своим подопечным, слушал их жалобы, пока не подошла Дуня и не напомнила о Марии Алексеевне, красивой женщине, ждущей его в кабинете. Ласково улыбаясь, поспешил он в кабинет, чтобы помочь бедняжке вызволить супруга из сибирской ссылки.

Как только старец покинул прихожую, торжественная тишина тут же сменилась прежним гулом.

Завязался разговор о виденном и услышанном и особенно о комнатке, в которой Григорий Ефимович находился сейчас с Марией Алексеевной. О назначении этой комнатки и разыгрываемых там сценах ходили настоящие легенды. Женщины сближали головы и шептались. Некоторые из них загадочно улыбались. Тайну этого кабинета они еще раньше узнали из собственного опыта и хорошо представляли, что сейчас приходится испытывать прелестной и застенчивой Марии Алексеевне.

При первом посещении загадочного помещения навсегда запоминались многие детали: скромная обстановка, железная солдатская койка с одеялом на лисьем меху, подарок Вырубовой; над иконой с горящей лампадой портреты царя и царицы и вырезки из священного писания на стенах.

Пока Распутин с женщиной находился в таинственном кабинете, никто, даже самый близкий, не имел права туда входить. И только при телефонном звонке из Царского Села Дуне разрешалось тихонько постучать в дверь. В этой комнатке происходило «посвящение» новенькой в святое учение «спасения грехом» и здесь решалось, будет ли просительница принята в «интимный» кружок.

Многие юные девицы покидали кабинет с сияющим видом. Но встречались женщины, вырывавшиеся из него в растрепанной одежде, взъерошенные, плачущие и глубоко уязвленные, или, наоборот, дрожащие от бессильной ярости и настолько возмущенные, что их приходилось выводить караулившим на лестничной площадке полицейским агентам.

Да, не все выдерживали святую церемонию «спасения грехом». Для многих «дьявол высокомерия» оказывался сильнее, и они не могли пойти «дорогой унижения».

Случалось, что возмущенные женщины жаловались на

то, что Распутин их изнасиловал. Шеф полиции Белецкий в таких случаях рекомендовал составлять протокол и в одном экземпляре направлять в соответствующие инстанции, соблюдая при этом секретность. Получивший такой протокол ухмылялся и со смешанным чувством похоти и зависти раздумывал о «дьявольской святости» Григория Ефимовича. Но никто всерьез не намеревался на основе таких обвинений возбуждать уголовное дело.

Все это было хорошо известно женщинам, собравшимся в прихожей у Распутина, и, когда застенчивая Мария Алексеевна вышла из кабинета, испуганная и печальная, на нее было направлено всеобщее внимание. Очевидцы пытались угадать ее дальнейшую судьбу по походке и взгляду.

Сразу же за ней в прихожую вернулся и старец. Его волосы в беспорядке слиплись и взъерошились на висках. Сияющий и запыхавшийся, он подошел к группе из трех крестьян и взял у них жалобу на бесчеловечное обращение помещика. Две монашки из Верхотурья попросили и получили его благословение. Толстый банкир из Киева, прибывший со слугой, пытался поговорить наедине, курьер барона Гинсбурга принес крупную денежную сумму и попросил отметить свой визит в памятной книге, скульптор Аронсон, работавший над бюстом Распутина, договорился о времени следующего позирования.

Вот появились две очень хорошенькие дамы в роскошных меховых пальто, брюнетка и блондинка с голубыми глазами. Они прибыли из Москвы, поскольку для их дела требовалась протекция старца. Подруги и поклонницы Распутина при появлении москвичек явно разволновались и смотрели на них с нескрываемой враждебностью. Загадочное поведение этих незнакомок еще со вчерашнего дня возмущало, поскольку их «дьявольское сопротивление» выводило старца из себя. Всю ночь он пил и бушевал, чтобы забыть обиду, нанесенную «высокомерными чертовками».

Тем, что москвички так дерзко пренебрегли чувствами Распутина, больше всех возмущалась Акулина.

По прибытии обеих дам из Москвы старец не ночевал дома. На следующее утро Акулина спросила одну из них, Леночку Джанумову, был ли он с ними. Леночка с возмущением это отвергла. Мысль о том, что есть женщины, пренебрегающие старцем, приводила его поклонниц в негодование, тем более, что расположение Распутина для этих двух дам было чрезвычайно важным.

С удивлением, ужасом, издевкой и пренебрежением пересказывали просительницы, как Леночка Джанумова еще в Москве обратилась к Распутину, чтобы не допустить вы-

селения из Киева ее матери-немки и как сочувственно отнесся к ней Распутин. При первой же встрече он дал ей ласкательное прозвище Франтик, расцеловал и, уехав из Москвы, посылал полные любви телеграммы.

Вскоре Леночка приехала в Петербург и при первом же посещении очень рассердила старца, спросив, не разрешит ли он прийти к нему со знакомым своей подруги. Распутин вышел из себя, полагая, что Франтик прибыла из Москвы с возлюбленным.

«Ах ты, неженка! — кричал он возмущенно. — Мужика своего из Москвы прихватила! Не хочешь от него избавиться! Идешь ко мне, просить благосклонности — и со своим мужиком! Вот ничего тебе не сделаю, уходи! У меня тут хватает баб, они меня любят! Не нужна ты мне!»

Затем подбежал к телефону и прерывающимся голосом заговорил в трубку: «Милочка, ты не занята? Иду к тебе! Ты ведь рада? Подожди, сейчас я буду у тебя!» Повесил трубку, победно посмотрел на хрупких просительниц и гневно произнес: «Не нужны мне московские дамы! Предпочитаю петербургских!»

Но уже на следующее утро он позвонил Леночке и приветливо с ней разговаривал, просил прощения и пригласил к себе. Франтик стала частой гостьей на Гороховой, как и ее подруга Лела, которой тоже нужна была помощь в затянувшемся деле о наследстве. Принимал он подруг с почетом, приглашал в кабинет, но они всё знали и под благовидными предложениями отказывались.

Поклонницы нервничали, поскольку понимали, что обещание с высокомерными москвичками может только разочаровать и рассердить старца. То одна, то другая пытались их уговорить, но сам Распутин запретил вмешиваться в эти дела и даже как-то ради москвичек отказался от приглашения в Царское Село.

Подруги понимали, что их полууступчивость никогда не приведет к успеху. Григорий Ефимович становился все настойчивее и даже стал ночевать в гостинице, где остановились москвички. Но напрасно он проповедовал о человеческой любви и о ее благословении, рассказывал, что без любви душа темна, что Господь отворачивается от тех, кто не любит, что любить — это наказ Божий и всем его нужно исполнять, чтобы дьявол не вселился в душу.

Проходили дни и ночи, но Распутин не мог достичь цели. Он как дикий зверь ходил в столовой и пил вино. Когда были испытаны все средства, делающие женщин уступчивыми, он ночью пришел к Леночке вместе с министром, помощь которого нужна была ей.

«Открой, милочка, — попросил он за дверью, — я привел к тебе министра, и мы решим дело за минуту!»

Но москвички так далеко зашли в своем дьявольском упорстве, что не открыли им двери, и оба были вынуждены ретироваться. Чтобы приглушить досаду, они поднялись в варьете, где провели ночь с цыганками, и старец вернулся домой только к царскосельскому звонку в десять утра.

Григорий Ефимович с тяжелой головой стоял в прихожей и беседовал с просителями. Именно в это время совершенно непринужденно, как будто ничего не случилось, вошли упрямые москвички.

Старец был вне себя от гнева. Он провел женщин в кабинет, ворвался в столовую и вбежал обратно с бутылкой вина, бледный, с горящими глазами. Тем временем несколько поклонниц зашли к Леночке и Леле, умоляя, чтобы они прекратили сопротивление и не мучили больше святого.

Распутин стал полными стаканами наливать вино и всем приказывал пить. «Я люблю этих москвичек! — кричал он. — Люблю, хотя они меня и мучают! Я всю ночь промаялся, потому что они жгут мое сердце!»

Затем он снова вышел в прихожую и увидел там двух священнослужителей с большими золотыми крестами на груди. Совершенно неожиданно он им выложил, как пропьянствовал всю ночь: «Я был у прекрасной цыганочки, и она мне пела: «Еду к любушке моей!» Что можете сказать об этом, попы?»

Один из священников опустил глаза и стал объяснять певучим голосом: «Святой отец, это ангел небесный пел тебе песни!»

Распутин улыбнулся: «А я говорю, это была хорошенькая цыганочка!»

«Нет, — возразил священник с обезоруживающей улыбкой, — я убежден, то был ангел из рзя!»

Ухмыляясь, повернулся Распутин к юной польке с привлекательным лицом, решил провести в свой кабинет. Он небрежно ее приласкал и зашел в кабинет, чтобы выпроводить москвичек. Но, увидав их упрямые лица, вновь пришел в бешенство, забежал в столовую и пошел там бушевать. Зазвенела битая посуда, и Дуня испуганно поспешила к Григорию Ефимовичу. Остальные замерли, не смея дышать.

Старец вышел снова с таким диким видом, что, казалось, он готов уничтожить все на своем пути. Муля Головина замерла в ужасе. Ей, как и всем другим присутствующим, Распутин казался грозным, как разгневанный Бог на Страш-

ном Суде. Но тут зазвонил телефон, и Аннушка сообщила, что царица просит ее посетить.

События пошли по-иному. Княгиня Шаховская стала настаивать, чтобы Распутин до поездки в Царское Село прогулялся, и предложила покататься с нею на коньках.

«Если москвички поедут с нами, поеду и я!» — упрямо, как избалованный ребенок, потребовал Григорий Ефимович.

Леночка и Лела согласились, Дуня вышла, чтобы найти коньки, и через несколько минут все были готовы. Старец в шубе и бобровой шапке прошел в прихожую и дружелюбно пообещал просителям: «Чуть-чуть потерпите, мои дорогие, я сейчас вернусь, вот только закончу одно важное дело!»

Посетители не очень-то рассчитывали на возвращение Распутина, но он действительно через полчаса был с ними.

Почти ежедневно, когда Распутин занимался со своими дамами и просителями, к нему заходил мужчина, резко отличавшийся от прочих посетителей. Это был коллежский асессор Манасевич-Мануйлов, человек ниже среднего роста, одетый, как это бывает характерно для малорослых, подчеркнuto элегантно. Казалось, заботой о туалете он пытался компенсировать невзрачность внешности. Его костюм был сшит у лучшего портного Петербурга и из лучшей материи, прическа и руки — безупречно ухожены, лицо как будто только что выбрито, а толстый слой пудры скрывал жирный блеск кожи лица и придавал ей приятную матовость. Блестящие от масла волосы были тщательно причесаны на пробор слева, на нежных, почти женских руках — розовый маникюр. Создавалось впечатление, что он только что вышел от парикмахера, прихорашиваясь перед особо важным визитом к министру или знатной даме. Также и выражение лица, походка, жестикуляция, тембр голоса — все соответствовало тщательному туалету и корректности поведения.

Манасевич-Мануйлов был постоянным гостем в доме Распутина и иногда появлялся по несколько раз в день. Никто другой не имел такого свободного доступа к Распутину. Как только коллежский асессор входил, к нему спешил Григорий Ефимович, даже если ворковал с какой-нибудь голубушкой в кабинете.

Тот знал о своей привилегии, но использовал ее не совсем обычно. Несмотря на частые посещения, он никогда ни в малейшей степени не нарушал формального этикета, и невозможно было узнать, насколько доверительными бы-

ли его отношения со старцем. Каким бы срочным ни было дело и испорченным настроением, он оставался внешне спокойным и полным достоинства. Его лицо могло расплыться в любезной или даже искренней улыбке, но никогда не позволял он себе быть веселым или по-приятельски приветливым и всеми силами старался быть так ценившемся в то время «человеком из хорошего общества».

Но за корректной внешностью скрывался решительный и умный мошенник, погрязший в подлости, обмане, вымогательстве и всяческих темных делах.

На этого сына еврейского купца, когда тот был еще мальчишкой, обратил внимание престарелый князь Мещерский. Бывший друг Достоевского, влиятельный политик и издатель реакционного журнала «Гражданин» с возрастом стал проявлять слабость к прелестным нежным мальчикам девчоночьей внешности. По всем этим статьям его устраивал маленький Мануйлов. Князь взял к себе многообещающего подростка и сделал своим «духовным сыном». Он одевал его у лучших портных, много давал на карманные расходы и обеспечил доступ в высшие круги петербургского общества.

Но вскоре в Мануйлове проснулась непреодолимая страсть, заставившая использовать дремлющие в нем таланты в другом направлении. Он решил войти в доверие петербургской тайной полиции и по ее заданию был вскоре направлен в Париж, но не туда, где развлекаются богатые юноши, а в центры революционного движения. Задания выполнял успешно, так что начальство вскоре сделало его правой рукой действовавшего в Париже шефа охраны Ращковского.

Как шпик он отличался авантюризмом и действенностью. В Париже он получил доступ к тайным делам префектуры, в Лондоне и Гааге связался с японской военной миссией и выведывал ее секреты во время русско-японской войны. Ему удалось получить ключ к шифру, с использованием которого были прочтены многие японские документы, послывшиеся в Европу. Он организовал русский контршпионаж в Вене, Стокгольме и Антверпене, перехватывая дипломатическую корреспонденцию аккредитованных в Петербурге представителей нейтральных стран. Он сумел путем подкупа служащего посольства в Мадриде заполучить ключ к германским шифровкам и обеспечить успешное наблюдение над кайзеровским балтийским флотом. За свою деятельность был награжден персидским орденом Льва и Солнца, русским Владимиром четвертой степени и испанским Изабеллы.

С успехом занимался Мануйлов и внутривластным шпионажем. Ему удалось раздобыть секретный архив графа Витте, в котором оказались компрометирующие графа письма, и тому пришлось уйти с министерского поста. Вскоре после этого он продал важные государственные документы борцу с царизмом Бурцеву, который использовал их в антирусской кампании в Америке.

Вступал Мануйлов в связь и с попом Гапоном — первый раз он под видом убежденного революционера уговорил его на антиправительственную демонстрацию, закончившуюся «кровавым воскресеньем», когда демонстрантов расстреляли перед Зимним дворцом, и в другой раз, когда по приказу правительства поп был убит.

Не пренебрегал он и более мелкими частными делишками. За значительные суммы обещал достать справки на жительство для высылаемых евреев, но только морочил им голову или, обещая освободить от призыва на фронт, получал хорошую взятку, а в ответ устраивал еврейские погромы.

Чувствуя свое всемогущество и обладая неукротимой жадной деятельностью, Мануйлов разбогател и попал под уголовное следствие, угрожавшее большим скандалом. Но и в этот раз он ушел от ответственности, поскольку прокурор получил приказ свыше дело прекратить. Коллежский ассессор тут же снова занялся аферами и получил возможность оказывать давление на полковника Мексазуди. Когда началась война, он ловко лавировал между интригующими кликами, пока новый премьер-министр Штюрмер не назначил его секретарем президиума.

Петербургское общество знало о темном прошлом и нынешних делах этого человека, но, считаясь с его силой и влиянием, было вынуждено принимать его с особым почтением.

Появляясь в прихожей Распутина, Мануйлов снимал у входа перчатки и изящным движением передавал служанке шляпу, пальто и трость с серебряным набалдашником, сдержанно всем кланялся и направлялся, элегантно покачиваясь, к старцу.

При его появлении Распутин тут же забывал о своих подопечных, стремительно к нему бросался, сердечно обнимал и целовал в обе щеки.

Коллежский ассессор со снисходительным превосходством освобождался из объятий святого отца, и они сначала прохаживались по прихожей, полусшепотом обмениваясь новостями. Присутствующие могли уловить только отдельные слова, но о сути разговора можно было догадаться по вы-

ражениям лиц беседовавших. Уже сама внешность Мануйлова, его независимая и беззаботная улыбка, манера, с какой он вот так запросто брал под руку высокочтимого чудотворца, все это было удивительно для находившихся в прихожей. Разговаривая с Мануйловым, старец вдруг резко менялся. Обиженные просители, к которым Распутин уже терял всякий интерес, были свидетелями того, как с его лица, монашески доброго и отеческого, вдруг как бы спадала маска, и перед ними обнажалось обличье хитрого деревенского барышника.

Смущенные таким непонятным фокусом, просители растерянно смотрели на Распутина. Это продолжалось до тех пор, пока Мануйлов не убрал своей руки из-под локтя святого отца, и старец опять ласково смотрел на всех, благословляя правой рукой.

Мануйлов лучше других знал слабости святого, как могут знать друг друга компаньоны по не совсем чистому делу. Пожалуй, он был единственным, кто не поддавался очарованию личности Распутина, поскольку чувств почтения, восхищения и смирения коллежский ассессор был лишен начисто. Со старцем его связывало только убеждение, что тот станет важным фактором успеха в спекулятивных сферах.

До сотрудничества с Распутиным Мануйлов числился его непримиримым врагом, поскольку он считал за лучшее выступить в кампании против чудотворца, начатой влиятельным генералом Богдановичем. Но потом понял, что лучше переметнуться к другой группировке, той, что в это же время во главе с министром внутренних дел Маклаковым энергично защищала старца.

Скоро выяснилось, что этот поворот в карьере был очень полезен. О Мануйлове узнала царица и не поспешила в награде. Мануйлов был назначен секретарем премьер-министра. Именно через него Распутин завел близкое знакомство с Борисом Штюрмером. Коллежский ассессор свел их в квартире своей подруги, актрисы Лермы-Орловой, и там Григорий Ефимович решил, что Штюрмер самый подходящий кандидат на пост премьер-министра.

Это знакомство состоялось в момент довольно драматической ситуации. Мануйлов, страстно влюбленный в Лерму, подозревает, что та якобы изменяет ему с учителем верховой езды Петцем. Вне себя от ревности и обиды, он готов избить свою любовницу, но тут позвонили и вошел Штюрмер. Минутой позже появился и Распутин. Бедному Мануйлову ничего не оставалось другого, как выбирать между личными чувствами и государственными интересами,

тесно связанными с общественной карьерой. Он поочередно бегал то к рыдающей Лерме, пытаясь ее успокоить, то в комнату, где обсуждалось будущее Штюрмера.

Историческая встреча, наконец, успешно завершилась. Штюрмер произвел на Распутина благоприятное впечатление, и он даже расцеловался с ним на прощание. Штюрмер был на вершине блаженства, обнял Мануйлова и обещал принимать его как сына и дать в будущем любой желаемый пост.

Любовные дела коллежского асессора решились тоже благополучно, поскольку предстоящее назначение на пост секретаря премьер-министра произвело на крошку Лерму соответствующее впечатление, и она решила больше не любить учителя верховой езды. Мануйлов же связался с помощником министра Белецким, сообщил тому, что Петц занимается продажей лошадей в недружественные страны, и добился ареста соперника.

Пока тот сидел в тюрьме и ждал, что его невиновность со дня на день будет доказана, Мануйлов без помех наслаждался любовью возвращенной подруги. В это же время он вращался среди банкиров и общественных деятелей, давал взятки и получал доступ в самое высшее общество, в том числе и иностранные дипломатические представительства.

Распутин не строил иллюзий по поводу перехода Мануйлова на его сторону. Он слишком хорошо знал его прошлое. Но крестьянская хитрость подсказывала, что из почтения или восхищения никто не будет так верен, как тот, кто руководствуется трезвым расчетом. Пока Мануйлов будет использовать могущество Распутина для укрепления собственного влияния, на него можно твердо полагаться.

Старец знал, что Мануйлов и дальше не собирается оставлять своих связей с тайной полицией, поскольку помощник министра Белецкий дал ему поручение подробно информировать о всех политических и коммерческих планах Распутина. Коллежский асессор не скрывал от Распутина своей миссии, и старец, в свою очередь, рассчитывал использовать в своих целях связи Мануйлова с охранкой, и тот действительно сообщал ему о секретных намерениях и планах полиции.

Сам старец не раз пытался скрыть от Мануйлова свои намерения. Но тот днем и ночью имел доступ в его квартиру и к любому ящику стола. Мануйлов использовал безграничное доверие своего святого друга и постоянно вмешивался в дела ожидающих в передней посетителей, а также

принимал участие почти во всех заключаемых в рабочей комнате сделках.

Когда Григорий Ефимович в прихожей беседовал с коллежским асессором, иногда открывалась дверь рабочей комнаты и появлялся брюнет среднего возраста типично еврейской внешности, почтительный и привлекательный. Это был Симанович, первый личный секретарь Распутина, приглашавший кого-нибудь в рабочую комнату или о чем-то тихонько спрашивающий старца.

Когда открывалась дверь рабочей комнаты, просители могли на мгновение заглянуть в нее. Там, за круглым столом, тесно прижавшись друг к другу, сидели посетители, что-то озабоченно записывающие или беседующие, оживленно жестикулируя. Почти все они были невзрачно одеты. Двое или трое из них носили косоворотки и казались мелкими лавочниками. Другие были типичными представителями низших еврейских финансовых кругов с неприятными маленькими глазками и рыжими козлиными бородами.

Спиной к огромному письменному столу, заваленному вскрытыми и запечатанными письмами и телеграммами, стоял Добровольский, второй личный секретарь Распутина. Он иногда что-то выкрикивал, и все вытягивали шеи, вслушиваясь в его слова, после чего галдеж и жестикуляция продолжались еще оживленнее.

Все это, с выкрикиванием имен и цифр, записями в блокнотах, очень напоминало финансовую биржу. В некотором смысле так оно и было, поскольку друзья и секретари Распутина пытались связи и влияние старца приспособить к процветанию своих торговых сделок. Кроме одного из четырех постоянно сменявшихся секретарей, среди которых наибольшим доверием Распутина пользовались бывший гранильщик алмазов Симанович и школьный инспектор Добровольский, в рабочей комнате постоянно заседал штаб маклеров и агентов всех мастей.

Благодаря тому, что в прихожей чудотворца ежедневно собирались влиятельные люди России, становилось возможным тут же на месте без всяких бюрократических задержек совершать торговые и биржевые сделки, получать права на концессии или заручаться политической поддержкой. До полудня можно было со своими делами войти в прихожую и познакомиться с ними самого хозяина квартиры или его секретаря. Оставалось только ждать, пока появится банкир Рубинштейн, епископ Варнава, кто-то из министров, генерал-адъютант царя или влиятельная «мать церкви» графиня Игнатьева. Все остальное было заботой секре-

таря, и нужное послание передавалось прямо по назначению.

В России того времени любое дело, даже если в ход шли взятки и протекции, проходило через тысячи чиновников, и решалось бесконечно долго. У Распутина же все завершалось почти сразу. По этой причине все больше деловых людей России группировались вокруг старца.

Сам старец не задумывался над техническими деталями операций — все за него решали секретари. Он не собирался превращаться в прожженного дельца и на все предпочитал смотреть по-крестьянски просто. Самые хитроумные биржевые игроки пасовали перед здоровым инстинктом и не допускавшим обмана взглядом чудотворца из Покровского, уверенно чувствовавшего смысл любой сложной сделки и твердо защищавшего свое мнение.

И корявые записки Распутина, и его крупные сделки были очень простыми, но всегда достигали цели. Никогда никому он не писал больше нескольких слов, примерно такого содержания: «Мой милый, дорогой, сделай это! Григорий». Эти слова действовали как заклинание. Их было достаточно, чтобы директора банков и министры выполняли самые немыслимые требования. Со временем процесс составления записок усовершенствовался: в свободное время старец писал их про запас, и во время приемов приписывал только адрес. Иногда он не делал даже этого, снабжая подопечного рекомендацией без адреса. Молодая девушка, побывавшая с Распутиным в кабинете, рассказывала о своеобразной манере раздачи рекомендаций.

Во время приема он из прихожей уходил в кабинет и, если не находил готового письма, говорил: «Мне нужно быстро написать письмо, там сидит человек, которому надо помочь!»

Затем брал ручку и начинал с трудом выводить строчки, каждое слово бормоча вслух и как бы наклеивая каждую букву на бумагу.

«Писать я не люблю,— признался он девушке, прерываясь,— ох, как я не люблю писать! Живое слово совсем другое, им так легко выражать то, что думаешь! Смотри, вот всё, что я написал: «Милый, дорогой друг! Будь добр, выполни просьбу. Григорий».

«Но почему Вы не пишете, кому письмо направлено?» — удивилась девушка. Он рассеянно усмехнулся: «Зачем? Человек сам знает, кто ему должен! И что бы я ни написал — этого достаточно. Я всегда так делаю!»

Когда через некоторое время деловая активность в рабочей комнате приняла широкий размах, старец стал просто

отдавать некоторое количество своих записок Симановичу и Добровольскому для распределения по их усмотрению. Уважение с этим секретарям у маклеров и спекулянтов от этого резко возросло. Особенно большой чести удостоивался Симанович. Едва он появлялся в дверях рабочей комнаты, спины дельцов почтительно сгибались на него устремлялись взгляды ожидающих.

Если старец не присутствовал лично, его заменяли Симанович и Добровольский. Тогда все взятки, и деньгами, и дорогими подарками, доставались им.

Георгий Ефимович от щедрого сердца позволял иногда секретарям самим заключать выгодные сделки и иметь от них комиссионные.

Истоки дружбы с этими двумя секретарями относились еще к тем временам, когда Распутин странствовал по свету.

С гранильщиком алмазов Симановичем Григорий Ефимович подружился на вокзале в Казани, когда впервые туда приехал в 1900 году; и эти отношения еще более окрепли при второй встрече в Киеве, где Симанович имел ювелирную лавку.

Симанович родился в гетто маленького южнорусского городка, освоил ювелирное мастерство и рано начал отдавать свои сбережения под высокие проценты, но все равно с трудом сводил концы с концами. И только во время русско-японской войны он нашел гениальный источник доходов. С чемаданом игральных карт он отправился в районы боевых действий и открыл там передвижной игорный дом. Хорошо зная тонкости шулерского искусства, вернулся из Маньчжурии богатым человеком, снова занялся в Европейской России торговлей бриллиантами, ростовщицеством, продолжал увлечение азартными играми и вскоре стал кредитором многих петербургских и московских юных аристократов.

Оказавшись при Распутине, Симанович использовал свои приятельские отношения, поскольку понимал, как важно влияние старца на его собственные дела, тем более что полиция уже заинтересовалась его аферами и дело шло к выселению из столицы.

Распутин ценил Симановича не только за деловые качества, он чисто по-человечески любил его. В итоге тот стал оказывать большое влияние на старца, которое использовал не только в личных интересах, но и для защиты друзей евреев от угнетавших их постановлений. Русский мужик, сектант и проповедник нового Евангелия отец Григорий так обожал Симановича, что удостоил своей фотографии с надписью: «Лучшему из евреев»,

Возможно, притягательным в нем для Распутина были необразованность и примитивная хитрость, свойственные и ему самому. Перед Симановичем он не стеснялся, не ривсовался, чувствовал себя свободно.

Григорий Ефимович настолько доверял своему первому помощнику, что даже советовался по важнейшим государственным делам и как-то взял этого низкорослого жулика с собой в Царское Село.

Сын Симановича в тот исторический день гордо рассказывал соседям: «Папа сегодня с Григорием Ефимовичем вызван в Царское Село, чтобы посоветоваться об открытии Государственной Думы!»

Но кроме Манасевича-Мануйлова, Симановича и Добровольского, в квартире Распутина появлялись еще очень интересный индивидуум, всем известный Михаил Оцупа-Снарский. Он почти всегда сопровождал старца, когда тот направлялся к дамам в дома терпимости и на прочие оргии. Ожидая исполнения своих обязанностей, он постоянно бывал у старца, но никаких других обязанностей не выполнял. Появившись у Распутина по протекции Мануйлова, Снарский, как и сам коллежский асессор, как Симанович, Добровольский и другие доверенные лица, состоял на службе в тайной полиции. Именно эта служба позволяла и ему, и его покровителю Мануйлову защищать старца от многих неприятностей и опасностей. Как-то министр Хвостов и его помощник Белецкий надумали инсценировать нападение на Распутина, чтобы в последний момент спасти и таким образом доказать свою бдительность и оперативность. Для операции был привлечен Снарский, живший наискосок от Распутина. Ему поручалось пригласить Григория Ефимовича к себе на пирушку и препоручить передетым полицейским, когда тот пьяный выйдет из его дома. Снарский за участие в этом мероприятии получил оговоренные деньги и тут же обо всем предупредил Распутина. Вместе с Мануйловым и дамами он хорошо попировал у Распутина и с насмешкой наблюдал, как Хвостов и Белецкий с толпой спасителей согласно договоренности появились перед домом Снарского, потоптались и ушли, разъяренные провалом.

Часто на утренних приемах появлялся Осипенко, секретарь митрополита Питирима, чтобы оказать помощь старцу в делах. Высокопоставленный духовный сановник Питирим по возможности избегал открытых встреч с Распутиным, поскольку в церковных кругах старца ненавидели. Осипенко, таким образом, был его представителем при чудотворце. Шеф полиции Белецкий, связавшись с Осипенко, потерпел убытки: завербовал его за триста рублей в аген-

ты, тот с достоинством взял деньги, но о деле никогда не проронил ни слова.

Медленно редеет толпа просителей в прихожей. Один за другим покидают рабочую комнату маклеры и спекулянты. Одеваются в свои кожаные куртки и шубы секретари и помощники, застегивают портфели и прощаются.

В столовой трогательно расстаются со святым отцом поклонницы, чтобы завтра с утра снова встретиться. Распутин обнимает их и целует в губы, награждая каждую черным сухарем, который бережно заворачивается в шелковый платочек и уносится с собой. Некоторые тихо шепчутся с Дуней и просят отдать грязное белье старца для стирки. Служанка уходит и возвращается с желанными пакетами. Все прощаются и уходят.

Остаются лишь женщины, проживающие в квартире старца, и одна знатная поклонница, удостоенная чести своими нежными пальцами чистить рыбу для святого отца. Выполняя эту работу, она влюбленно и соблазнительно поглядывает на Григория Ефимовича. Ей нужно сделать своего супруга министром. Распутин с аппетитом съедает рыбу, запивает мадерой, улыбается княгине и говорит уступчиво:

«Да, да, он станет им, моя душечка!»

Опять звонит телефон. Дуня подходит к аппарату, спрашивает в своей обычной грубой форме, кто говорит, и общается небрежно: «Кто-то чужой!» Распутин с любопытством берет трубку, и начинается отрывистый разговор:

«Ну, кто там? Я слушаю!.. Это я сам, кто говорит? Неизвестная? Молодая дама?.. И откуда ты звонишь?»

В его голосе появляется заинтересованность, и тон становится любезнее: «Знаешь, не можешь ли ты прийти сейчас?.. Поспешай, а то я скоро поеду в Царское Село!.. И как ты выглядишь? Хорошенькая?.. Ну приходи сейчас же жду, моя душечка!»

Спустя короткое время звонит дверной звонок и входит прелестная девушка. Она недавно прибыла в Петербург из провинции. У нее склонность к мистике, на родине вступила в секту и там наслышалась об удивительном Григории Распутине.

В столице увиделась с братьями по секте, знающими старца, вот и решила просить о встрече с таким интересным человеком. Рассказав обо всем этом, она обратилась к Дуне, примет ли ее Распутин.

Тут в дверях столовой появился сам старец. С приветливой улыбкой подошел он к прелестной просительнице. Она назвалась Верой Александровной Жуковской и застенчиво попросила уделить ей полчаса.

«о чем хотела бы ты говорить?» — спросил Григорий Ефимович.

«О всех вопросах нашей жизни», — ответила та неопределенно, так как и сама не знала точно, как сложатся дела.

Распутин взял ее руку в свою и позвал Дуню. Когда служанка появилась, распорядился вполголоса:

«Отведи ее в мою комнату!»

Глава 10

ПОСВЯЩЕННЫЕ

«Я последовала за служанкой в дверь направо, — рассказывает Вера Александровна Жуковская, — и попала в узкий длинный кабинет с одним окном. Дуня удалилась, тихонько прикрыв дверь.

Я осмотрелась. У стены, возле двери, стояла кровать, покрытая потертым шелковым покрывалом, на котором громоздилась гора подушек. У другой стены был умывальник и маленький письменный столик с дешевым прибором для письма — ручкой с ржавым пером и карандашами. Рядом лежали золотые часы с царским гербом на крышке. В центре располагались стол и два стула, возле окна — ореховый туалетный столик с зеркалом, на котором лежали лишь две телеграммы и распечатанное письмо. Никаких икон в комнате не было, но на подоконнике стояла снятая в Исакиевском соборе фотография старца, украшенная разноцветными лентами.

Вскоре я услышала быстрые шаги Распутина, дверь отворилась, он вошел и, подвинув стул, сел напротив, зажал мои ноги между своими коленями, склонился и спросил: «Что скажешь хорошего?»

«В жизни так мало хорошего», — ответила я. Он засмеялся, как бы в зверином оскале показав белые крестьянские зубы.

«Ты так считаешь? У тебя что-то не так? — он погладил меня по лицу и добавил: — Послушай, что я тебе скажу! Ты знаешь церковную песнь: «С юности меня мучит похоть, но не проклинай меня за это, Господи Иисусе!» Знаешь?» Он прикрыл глаза и, как из укрытия, скользил по мне то горящим, то угасающим взглядом.

«Я хорошо помню ее», — ответила я, ничего не понимая.

«Нет, ты подожди, подожди немножко, — перебил он и крепче сжал мои колени. — Я тебе разьясняю все как есть. До тридцати лет грешил, но потом возвращаюсь к Богу. Ясно? И если тебя научили посвятить себя Господу, сразу

ты познаешь сугубый грех. Тебе понятно? И что вообще касается греха, то от него освобождаются через раскаяние. Покаялся — и снова все в порядке. Знаешь что, приходи на следующей неделе обедать! Хочешь?»

«Нет, не желаю!» — возразила я.

Он забеспокоился, приблизил ко мне лицо, погладил плечи и руки и произнес:

«Подожди, не торопись, я все объясню. Только слово, душечка, тебя ни в чем не убедит. Ты должна убедиться на деле! Приходи ко мне почаще, маленькая сладенькая пчелка, люби меня, и ты все поймешь! Главное — это любовь! Каждое слово любимого ясно, но пока для тебя я чужой. Что бы я ни говорил, все в одно ухо влетает, а из другого вылетает! Ну что еще тебе рассказать? Или у тебя было уже много поклонников, а?»

Он буквально навалился на меня, и я непроизвольно отпрянула. Неожиданно он поцеловал меня в губы, и сделал это так уверенно, что я не могла уклониться.

«Почему ты отказываешься? — шептал он, едва прикрывая глаза. — Иди ко мне, пошли все к черту, и я тебе открою, что такое жизнь!»

Появилась Дуня и пригласила Распутина к телефону. Через минуту тот возвратился и снова сдал мне колени. | «Ну, и что же хотела ты мне сказать, мой ангел? — Глаза его пылали. Он наклонился ко мне и быстро зашептал: — Я тебя не отпущу. Если уж ты пришла ко мне, то не уйдешь! Пойми, я ничего не сделаю, только приди, моя ягодка!» Он заскрежетал зубами.

«Почему не уйду?» — воспротивилась я.

«Какой у тебя телефон?» Перегнувшись через меня, схватил карандаш с бумагой и подал мне. Пока я записывала, он наклонился, крепко обнял за плечи и горячо зашептал на ухо:

«Ну, и что ты еще скажешь?»

Непроизвольно я отбросила его руки: «Я пришла просить совета! Вы ведь знаете, где правда, а где грех?»

Он пылливо поглядел на меня: «Сама ты знаешь об этом?»

«Нет, я не знаю».

Распутин неувовимо улыбнулся, перегнулся ко мне и быстро заговорил: «Все оттого, что ты много читаешь книг. В них, в этих книгах, нет мысли. Скажу тебе, от них на душе неспокойно. Есть у меня знакомая, Милица, великая княгиня, она тоже много читает. Может быть, и ты ее знаешь. Она усвоила мудрость всех книг, но того, что в них искала, не нашла. Мы о многом говорили, она понимает,

но так и не успокоилась. Если есть любовь, есть и покой. Останешься такой, как сейчас, — никогда не найдешь покоя. Ты спросила о грехе и тоже ничего не соображаешь...

«А вам это понятно?» — спросила я.

Он сморщил лоб и твердо посмотрел в глаза.

«Если хочешь это знать, то к греху приходит тот, кто грех ищет. Но тот, кто через него проходит, на нем нет и частицы греха. Если хочешь, я тебе все покажу. Приходи на следующей неделе на ужин. Если у тебя рай в душе, покажу тебе такой грех, что закачаешься!»

«Не верю я этому», — ответила я с сомнением, но тут появилось у меня особое ощущение, как будто колдун шепчет мне похотливо приоткрытым ртом: «Хочешь, я тебе покажу?»

Он посмотрел на меня, и вдруг его взгляд снова стал добрым, приветливым и бесстрастным. Неожиданно мягким голосом он спросил:

«Почему ты смотришь на меня так, душечка? — Наклонил к себе мою голову, поцеловал, как священник, и тихо произнес: — Ах ты, любовь моя.»

Совершенно растерянно посмотрела я на него. Не верилось, что он только что шептал: «Хочешь, я тебе покажу?» Теперь передо мной сидел простодушный крестьянин с густой темной бородой и покорным взглядом светлых глаз.

Я встала: «Мне пора уходить!»

«Смотри только, душечка, приходи! — сказал он и крепко меня обнял. — Если заскучаешь, позвони мне. Когда придешь, душечка?»

«До субботы я занята», — ответила я.

«Ну хорошо, приходи в пятницу, в девять вечера. Тебе удобно?»

«Почему так поздно?»

Он поднял брови: «Ладно, приходи в субботу пораньше, в половине десятого. Но знай, я тебя буду ждать. Ты же меня любишь и придешь. Придешь ведь?»

Это было в его манере — повторять дважды последние слова.

«Я приду», — и с этими словами я вышла.

В назначенное время, в субботу, я позвонила в квартиру Распутина. Служанка Дуня открыла и с явной неприязнью сообщила, что Григория Ефимовича нет дома.

«Не знаю, но он мне сам сказал, чтобы я в это время пришла к нему», — ответила я.

Дуня изучала меня косым недоброжелательным взгля-

дом, но в прихожую впустила, где все вешалки были заняты роскошными шубами, а затем повела в приемную. Раздраженная и недовольная, я села у окна. Зазвенел звонок. Дуня ненадолго ушла и появилась, с трудом удерживая в руках кипящий медный самовар.

«Вот и самовар», — подумала я. — Такой же огромный, как у нас в деревне!» Открылась дверь в передней, и быстро вошел Распутин. На нем была праздничная голубая рубашка, плюшевые брюки и до блеска начищенные сапоги.

«Так ты уже пришла, моя душечка?» — произнес он, подошел ко мне, положил руку на плечо и наклонился для поцелуя, но я уклонилась.

«Григорий Ефимович, — рассердилась я, — предупреждайте, пожалуйста, прислугу, если кого-то приглашаете.»

Распутин попытался меня успокоить.

«Ты сердисься, моя душечка, из-за этой свиньи? Этой уродине я уже говорил, чтобы она не показывала гостям свое рыло. На этот раз я действительно не предупредил, что ты появишься. Ладно, извини, душечка!» Он поцеловал меня и повел в прихожую. «Пойдем к ним, — предложил он, помогая раздеться. Потом он задумчиво поглядел на меня и сказал: — Даже лучше, что ты одна побывала, а то бы убежала, увидев их.»

«Захочу убежать, успею и потом! — возразила я. — Неловко то, что я не знакома с вашими дамами.»

Распутин нетерпеливо потряс головой. «Я с тобой знаком, и этого достаточно! Ну, пошли, душечка!»

• Крепко обняв, он привел меня в столовую, подошел к столу и сказал: «Вот я привел ее к вам, она меня любит...»

Я поздоровалась и присела на свободное место на другом конце стола. Распутин расположился рядом. Мое смущение понемногу прошло, и я стала наблюдать за этим необычным обществом.

Присутствовало примерно десять дам, и среди них только один молодой человек в куртке, угрюмое лицо которого заставляло думать, что он чем-то очень озабочен. Рядом с ним в глубоком кресле сидела молодая беременная женщина в распахнутой накидке. Лицо ее было чрезвычайно бледным. Большими голубыми глазами она с обожанием и преданностью смотрела на Распутина. Это был господин и госпожа Пистолькорсы. Как я поняла из отрывочных замечаний, он пришел только потому, что не мог жену оставить одну. Рядом с Александрой фон Пистолькорс расположилась старая Головина. Ее бледное увядающее лицо с морщинами производило на меня приятное впечатление какой-то спокойной величавостью. Воспринималась она как

хозяйка, следила за этикетом и задавала тон в общем разговоре.

Неподалеку от нее, справа от Распутина, сидела красивая, не совсем юная дама в сверхроскошном туалете. Рядом с молодым человеком находилась полная меланхоличная особа в сером платье не по фигуре. Из-за покрасневших глаз казалось, что она только что перестала рыдать. То была хозяйка известной частной гимназии, старая и преданная подруга Григория Ефимовича, в котором видела помощника, советника и друга и ничего не совершала без его благословения.

Рядом с нею разместилась крупная роскошная дама неопределенного возраста в элегантном трауре. Так же, как и женщина в сером платье, она всегда молчала.

Меня сразу заинтересовала ее соседка, крупная некрасивая блондинка, к тому же безвкусно одетая, выделявшаяся своими яркими чувственными губами и возбужденными горящими глазами. В ее лице было нечто двойственное — обманывающее и соблазняющее. Такие лица встречаются у самоотверженных героинь и у чувственных падших женщин, воспринимающих порок естественно и спокойно, точно так же, как другие, приняв ванну, ложатся спать в мягкую постель. Этой посетительницей была Анна Вырубова.

Сидевшая рядом с ней Муня Головина с ее кроткими, постоянно мигающими бледно-голубыми глазами посматривала на меня, пожалуй, чаще и пристальней, чем другие.

На ней было светло-серое шелковое платье и белая шляпка с фиалками. Была она небольшой и хрупкой, с неуверенными движениями и очень тихим голосом. Во всем ее поведении чувствовалась такая полная покорность Распутину, что я невольно подумала: «Чем он ее заслужил?»

Глядя на соседку Муни, я несколько секунд не могла отвести глаза от ее лица. Угрюмая, почти желтая, с большими продолговатыми глазами, она выглядела безжизненной, исполненной какого-то тайного горя, и поэтому как-то неестественно выделялись яркие губы на лице. Она сидела спокойно и безучастно, засунув руки в горностаевую муфту. То была великая княгиня Милица, «черногорка».

После того, как я заняла место, Распутин стал ухаживать за мной, пододвигая разные блюда. На столе громоздились в полном беспорядке роскошные торты и подносы с фруктами, кучки мятных пряников, огромные крендели. В вазах стоял мармелад, а рядом с ним — глиняные тарелки с черным хлебом и огурцами. Перед Распутиным стояла яркая голубая тарелка с вареными яйцами и бутылка с вином.

«Ну, теперь попьем чайку!» — предложил Распутин и отодвинул тарелку. К ней со сверкающими глазами потянулись все дамы: «Отец, можно взять одно яичко?» Особо нетерпеливая жадность проявилась в глазах беременной дамы. Я с удивлением, даже со страхом, смотрела на нее, настолько странным все это казалось.

Распутин хватал яйца, чистил их и подавал каждой в протянутую руку. Оделив всех, спросил меня: «Хочешь яичко?»

Я отказалась, ссылаясь на плохой аппетит. Все посмотрели на меня с удивлением и опустили глаза. «Ну, ладно, ладно», — успокоил он.

Тут к нему подошла Вырубова и подала кусок черного хлеба с соленым огурцом. Распутин перекрестился и начал есть, поочередно откусывая то от хлеба, то от огурца. Он все брал руками, даже рыбу. Я не могла привыкнуть к тому, как он, лишь слегка обтерев руки о скатерть, тут же ласкал ими соседок. Когда протянул руки ко мне, я почувствовала отвращение, отодвинулась и засунула руки в муфту.

«Да, — сказал Распутин, пережевывая огурец, — недавно она была у меня, и мы много говорили о вере, но я ее ни в чем не убедил...»

«И почему?» — спросила я.

«Почему? — повторил он быстро. — Ты же не ходишь в церковь. Но я скажу тебе: ходи в церковь, ходи на вечернюю молитву! Почему ты не ходишь?»

«Вы любите попов?»

Распутин улыбнулся: «Ну, не стану утверждать, что я их очень люблю, но и среди них встречаются верующие люди. Без церкви тебе не жить! Со временем каждый приходит к ней, к церкви — понятно?»

Тут в разговор вмешалась старая Головина. «Хорошо, — заметила она благосклонно, — что вы чувствуете тягу к Григорию Ефимовичу. Он вам сможет многое рассказать, проходите всего недельку к нему, и вам все станет ясным».

«Нет, нет, так быстро не получится, — возразил Распутин, — нужно не меньше трех лет стараться, прежде чем у нее что-то выйдет. Она крепкий орешек. Но я доволен, что она ко мне пришла, потому что от нее мне сладко на сердце и я знаю, что она доброе и стоящее дитя. Всегда, когда ко мне кто-то приходит, я чувствую сладость и знаю, что это хороший человек. Но если на сердце у меня пустота, это значит, что я встретился с кем-то плохим. С тобой же мне поговорить приятно, — закончил Распутин, поглаживая мне спину и плечи. — Все хорошо, все уладится».

Тут вошла Мара. Она была в темно-красном платье с роскошным шелковым поясом такого же цвета, волосы ее аккуратно завиты. Все потянулись к ней с приветствиями: «Мара, Марочка, здравствуй!»

Матрену Распутин усадил на почетное место рядом со старой Головиной.

«Какая чудесная сегодня погода», — сказала я, когда солнце осветило стол. Распутин наклонился ко мне:

«Только ради тебя солнце вышло из-за облаков, потому что ты тянешься к хорошему и потому что у тебя добрая душа! Знай, всегда бывает так: кто верует, тому и светит солнце. Если ты посмотришь на людей, они становятся лучше, а если ты станешь думать о вере, вера придет к тебе, как это солнце! Иди в церковь, говорю тебе!» — этим неожиданным призывом закончил он свою иносказательную речь, прослушанную всеми с большим вниманием.

«Неужели все дело в церкви?» — спросила я.

Распутин поднял палец и ответил:

«Ну как ты можешь обходиться без нее? Ты слушаешь, что я говорю? Я расскажу тебе про сумасшедшую Ольгу Лохтину. Она сейчас придет. Пойми, она любит Господа, по-настоящему религиозна и церковь посещает. Дорога узка, и она ее потеряла, ясно? Потеряла вместе с Илиодором, и мне жаль ее! Ты сама увидишь, в каком наряде она будет, эта бешеная сука! Она, понимаете, считает, что оказывает мне любезность своей сатанинской одержимостью! Сердцем чувю: будет она тут еще до того, как я выпью этот чай!»

И действительно, в прихожую кто-то вошел. Я обернулась и в полуоткрытую дверь рассмотрела совершенно невзрачную фигуру, шатающуюся, толстую, бледно-розовую, лохматую и безвкусно одетую. Высоким пронзительным голосом она как в припадке прокричала:

«Хри-и-и-стос во-о-о-скре-е-ес!»

«Ну вот и Ольга, теперь и ты узнаешь, что это такое», — мрачно произнес Распутин.

Сначала я ничего не могла разглядеть толком, кроме прошедшего мимо меня какого-то шара из белой лохматой козьей шкуры. Пришедшая бросилась на пол перед Распутинным и продолжала кричать, стуча головой о край сиденья его стула. Я посмотрела вниз и увидела нечто, выглядящее, как шея животного, покрытая грубой желтой шерстью. Тут Лохтина поднялась, подала Распутину шоколадный торт и закричала на этот раз человеческим голосом:

«Я дала тебе что-то, снаружи белое, а внутри черное!»

Распутин, со времени ее появления отрешенно сидевший с наморщенным лбом, повернулся к ней, взяв торт, поло-

жил на край стола и коротко сказал: «Ладно, хватит, сатана!»

Лохтина вскочила, обхватила его голову руками и начала безудержно целовать и кричать диким голосом: «О, мой дражайший... Благословенный сосуд... ах, твоя красивая борода... твои драгоценные волосы... для меня, мученицы, ты перл драгоценный... ты мой бриллиант... ты мой обожаемый... мой Бог... мой самый возлюбленный!»

Распутин безуспешно защищался и, полузадушенный, ворчал: «Прочь, сатана! Уходи, исчадие ада! Ну, довольно!» Далее последовал поток самых крепких ругательств. Он оторвал ее от себя, затолкнул в угол и вне себя от ярости закричал: «Ты довела меня до грешной злобы, проклятая падаль, мерзкая дрянь!»

Тяжело дыша, Лохтина добрела до дивана и опустилась на него. Замотав руки пестрым покрывалом, она снова завопила: «Ты ведь мой, мой, любимый! О моя жизнь! Она принадлежит тебе, я вижу, какой ты красивый! Ты мой Бог! Только тебя я слышу! Никто не стоит между нами, и ты мой! Все бабы к тебе липнут, но никто не отнимет тебя! И я знаю, ты любишь меня, лю-ю-юбишь!»

«Ненавижу тебя, сука! — отвечал Распутин быстро и решительно, — черт сидит в тебе! С радостью избил бы тебя, морду твою размолотил!»

«Но я счастливая, и люблю тебя! — кричала Лохтина и трясла яркими лентами и тряпками. Скрипя продавленными пружинами дивана, стонала: — Опять хочу полежать с тобой...»

Затем вскочила, снова подбежала к Распутину, обняла за голову и начала осыпать безумными поцелуями.

«У, дьявол!» — раздраженно ворчал Григорий Ефимович. И снова борьба, снова Лохтина прижата к стене, но она вновь подпрыгивает к нему и кричит: «Ну, ударь еще! Бей, бей меня!»

Ее крик становится все пронзительнее и пронзительнее и доходит до жуткого неистовства, вызывающего страх у присутствующих.

Она нагбала голову и пыталась целовать то место на груди, куда прикасался Распутин, отталкивая ее. Поняв, что сделать этого не сможет, забегала кругами, посылая Распутину сладострастные и звонкие воздушные поцелуи, а потом, скрестив руки на груди, начала целовать и их. Наконец, немного успокоившись, опять подошла к дивану и улеглась на нем, накрывшись покрывалом.

Только сейчас я смогла рассмотреть одеяние, делавшее ее похожей на какое-то индийское божество. Это была плис-

сированная юбка, состоявшая из полосок разного цвета, разлетающаяся при всяком резком движении, как огромное крыло. При этом разлетались и ее ленты, вплетенные по обе стороны головы.

Еще на ней была красная рубаха и сибирская шапка из волчьего меха, подаренные Распутиным, а на груди — подвешенный на ремешке мешочек с различными предметами, к которым прикасался старец, — засохшие объедки от его обедов и пара перчаток. На шее Лохтиной висели разноцветные четки, дребезжащие при каждом движении, а на ногах — старые рваные сапоги, также доставшиеся от Распутина. Ее лицо было покрыто двойной вуалью, и я смогла рассмотреть только нежные, красивые губы.

«Го-о-осподи, Го-о-осподи, тво-о-оя вл-а-а-асть!» — вдруг завопила она с новой силой.

Принявшемуся было за чай Распутину пришлось опять заняться ею: «Ну, Бог свидетель, я так совсем потеряю терпение! Проломлю твою башку, бешеная кобыла! Ты поганишь мою душу, проклятая! И когда ты подохнешь? Чтоб глаза мои тебя не видели!»

«Разве можно так браниться?» — спросила я с возмущением, и все присутствующие с удивлением уставились на меня.

Распутин тут же перешел на дружелюбный тон, хлопнул меня по плечу и возразил: «Подумай, душечка, сама! Как мне не браниться, если она не только церковь покинула, но и пробует Муню совратить, бедную!»

«Но вы же сами сказали, что все прощать надо», — заметила я.

«Кто тут так умно сказал? — закричала Ольга Лохтина, откинула вуаль и изучающе на меня посмотрела большими и прекрасными темно-серыми глазами. — Ты кто? Новенькая? А ну, подойди! Быстрее! На колени, на колени и целуй мою руку!»

Притоптывая от нетерпения ногами, она вытянула вперед ладонь и замахала ею.

«На колени становиться не буду, — возразила я, — а вот ручку с радостью поцелую, и не надо было мне об этом говорить».

«Так ты дурочка, — снова закричала Лохтина, — и дура говорит так умно!»

«Да замолчишь ты, сатана одержимая! — снова забрюзжал Распутин. — Не задевай других, чертовка! Ты сама дура!»

Я снова вмешалась и не терпящим возражения голосом сказала, чтобы он прекратил брань.

Дамы за столом по-прежнему молчали, лица их раскраснелись, они нервно дышали и отводили глаза в сторону. По лицу старой Головиной пошли темные пятна.

Распутин с любопытством обернулся ко мне: «Почему ты ее защищаешь?»

«Мне жаль ее!» — ответила я.

«Нечего меня жалеть, — закричала Лохтина. — Я одна, но я си-и-льная! Я всегда кричу об этом, но кругом слепые и глухие!»

К Лохтиной обернулась старая Головина: «Я не понимаю, почему вы нарочно сердите Григория Ефимовича? Неужели вы не видите, как это ему неприятно?»

Тут поднялась и Вырубова, подошла к Лохтиной, опустилась перед ней на колени, схватила руку и поцеловала.

«Вам все понятно? — спросила спокойно Лохтина. Но тут же опять завопила: — Не забывайте, моих рук нельзя касаться! Целуйте, целуйте, но не трогайте!» И вдруг умолкла, склонила голову, опустила вуаль и стала всматриваться в сидящих за столом.

«Не вижу моей служанки! Где она, почему не пришла? На колени, на колени и целуйте мои руки!»

Муня Головина подошла, упала на колени и поцеловала ей руку.

«Ну, погоди, язычница, — закричал Распутин, — ну как мне с тобой справиться, падаль? А вы обе, — он повернулся к Муне и Вырубовой, — попробуйте еще хоть раз унизиться перед Ольгой! Я проклянущу вас перед Богом, не пущу вас на порог, я вышвырну вас из дома, проклятые! И ты, ты, падаль вонючая, найду и на тебя управу!..»

«Бо-о-ог лю-ю-юбит и-исти-и-ину!» — верещала Лохтина. «Нет в тебе истины, ты, исчадие ада!» — ворчал Распутин.

Муня с заплаканными глазами села на свое место.

«Ты еще узнаешь меня, дура немытая», — продолжал угрожать старец.

Старая Головина, лицо которой покрылось красными пятнами, робко спросила:

«Григорий Ефимович, почему вы обругали Марушку?»

«Почему она меня не слушает, почему стремится к греху? Она целовала руки Ольге и ее слушает. Я же ей ясно сказал: «Ни в чем не уступать Ольге! Ничему она не научилась, ненормальная!»

«Долго я буду голодать? — закричала Лохтина, продолжая тихо и жалобно: — Что, и сегодня я не поем? Со вчерашнего дня голодаю, у меня нет денег, последние сегодня отдала шоферу, чтобы домчал меня сюда! Я боялась опо-

здать, и все равно последней тебя приветствовала. И теперь у меня нет ничего, ничего, ничего. Сегодня день примирения, и надо просить своих друзей о прощении, нужны чаевые, а у меня ничего нет. Я сама два дня ничего в рот не брала, я так хотела бы поесть...»

«Так тебе и надо, падаль»,— сказал равнодушно Распутин.

Муня встала, налила полную тарелку супа из стоявшей перед Распутиным похжей на таз супницы и понесла Лохтиной.

«Муня, ты будешь меня слушаться? Ничего ей не давай»,— сказал Распутин, сопровождая это коротким, но очень выразительным ругательством. Муня оставила все без внимания, поставила тарелку на небольшой круглый столик у дивана.

«Зачем они тут? — спросила Лохтина, указывая на корзинку с гиацинтами, стоявшими на подоконнике.— Раньше тут были мои цветы, лежали мои яблоки и апельсины! Стояла моя еда, но вы всю ее съели, подлые!»

Муня молча сняла с подоконника тяжелую корзинку с гиацинтами и, согнувшись, с трудом перетащила в угол.

Распутин протестовал: «Ну что тут происходит? Эта проклятая сука отбирает у меня Муню? Господи, ну кто бы прогнал эту гнусную тварь из города! Я бы ему в ноги кланялся!»

Старая Головина озабоченно обратилась к Муне: «Марушка, зачем ты гневаешь Григория Ефимовича?»

«Мама, изволь не говорить об этом»,— тихонько прошептала Муня.

«Почему ты не можешь делать все, что хочешь? — раздраженно крикнула Лохтина и продолжила еще громче.— Бери скорей перо и бумагу и пиши дважды, трижды, я уже летаю, летаю, фр-р-р, фр-р-р! Они хотят меня связать, связать, убрать, убрать, но я ради тебя принимаю мучения! Побои, цепи, оковы, тюрьмы, ямы — все это для тебя! Но я вернусь к тебе, под твою крышу, туда, где ты. Ты же любишь меня, мой возлюбленный, мой бородач, мой Бог! Пиши! Пиши!»

«Ну что поделаешь с сумасшедшей? — проговорил Распутин.— Ты давно мне противна, ты, чудовище!»

«Господь никогда не прощает предательства, никогда! Радуйся его воскрешению!» — завизжала Лохтина, бросилась, охая, на диван и замахала руками, как крыльями.

Меланхоличная дама в сером платье встала, подошла к Лохтиной, взяла с подоконника стакан с чаем и вернулась на свое место. Лохтина вскочила с дивана и закричала,

царапая себе лицо: «Гони меня, бей меня! Брани меня, как хочешь, плюй на меня! Но не разрешай, чтобы она была на моем пути! Она не может проходить мимо твоей святой сестры! Когда я возле тебя, она должна молчать и быть послушной! А теперь я хочу полежать с тобой, я хочу полежать с тобой...»

«Попробуй, сука,— угрожающе сказал Распутин, встал и занял оборонительную позицию,— только попробуй, я так двину тебя о стенку, что забудешь, как тебя звать!»

«Ну почему вы нарочно сердите Григория Ефимовича, я не могу понять!» — снова вмешалась старая Головина.

Лохтина приподнялась и ответила по-французски с презрением:

— Знаете, я нахожу вашу манеру говорить забавной. Вы обращаетесь к человеку, не называя его по имени...

Старая Головина растерялась и ответила деланно вежливым тоном:

— Тысячу извинений, дорогая Ольга Владимировна, я не хотела вас обидеть.

— О! Будьте милостивы, не надо извинений,— ответила Лохтина просто и спокойно, как истинно светская дама, но тут же снова начала кудахтать по-куриному и посылать воздушные поцелуи расхаживающему по комнате Распутину. Тот остановился возле меня, указал на Лохтину и произнес с искренним сочувствием:

«Ну чего ради ломает она эту дурацкую комедию и меня срамит. А ведь я мог бы дать ей свое благословение».

«Кто, как не ты? — пронзительно завопила Лохтина и начала танцевать, размахивая руками и подпевая: — Ты мой Бог, мой спаситель! Все воздают тебе хвалу, склоняются перед твоим облаком! — С нее спала вуаль, но она тут же снова плотно ее натянула и лукаво спросила нас: — Вы что-нибудь видели?»

«Ладно, делай, что хочешь,— безнадежным жестом отмахнулся Распутин.— Самое лучшее было бы свернуть тебе шею, так ты мне противна, страхолюдина! С глаз бы тебя долой! Ненавижу тебя, падаль, и твой чертов маскарад! Помешанная ты, и только!»

Зазвонил телефон. Распутин подошел к аппарату и начал обычный разговор с какой-то неизвестной абоненткой:

«Да, у меня гости. Да, я сейчас чаевничаю. Придешь утром?»

Окончив разговор, он сел за стол и деревянной ложкой начал хлебать суп из миски. Из нее же ели и несколько дам. Дуня принесла большую кастрюлю и поставила на столик у стены.

«Поешь ушицы,— обратился ко мне Распутин, но я только поблагодарила.— Так скажи мне,— продолжал он, поглаживая усы,— ты считаешь, что никого нельзя проклинать?» «Разумеется»,— ответила я. «Хорошо, я согласен, но как мне не проклинать Ольгу, если она вытворяет такое? И ведь есть на то причины. Другие же первыми стали называть меня Христом?»

«Не Христом, а Богом! — закричала Лохтина.— Ты живой Бог Саваоф, живой Бог!»

«Ну, давай, поговори с сумасшедшей!» — вздохнул Распутин.

«Спросите, почему она вас считает Богом? — обратилась я к Григорию Ефимовичу. Распутин сделал отрицательный жест:

«Душечка моя, я ее об этом уже давно спрашиваю! Спроси лучше сама. Она тебе тут же ответит: «Из-за его добрых деяний!»

«Но разве достаточно только добрых дел, чтобы человека нарекли Богом?»

«Да я ей, дуре, это же пробовал втолковать! — ответил Распутин.— Но как вообще с ней разговаривать? Ей объяснить бесполезно».

«А что она отвечает?»

Распутин безнадежно махнул рукой: «Я ее спрашиваю: может ли Бог спать в бардаке? Есть ли у Бога дети?» Но у нее один ответ: «Не увиливай, не притворяйся, я ведь знаю — ты Бог Саваоф!»

«Сла-а-вся в ве-е-ках, жи-и-вой Бо-о-же! — пела Лохтина.— Вы все живете в Содоме и ничего не видите. В поте лица призываю я его, но у него каменное сердце, и он не слышит!»

«Ну что мне делать с тобой, пугало?» — сказал Распутин и поднялся со стула. К нему потянулись руки женщин: «Отец, позволь коснуться!»

Снова звонит телефон. Григорий Ефимович подходит к аппарату. Заходит Дуня, собирает тарелки и обращается к молодой Головиной: «Муня, отнеси посуду на кухню!»

Муня быстро встает и гремит грязной посудой.

«Почему вы так грубо разговариваете с моей дочерью? — возмущается старая Головина.— Вам известно ее отчество?»

«Но, мама, оставь, это ни к чему...» — шепчет Муня.

«Господь любит работу»,— возвещает Лохтина.

«Да, не очень, как раз сейчас у меня гости, я пью чай...» — доносится голос Распутина.

Лохтина вдруг успокаивается, тихо соскальзывает с ди-

вана и направляется в спальню Распутина. Григорий Ефимович кончает разговор и делает знак Муне следовать за нею.

В дверях спальни Лохтина вдруг останавливается, оборачивается и высокомерно говорит Муне: «Ты что, хочешь пройти?»

Вид у нее настолько царственный, что забывается дурацкий наряд и манеры. Даже Распутин смущается и изменившимся голосом говорит: «Она только хочет привести в порядок мою одежду».

«Мне не нужны свидетели»,— бросает пренебрежительно Лохтина,— я хочу тебя, тебя! Я все беру от твоего тела. Когда хочу, я беру, и ты даешь мне! Я все беру от твоего тела! Когда хочу, я беру, и ты даешь мне! Я должна все сделать там сама!»

Она прошла в спальню, за ней, как кошка, прошмыгнула Муня. За ними вошел Распутин и плотно прикрыл дверь. Сразу же там началась какая-то яростная борьба: что-то рушилось на пол, звенело, разбивалось, слышались удары по чему-то мягкому, и все это под нечеловеческой вой и визжание. Крики становились все отчаяннее. Наконец, дверь открылась, и в прихожей послышались тяжелые шаги. В столовую вбежала Лохтина, вся растрепанная, с порванной вуалью. Она выкрикивала что-то нечленораздельное и судорожно дергала руками.

Тут же вернулся Распутин, весь красный, потный и запыхавшийся. За ним с чем-то в руках проскользнула Мария, прошла за спинами сидевших и села, еле переводя дух, возле матери. Увидев ее, Лохтина бросилась к столу, но остановилась и пригрозила Муне двумя кулаками.

«Свинья! — кричала она, с каждым словом приходя во все большую ярость.— Дерьмо! Свинья! Ты чудовище!!! Если ты его любила, должна бы знать, ему нужны бесценные, единственные часы с рубинами, диамантами, изумрудами и янтарем! Такие, что я видела на Невском! Они должны быть у него, должны! Но эти верни! Верни! Их надо истолочь в порошок и выбросить на помойку! О, ты не любишь его, несчастная, и ищешь со мной ссоры!»

Мария переложила что-то небольшое из одной руки в другую. То были золотые часы Распутина с гербом, подарок царя. Несколько минут ничего не было слышно, кроме рева, криков, проклятый и неприличной брани. Голоса Распутина и Лохтиной звучали вместе, и ничего нельзя было разобрать. Дамы же сидели чинно и спокойно, как будто ничего не случилось. Только лица их были бледнее обычного.

Первой умолкла Лохтина, отшатнулась от наступавшего на нее Распутина и упала на диван в полном изнеможении. Тяжело дыша, Распутин занял свое место за столом и рукавом рубахи вытер пот с лица. Некоторое время все молчали. Потом старая Головина дрожащим голосом обратилась к Лохтиной: «Как вам не совестно, Ольга Владимировна? Когда вас нет, мы сидим спокойно и слушаем Григория Ефимовича. Но с вами всегда ссоры и крик, и все из-за вас. Мы ни слова не услышали от Григория Ефимовича».

«А кто из вас хоть что-то для него сделал? — с гневом закричала Лохтина. — Кто из вас возносит ему славу? Кто его любит так, как я? Кто из вас готов отдать ему свою жизнь?»

И она опять начала целовать кончики своих пальцев, посылая Распутину воздушные поцелуи и невнятно шептать безумные и непристойные любовные признания.

Муня, прежде чем раскладывать блюдо с жареной рыбой по тарелкам, поднесла его сначала Лохтиной. Та вдруг успокоилась, взяла куски и строго обратилась к Муне: «Ты знаешь, что виновата! Проси прощения».

Муня со смущенной улыбкой поставила блюдо на стол, подошла к Лохтиной, встала на колени, поцеловала протянутую руку и поклонилась до земли.

«Ах, Марушка, зачем ты это делаешь? — расстроилась старая Головина. — Зачем гневишь Григория Ефимовича?»

Слегка побледневшая Муня покачала головой и нежно прошептала обычное: «Ну, мама, оставь это, не говори так...»

Распутин не произнес ни слова, и Муня продолжала раскладывать рыбу.

Лохтина открыла лицо и посмотрела направо, как будто что-то увидела на диване, и вдруг гордо рассмеялась: «Теперь мне все ясно! Я вижу, как она побледнела. Не ты, не я, а она, прикрываясь своим супругом, их выкрала...»

Молодой человек в куртке покраснел и резко возразил: «Я убедительно вас прошу, не вмешивайте в это дело мою жену!»

«Помолчи, злосчастный, почему ты позволяешь себе говорить со мной в таком тоне?» — с угрозой закричала Лохтина.

Снова заговорила старая Головина: «Вы единственная, кто не дает нам послушать Григория Ефимовича!» Лохтина ничего не ответила, поскольку в этот момент с небольшого столика у стены почему-то свалилась кастрюля с ухой. Это произошло с таким шумом, что все вздрогнули,

а беременная дама смертельно побледнела и тут же смутилась.

Все растерялись, но остались на своих местах. Уха из кастрюли растекалась по паркету. Лохтина спокойно встала, подошла к Распутину, схватила за голову и опять начала осыпать поцелуями, дико причитая: «Я с тобой! Я с тобой!» Он ее оттолкнул, но она встала за его спиной так, чтобы он не дотянулся до нее кулаками, и попросила вина.

«Ничего не получишь, — решительно ответил Распутин. — Когда же ты, бешеная, отстанешь? — продолжал он сердито. — Ушла бы ты к сукиному сыну Илиодору, что ли! Что за бессмыслицу творишь с ним! Он сам отрекся от церкви, представляет меня великим злодеем, подлецом, развратником и соблазнителем, и с Ольгой из-за него беда случилась. Но она меня Саваофом считает! Убейте, ничего я в этом не понимаю!»

«Тебя не любит Илиодор? — закричала Лохтина. — Он любит тебя, любит... Не только для меня ты Бог, мое блаженство, мой свет!»

Распутин сделал знак рукой. Подошла Дуня и что-то прошептала, указывая глазами на спальню. Он быстро поднялся и через прихожую зашел в нее. Лохтина быстро, как только могли позволить неуклюжие сапоги, подбежала к столу, схватила стакан, из которого пил Распутин, наполнила вином, села на диван, протянула руку к противоположному углу и так стояла несколько секунд, будто разыгрывая какую-то сцену. В комнате наступила напряженная тишина. Наконец, Лохтина поднесла стакан к губам, не спеша опорожнила его и головой вперед рухнула на диван. Старая Головина громко вздохнула и обратилась к Муне: «Ах, Муня, зачем ты привела меня сюда сегодня? Я снова заболею». После чего сказала мне: «Если бы вы видели, что тут было вчера утром! Я до сих пор вся дрожу. Я не могу оставаться спокойной при таких зрелищах!»

«Мама, прекрати», — печально прошептала Муня.

«Почему так странно ведет себя Ольга Владимировна?» — спросила я.

Муня заморгала и уставилась куда-то вдаль и с непонятным благоговением тихо сказала: «Ее надо понять!»

«Ну, нет, — возразила старая Головина, — от этого я уже давно отказалась. — Ее лицо покрылось розовыми пятнами, и она с горечью продолжала: — Вы только посмотрите, как я выгляжу! Я не хочу казаться лучше, чем я есть, и мне ни к чему притворяться. Но все это меня страшно раздражает. Я знаю Григория Ефимовича уже четыре года и

люблю его безгранично. Люблю и Ольгу Владимировну, но ее поведение мне не понятно, и я не в состоянии одобрить ее манеры».

«Если я замолчу, заговорят и камни!» — закричала Лохтина, вдруг снова придя в себя, и захлопала в ладоши. Потом встала с дивана и подошла к двери спальни, за которой слышалось хрипловатое бормотание Распутина и женский смех. Она с жадным любопытством припала к щели, нажимая на дверь.

«Не входи, не входи!» — раздраженно закричал Распутин и загородил ей вход. Лохтина рассмеялась, стала бить кулаками в дверь и кричать: «Возьми меня, возьми! Оставь и ее, только спрячь под кровать! Ты мой, я никогда не уйду! Спи хоть со всеми, ты останешься моим!» Она отбежала от двери, покрутилась на месте и снова упала на диван, что-то бормоча про себя.

За столом оживились. Я обернулась и увидела, что беременная дама медленно встала и с протянутыми руками, как сомнамбула, двинулась к дивану, широко открытыми глазами уставившись на Лохтину. Но до дивана она не дошла. Муж подскочил к ней, взял под руку и силой увел в прихожую. Начавшийся было за столом разговор прекратился, и снова наступила гнетущая тишина. Объективное наблюдение теперь оказалось невозможным. По выражению лица беременной женщины можно было почувствовать, что она либо уйдет, либо закричит, начав биться в припадке. Вырубова поднялась и подошла сначала к спальне. За нею последовали великая княгиня Милица и ее юная спутница. Они были уже в прихожей, когда вдруг из спальни выбежала Мария Головина и бросилась на шею великой княгини. Та поклонилась, и Мария горячо стала целовать ее в шею, голову, губы и глаза, потом обняла и увела с собой.

Наконец, и Распутин вышел из спальни. Я попросилась со всеми, а Распутину сказала: «До свидания, Григорий Ефимович. Позвольте к вам еще навеститься!» Он подошел ко мне, обнял за плечи, посмотрел в глаза и печально ответил: «Придешь, душенька? Ну, когда будешь у меня? Я тебя так полюбил!» Я начала договариваться о том, чтобы он мне позвонил. Но тут раздался дикий смех Лохтиной. Корчась на диване, она закричала: «Не переживу такого! Мой Бог Саваоф хочет звонить девушке!»

«Ну все!» — сказала я и почти бегом вышла в прихожую. Распутин вышел за мной, снова крепко обнял и с беспокойством спросил: «Ну, ты здесь хоть что-нибудь хорошее увидела?»

«Не знаю, — ответила я. Не отпуская меня, он прошептал на ухо: «Ты вернешься или нет?»

Из спальни вышли Вырубова и великая княгиня, уже готовые уйти. Они повернулись к Распутину и произнесли: «До свидания, отец!» Тот их перекрестил, расцеловал и пожелал всего доброго. Вырубова схватила его руку и благоговейно поцеловала. Глаза ее неестественно блестели, и она дрожала всем телом.

Я воспользовалась этим моментом и, проскользнув через кухню, вышла на черную лестницу. Медленно спускаясь, я вспоминала о том, что видела. Вдруг кто-то ко мне прикоснулся, и я услышала тихий женский голос: «Вы от него?» Я обернулась и в сумраке разглядела небольшую женскую фигурку, сидевшую на ступенях. Незвестная крепко держала меня за шубу.

«Зачем вы к нему приходили?» — спросила она слабым печальным голосом. «Я и сама этого не знаю», — ответила я уклончиво. Незвестная встала, приблизилась ко мне вплотную и, пытаясь разглядеть лицо, прошептала: «Вы не принадлежите к его приближенным, я это знаю!» — затем засунула свою холодную ладонь в мою муфту и подала руку-

«Выслушайте меня, ради Христа! Я за себя не ручаюсь, если со мной никто не захочет поговорить!» — попросила она и вывела меня на улицу. Мы прошли под аркой в безлюдный переулочек, прошли через низкие ворота и подошли к двери, обитой клеенкой.

Незнакомка резко постучала в дверь. Появилась девушка в белом и что-то произнесла по-польски. Я оказалась в комнате, пол которой был покрыт увядшими листьями, мхом и опавшими лепестками цветов. Должно быть, мы находились в подсобном помещении цветочного магазина, поскольку вокруг стояли горшки с поникшими рододендронами, в углу лежали рулоны цветной бумаги, куча мха и корзины с цветущими гиацинтами.

«Я все должна вам рассказать, — шептала неизвестная, присев на ящике и усадив меня рядом. — Ради Бога, выслушайте меня! Вы так молоды, так счастливы!..»

Она плотнее натянула вуаль, плечи ее под шубкой из светлого куньего меха задрожали. Она вдруг отрывисто спросила меня: «Вы нездешняя?» «Да, я не из Петербурга».

«Я тоже нездешняя и теперь не знаю, что со мной происходит! Почему судьба направила к нему? Я ведь не юная девушка, мне тридцать лет! Почему я думала, что он все

знает? Почему считала, что он поймет мои тайны и утолит мои печали?»

Она резко наклонилась ко мне и шепотом спросила: «Он вам предложил пойти на причастие?» Я кивнула. «И вы приходили?» «Нет».

Незнакомка вздрогнула, как от мучительной боли. «Смотрите, какая умная! А я? Я всегда была верующей в Бога и Христа! Но почему я через него искала спасения?»

Низко наклонившись, она глухо шептала сквозь густую вуаль: «Он и вам говорил, чтобы вы причастились, и потом, очистившись от грехов, с Господом в душе, снова пришли к нему? Я поступила так, как он приказал, но Христос мне не помог, и он направил меня по неверному пути!»

Тяжело вздохнув, она замолчала. Где-то капала вода. За пальмой, по-зимнему скучной, тускло горела маленькая лампочка. Пахло землей и гиацинтами, как в склепе.

«Нет, нет, я должна рассказать все. Из любопытства я пришла к нему, из чистого любопытства, с Богом в душе! А он мне подмигнул, как будто хотел спросить, знаю ли я, чего ему от меня надо. Он был один, в нарядной одежде, схватил меня и потащил в спальню, а там сорвал платье. Я чувствовала сзади его горячее дыхание. Вы знаете угол возле окна, где висит икона? Там заставил он меня пасть на колени и прошептал на ухо: «Помолимся!» Он стоял за мной и начал бить поклоны: «Святой Симеон Верхотурьинский, прости мои прегрешения!» Потом спросил, приняла ли я причастие. И вдруг его охватила животная похоть... Но я его не убила, даже не плюнула в лицо! Последнее, что помню,— как он срывал с меня белье, и я потеряла сознание.

Я пришла в себя на полу, обесчещенная и растерзанная. Он стоял возле, бесстыдно обнаженный. Увидев, что я открыла глаза, он начал говорить такое, из чего я не посмею повторить и слова. Потом поднял меня, положил на кровать и попросил: «Ради Христа, больше не спи!» Он посмел и после этого поминать его имя! Я начала вдруг биться и кричать. Тут кто-то прибежал, схватил меня, вытолкнул на лестницу и усадил на дроги. Кучер долго кружил и, наконец, спросил, куда меня доставить, но я все забыла. Мы стояли под фонарем. Мимо проходил офицер, о чем-то спросил, сел в дроги и приказал кучеру ехать дальше. Дальше я опять ничего не помню...

Я проснулась на следующий день вечером в чужой кровати. Он меня не трогал, напоил чаем и дал возможность принять ванну и привести себя в порядок. После этого я все время думала: «Что делать дальше? Что будет

со мной?» Я верила в Христа — верю ли в него и сейчас? Я этого уже не знала. Я каждый день прихожу к дому Распутина, чтобы спросить его, почему он такое со мной сделал? Почему он вымарал во мне все святое? Я ведь шла к нему с Господом в сердце! Я не знаю, что делать, не могу уехать, целыми днями бессмысленно брожу по городу...»

Я постаралась по мере сил успокоить неизвестную и, попрощавшись, пошла домой.

На следующее утро я надолго покинула Петербург и с Распутиным встретила только через два года...»

Глава 11

ТАНЦЫ ЧУДОТВОРЦА

Больше всего на свете Распутин обожал танцы. В них заключается естественная потребность человека под музыку и ритмы выражать свою радость привычными движениями тела. Для Григория Ефимовича танцы были такой же необходимостью, как пища, питье и дыхание.

Танцы имели и мистическое значение. Их ритмические колебания как бы переносили человека к истокам Вселенной, соединяя с Творцом.

В легких движениях хоровода обреталось ощущение единства с вечными ритмами природы и преклонение перед всем тем, что сотворил Создатель — бытием, растениями и животными.

Для русских крестьян танец является не столько формой духовного общения, сколько примитивным религиозным обрядом и воспринимается ими почти так же, как и молитва. Поэтому и танцуют они довольно часто под церковные песни, что придает народным танцам, как печальным, так и веселым, какую-то благоговейную и ликующую окраску. Поскольку многие славянские песни имеют молитвенный смысл, то и танцы русских крестьян отображают их смирение и набожность.

Когда в сибирской деревне, читая глубокомысленную проповедь о спасении от греха, Распутин вдруг подпрыгивал и начинал пританцовывать, это не вызывало никакого удивления у его деревенских поклонников и не считалось чем-то таким, что ставило под сомнение уважение к нему. Танец был продолжением проповеди, если для нее не хватало слов, и танцующий старец для слушателей оставался «Спасителем». Это было обычаем сибирских сектантов. Ликование, рыдания, крики и танцы — все эти формы бессло-

весного языка оказывали огромное воздействие на потрясенных слушателей.

Такое происходило ежедневно в русских избах. Мужчины и женщины, старые и юные, усаживались за длинными столами на неструганные скамьи. Вдруг кто-то, охваченный невыразимым словами чувством, вскакивал и начинал пляску. Погасив в танце возбуждение, он тихо садился на место, ни у кого не вызывая удивления.

Все деревенские традиции Распутин принес с собой в столицу почти без изменений. И хотя знатные дамы одевали его в шелковые рубахи, а мощные ноги были обуты в сапоги из лучшей кожи, борода по-прежнему оставалась растрепанной, как Бог пошлет. Он по-прежнему предпочитал крепкие ругательства, обычные для села Покровского. Беспечно пренебрегая петербургскими нравами, он любил, шутил, бранился и танцевал так, как подсказывала его натура. Нередко случалось, что он, завтракая среди поклонниц, елейно рассуждая о Боге и «тайном воскресении», начинал вдруг потихоньку напевать. К нему присоединялись другие, тихое пение превращалось в громкий хор, и старец вскакивал со своего места. Его мощная фигура как бы освобождалась от силы тяжести, и вот он уже буквально летит по комнате. Его ловкость и легкость в танцах приводили в восторг даже мастеров императорского балета. Раскачиваясь корпусом, он подходил к одной из женщин и манил к себе ласковыми и шутивными жестами рук, приглашая к хороводу. Склонившись в танце, кружил над нею, скользил пальцами по ее фигуре, обжигая взглядом то слева, то справа. Она уже всем телом ощущала его гибкую фигуру. Возбужденное лицо старца все приближалось.

Медленно, как в полусне, женщина поднималась и безвольно следовала за Распутиным, помахивая платочком в поднятой руке в такт пению и топоту его сапог. Экстазом старца и его партнерши заражались и остальные. Партнерша считала за большую честь, что именно с нею он исполняет священный акт танца, и вся растворялась в мистическом чувстве свершения таинства, о котором он столько говорил в проповедях. Движения «святого» становились все сладострастнее, быстрее и исступленнее. Щеки партнерши покрывались пурпурным румянцем, веки тяжелели и медленно опускались. Она начинала пошатываться от головокружения. Тогда Распутин брал вспомогательную женщину в свои крепкие крестьянские руки и усаживал на место. Тому, кто видел такую сцену впервые, казалось, что он свидетель того, как сатир уносит свою жертву. Но поклонницы

старца, охваченные мистическим экстазом, считали происходящее священнодействием.

Оказавшуюся на своем месте счастливую партнершу «святого» тут же окружали женщины. Они целовали ей голову, гладили волосы, руки и тело. Избранница становилась для них священной.

Никто из поклонниц не воспринимал происходящее как хорошо поставленный спектакль. Как и на родине Распутина, здесь, на западе России, его и в танце считали пророком, святым и спасителем.

Друзья и приверженцы старца, деловые люди и политики, дававшие в его честь праздничные приемы, заботились в первую очередь о том, чтобы был оркестр, а еще лучше — цыганский хор, поскольку знали, что ни изысканнейшие яства, ни выдержанные вина не могут так осчастливить и воодушевить «святого», как песни, музыка и танцы. Тот, кто ему подпевал, мог быть уверен в поддержке и благосклонности. Любое большое дело или назначение обеспечивалось не столько приемом в доме Распутина, подарками и взятками, сколько певческими способностями просителя.

Именно это обстоятельство позволило толстяку А. Н. Хвостову стать министром внутренних дел. Распутин как-то вечером повстречал его в «Вилле Роде», где тот в мундире камергера развлекался со своими друзьями. Старец остался недоволен цыганским хором. Считая, что бас звучит слишком слабо, он обратился к Хвостову: «Поди, братец, помоги им! Ты толстый, умеешь орать громко!»

Повторять просьбу не пришлось. Он, как был в придворной форме, так и запрыгнул на сцену. Тут же раздался раскатистый громopodobный бас. Распутин был восхищен, долго аплодировал и признал Хвостова своим парнем.

Спустя несколько дней толстый камергер неожиданно для всех был назначен министром, что дало повод депутату Государственной Думы Пуришкевичу сделать заявление, что нынешний режим предпочитает вместо деловых способностей талант в цыганском пении.

Распутин особенно обожал большой цыганский хор, считающийся до тридцати пяти исполнителей. Артисты по русской традиции становились полукругом возле гостей, солисты начинали свои пылкие или грустные напевы, а хор подпевал. Стоило ему сказать: «О цыганах мы позаботились», — и он был готов днем и ночью пойти куда угодно. Слушая цыган, кутил и плясал до утра. В этом проявлялась его истинная натура: добрая и низменная, грустная и радостная. Был он сразу мессией и забиякой, спасителем и развратником.

Чтобы поплясать, попойки были не обязательны. Иногда для этого достаточно было запеть ему самому или услышать чистый голос поклонницы. Конечно, от выпитого вина тонус его поднимался куда выше — он становился еще восприимчивее на шутки друзей и заигрывания женщин, особенно цыганок, и целиком погружался в состояние какого-то божественного отрешения.

У Распутина в Петербурге самым любимым был ресторан «Вилла Роде», где имелось и варьете. Но он посещал это место не для пикантных развлечений, а чтобы в отдельном кабинете встретиться со своими друзьями и подругами, без помех выпить и потанцевать.

Владелец ресторана выделял ему стоявший рядом небольшой флигель, в котором незаметно для других гостей можно было делать все, что угодно, и в то же время вести наблюдение.

О предстоящем посещении старцем «Виллы» всегда заранее сообщалось по телефону, и, когда он прибывал, стол был заранее накрыт деликатесными блюдами, в том числе особенно любимыми им рыбой и сладостями. В углу помещения уже толпился цыганский хор, а официант заботился о неиссякаемом запасе мадеры.

Вокруг стола, уставленного изящным фарфором и серебром, усаживались гости во главе с Распутиным. Общество собиралось всегда неопишимо пестрое. Сам старец в васильковой или ярко-красной рубахе размахивал руками в такт цыганским песням, иногда вскакивал, плясал и садился снова, чтобы залпом опорожнить стакан вина. Тут же он мог разразиться цитатой из Священного Писания или, посмотрев на кого-либо из гостей мутными пьяными глазами, вдруг спросить: «О чем сейчас думаешь, мой дорогой? Я ведь знаю!» И действительно, в таких случаях он почти никогда не ошибался, точно угадывая мысли другого. Иным гостям от этого становилось жутко.

Иногда, опорожня стакан за стаканом, он мог вдруг уставиться в пустоту и начать с болью вспоминать свою сибирскую деревню, чудесные сады на берегу Туры, крестьянскую жизнь. С особым восхищением говорил он о своих конях, которых так давно не видел, или вдруг начинал описывать неприличные любовные сцены, что наблюдал у лошадей, будучи еще ребенком. Он мог грубым движением схватить сидящую рядом знатную даму и угрожающе прошептать: «Иди ко мне, красивая кобыла!» — и тут же снова описывать красоту степей, сущность и значение крестьянского труда. Затем, вдруг подняв вверх свои мозолистые крепкие руки, демонстрировать их гостям и гордо, не без

высокомерия, кричать: «Поглядите на мои руки! Эти мозоли от трудной работы!» Иногда мог он обратиться к утонченному господину с бриллиантами на груди или к знатной даме в шикарном вечернем туалете со словами: «Да, мои дорогие, я знаю вас, я читаю вашу душу! Вы слишком уж избалованы и чересчур хитры! Эта прекрасная одежда и эти хитрости совсем ни к чему. Человек должен быть смиренным! Он должен быть проще, намного проще, чтобы приблизиться к Богу! Приезжайте ко мне летом в Покровское, на просторы Сибири! Мы половим рыбу, поработаем в поле, и вы научитесь понимать Бога!»

На знатных дам и господ этот подвыпивший **крестьянин** производил чрезвычайно занятное впечатление, когда он, жестикулируя своими мощными руками, продолжал проповедовать о божественном предназначении крестьянского труда.

Еще одна особенность старца удивляла неискушенных гостей. Когда он пил, ел и танцевал, у него была привычка раздавать женщинам, которым он хотел понравиться, записки в несколько слов наивного, банального, или запутанного содержания, например: «Не уступай дороги в любви, потому что она мать тебе!» Или: «Живу светом любви к тебе. Господь пошлет тебе смирение и радость благодетельной любви!»

Однажды он хотел послать какой-то даме подобную записку, но заметив, что привлек внимание ее служанки, тут же приготовил послание и для нее: «Господь любит труд, а твою честность знают все!»

Как бы наивны ни были эти по пьянке нацарапанные «премудрости», поклонницы старца считали их исполненными глубокого смысла. И хотя смысл записок расшифровать никто не мог, знатные дамы бережно хранили их в дорогих шкатулках, а служанки прятали на груди под лифчиками, ежедневно доставая и целуя. Чем туманнее было содержание записки, тем выше она ценилась.

Но не всегда творческие порывы святого человека исчерпывались невинными цитатами из Библии, рассказами о конюшне или наивно-бессмысленными каракулями. Не раз мирно начинавшаяся попойка кончалась истинно русским пьяным разгулом, а то и вспышкой бешеной ярости с грандиозным скандалом. Такие события были крайне неприятны представителям власти, ответственным за безопасность Распутина, и им приходилось докладывать о происшедшем высочайшим государственным деятелям. В результате среди общественных, правительственных и придворных кругов, а также в Государственной Думе появи-

лись влиятельные группировки, использовавшие каждый такой случай для нападков на Распутина.

Царская чета очень болезненно реагировала на все это, поскольку атаки на Распутина были направлены и против нее. Поэтому те, кто поддерживал царя, пытались как-то ограничить подобное развитие событий. Помощник министра Белецкий стал принимать меры, чтобы побудить старца не проводить своих застолий в ресторанах общего пользования. Но для Григория Ефимовича стало особым удовольствием высказываться из-под бдительной опеки полиции, и теперь главной заботой властей стало обеспечение его отдельным кабинетом в модных ресторанах. Но и из этих кабинетов все происшествия доходили до широкой публики.

В то время как преданные царю сановники принимали все меры, чтобы замять скандалы, враждебно настроенные к старцу деятели творили все возможное, чтобы использовать их для своих целей. Неоднократно то на «Вилле Роде», то в «Дононе» в Петербурге или в ресторане «Яр» в Москве организовывались пирушки специально для того, чтобы скомпрометировать старца.

В трезвом состоянии Распутин всегда был очень сдержанным. Но за бутылкой вина, да еще под цыганские песни, становился словоохотливым и нередко разбалтывал интимные тайны Царского Села. Он мог громко кричать о том, что царица Александра Федоровна — это новая Екатерина Вторая и что она управляет Россией, а не эта тряпка Николай. Когда Григорий Ефимович был навеселе, он начинал хвастать, что он, в отличие от собутыльников, может вести телефонные разговоры с любым министром, мог опрометчиво рассказать о своих делах. Каждое неосторожное слово становилось известным врагам уже на следующий день и, соответственно приукрашенное, распространялось всюду. Тем не менее, практика провокаций с попойками долгое время не давала желаемого успеха. И царица, даже царь по-прежнему знали только самобытного простого и доброго Григория Ефимовича и отклоняли все, даже самые подробные, сведения о пагубном влиянии старца на честь русского двора.

Как-то на «Вилле Роде» произошла крупная ссора между Григорием Ефимовичем и юным гвардейским офицером Обрасовым, который закатил Распутину пощечину. Об этом было доложено царю, но тот оставил доклад без внимания.

Важнейшими уликами против Распутина были донесения тайных агентов. Даже во время поездки в Покровское старца сопровождали шпики, подробно излагавшие все,

чем занимался Григорий Ефимович на родине, и самые безобидные происшествия часто использовались для раздувания немислимых инсинуаций.

Вот что сообщали шпики 24 июня 1915 года: «Сегодня дома в Покровском Распутин принимал гостей. Он выпил, завел граммофон, танцевал и жаловался своим почитателям, как избавил от наказания триста баптистов и должен был получить от каждого из них за это тысячу рублей, но его обманули, дали в общей сложности только пять тысяч. Он хвастал, что при последнем посещении царя ему удалось задержать призыв старых резервистов в армию на время сбора урожая».

Инцидент, происшедший на пароходе между Тюменью и Покровским, дал повод для новых ярких нападков. Григорий Ефимович со своим другом аббатом Мартианом из Тюменского монастыря возвращался домой, в дороге подружился с новобранцами и сильно напился. Это привело к дикой сцене, о которой было доложено следующее: «9 августа. После посещения монастыря в Тюмени Распутин сел на пароход, отправившийся в Покровское в 11 часов. Примерно в час дня в нетрезвом состоянии он вышел из каюты и направился к солдатам, плывшим на этом пароходе в Тобольск. Поговорив с ними, он дал им 25 рублей, приказал петь и вернулся к себе. Но через несколько минут появился снова и подарил солдатам еще сто рублей. Пение продолжалось, в хоре участвовал сам Распутин. Затем он пригласил десять солдат во второй класс, усадил и велел накормить обедом, но капитан запретил. Потом он снова поднялся на верхнюю палубу и потребовал, чтобы солдаты стали в круг, сам стал в центре и пел с ними. Он был в отличном настроении, подарил новобранцам еще 25 рублей и ушел в каюту.

Опять он вышел минут через двадцать очень пьяный, зашел в третий класс и там затеял ссору с человеком из Тюмени. Затем ввязался в спор с живущим в Тюмени купцом Михалевым и стал осуждать деятельность тобольского епископа. Повстречав официанта, обозвал его мошенником и обвинил в краже трех тысяч рублей.

После этих инцидентов Распутин вернулся в каюту, постоял у открытого окна, опустил голову на стол и в таком виде красовался перед пассажирами. Многие из них выкрикивали, например, такое: «Отрезать ему бороду! Сбрить ее!» По просьбе агентов окно каюты закрыли. Спустя два часа Распутин свалился на пол и оставался лежать пьяный до прибытия в Покровское. Пришлось просить капитана, чтобы матросы помогли доставить его на берег. Вчетвером

они отнесли Распутина на пристань, и встречавшей дочерью он в повозке был увезен домой».

«10 августа. В 10 утра Распутин вышел из дома и поинтересовался у агентов о том, что было вчера. Он был удивлен, что так легко потерял контроль над собой, поскольку выпил всего три бутылки вина».

Из этих относительно безобидных фактов противники состряпали крупное дело, обросшее горой документов. Полицейские направили протокол губернатору Станкевичу, **тот** — князю Щербатову, тогдашнему министру внутренних дел. Щербатов передал дело министру юстиции А. А. Хвостову, который решил, что все это не в его компетенции, а относится все же к министерству внутренних дел.

Князь Щербатов, не зная, что предпринять, доложил обо всем премьер-министру Горемыкину, который направил все А. Н. Хвостову, новому министру внутренних дел. Наконец, усилиями Анны Вырубовой и помощника министра Белецкого этот скандал удалось замять, вместе с другим, имевшим место в московском ресторане «Яр». Если бы последнее дело не было вовремя прекращено, оно могло бы очень неблагоприятно обернуться для Распутина.

Когда старец осенью 1915 года приехал в Москву, чтобы помолиться на могиле патриарха Гермогена, друзья пригласили его в «Яр». Скандал был запланирован заранее, поэтому на застолье были приглашены журналисты. Присутствовало также много молодых дам из лучшего общества.

Ужин начался после полуночи, вино текло рекой, оркестр наяривал танцевальную музыку. Одурев от алкоголя, Григорий Ефимович начал рассказывать о своем влиянии, популярности и эротических приключениях в Петербурге, при этом допустив несколько неуместных высказываний по отношению к царской чете: он разболтал, что царица называет его Христом и слепо следует его советам, он часто носит ее на руках и для него всегда открыты двери царских покоев. Все это было вообще безобидно, но, тем не менее, использовано противниками.

После ужина в ресторане выступил женский хор, и Распутин, верный своим привычкам, тут же начал болтать с певицами. Им он тоже рассказывал о дружбе с царской семьей и показывал свой жилет, на котором царица собственноручно вышила цветы. Но тут в его затуманенном вином сознании всплыли воспоминания об оргиях **хлыстов**. Он стал сбрасывать с себя одежду и совершенно нагой оказался посреди зала, танцую и распевая церковные гимны,

Об этом было доложено в полицию. В ресторан пожаловал сам наместник Адрианов. На следующий день вся Россия обсуждала происшествие и предполагалось, что царю будет представлен подробный доклад о случившемся в «Яре».

В Москве Распутину всегда угрожали очень крупные неприятности, так как здесь сосредоточились особые силы, плетущие интриги против царской семьи и ее фаворита. Его поездки в Москву почти всегда были связаны с ночными застольями. Григорий Ефимович имел обычаем приходить на них с несколькими новыми поклонницами. Благодаря им сохранились два очень точных описания подобных пирушек.

Так, москвичка Елена Джанумова рассказывает; «Телефонный звонок, и я слышу знакомый певучий голос: «Доброе утро, Франтик, здравствуй, моя милая! Я приехал к тебе в Москву и говорю с вокзала. Отсюда я направляюсь к Решетниковым. Приходи и ты на завтрак! Я хотел бы увидеть тебя, тоскую по тебе!»

Мне было очень любопытно снова встретиться с Распутиным. Госпожу Решетникову уважало все высшее духовенство. Кроме Распутина у нее бывали Иоанн Кронштадтский, Илиодор и Варнава.

Примерно к часу я прибыла в ее дом. В дверях меня принял монах, в прихожей сидели две монахини в черном. Я попросила доложить обо мне Распутину, но он вышел сам и начал, по своему обычаю, обнимать меня и целовать. Выглядел он неважно — лицо вытянулось и высохло, покрылось морщинами, лишь глаза по-прежнему пронзительно блестя.

Он провел меня в комнату, уставленную старой громоздкой мебелью. С нами зашел и монах. Позднее я узнала, что это был Варнава. Монах поднес мне крест, спросил имя и сказал: «Тебя зовут Елена? Недавно были твои именины. Пожертвуй для моей церкви ковер или что-нибудь такое!»

Распутину это не понравилось, и он вдруг предложил: «Франтик, пошли в столовую, там нас ждут!»

Столовая был забита людьми. Во главе стола сидела пожилая дама лет восьмидесяти, окруженная такими же старыми женщинами. Женщина, возле которой я заняла место, оказалась сестрой Варнавы, напротив сидел офицер-грузин, направленный для охраны Распутина. На него влюбленно смотрела сидевшая рядом с Варнавой молодая купчиха с большими бриллиантовыми серьгами в ушах и громко смеялась его шуткам.

Распутин молчал, Варнава же говорил, не переставая.

Перед окончанием обеда Григорий Ефимович обратился ко мне: «К ужину приду к тебе вместе с ним!» — и указал на офицера.

Дамы запротестовали: «Батюшка Григорий Ефимович, ты для нас как солнце в облаках! Едва появишься и снова исчезаешь! Мы тебя толком-то и не разглядели!»

«Нет,— возразил Распутин,— я еще с вами встречу! Но сейчас мне нужно быть с моим Франтиком!»

«Стоит узреть ему красивую бабу,— ехидно заметил Варнава,— и он ничего другого не видит». Эти слова вывели Распутина из себя, и он со злостью посмотрел на него.

В прихожей Распутин пожаловался: «Ты слышала, что сказал Варнава? Он мне завидует! Терпеть не могу эту хитрую лису!»

Вернувшись домой, я купила у Елисеева разных продуктов и мадеру, заказала в ресторане рыбные блюда и по телефону спросила некоторых знакомых, не желают ли они видеть Распутина.

Действительно, около семи вечера Распутин с адъютантом пришел ко мне. Он был весел, все время шутил, в разговоре, как всегда, перескакивал с одной темы на другую, часто пользовался непонятными намеками. Очень внимательно изучал он присутствующих, и его взгляд, казалось, просверливал их насквозь. Глядя на Варнаву, он сказал мне: «У тебя хорошо, и это радует мою душу. Но этот, ты слушаешь? Он не любит меня, он мало меня любит!»

Потом он долго и изучающе смотрел на господина Е. и его супругу. Господин Е. когда-то был обручен со мной, но об этом никто не знал. Но брака мы с ним не заключили, каждый создал свою счастливую семью. Распутин, однако, сказал мне, указывая на господина Е.: «Он тебя когда-то любил, но из этого ничего не вышло. Это и лучше, вы ведь не подходили друг к другу, а его жена как раз по нему!»

Я была поражена таким ясновидением, поскольку он никак не мог знать о наших прежних отношениях, уже и нами почти забытых.

После ужина Распутин попросил, чтобы я пригласила цыган. Господин Е., поняв мое положение, предложил всем отправиться к цыганам. Распутин предложение принял, и мы отправились в «Яр».

В ресторане Распутина уже знали по прежнему скандалу, о новом посещении сообщили заместнику, и тот послал в ресторан двух своих служащих, чтобы защитить Распутина в случае нападения. Вскоре с той же целью прибыло несколько полицейских в штатском.

Выступил цыганский хор со знаменитой солисткой Настей Поляковой. Распутин разошелся и без конца заказывал фрукты, кофе, печенье, пил и шампанское, и мадеру.

Трудно поверить, сколько мог выпить Распутин. Все другие уже валялись бы на полу, а у него только ярче горели глаза, бледнело лицо и глубже становились морщины.

«Ну, детки, споем!» — кричал он, и за перегородкой, отделявшей наш кабинет, раздавались две гитары, и цыганки начинали свои песни. Распутин сидел молча с опущенной головой. «Настя, ты поешь так, что сердце заходится!» — расчувствовался он, потом вдруг встал и сильным ясным голосом начал подпевать. «А теперь, Настя, давай! Выпьем по стаканчику,— пригласил он ее.— Люблю цыганские песни, и когда их слушаю, душа радуется!».

Настя мрачно на него поглядела и неприветливо оборвала. Я поинтересовалась, отчего цыганка так враждебна к Распутину. Мне рассказали, что из-за последнего скандала у цыганского хора были недоразумения. Непроизвольно я стала опасаться, как бы мне самой не стать свидетельницей неприятных сцен. Я пожалела, что оказалось вместе с Распутиным в общедоступном ресторане, и стала думать только о том, как бы незаметно удалиться, но не решалась обидеть общество.

«А теперь мою любимую «Тройку!» — закричал Распутин, вскакивая. Он был бледен, стоял с полузакрытыми глазами и качался. Пряди волос свалились на лоб, и он начал, отбивая такт обеими руками: «Еду, еду, еду к ней, еду к любушке своей!» Его голос был полон страсти и огня и запомнился мне навсегда. Сколько нераскрытой силы было в этом человеке!

Наше общество все увеличивалось. Многие звонили знакомым, чтобы те пришли, прочие гости ресторана тоже просили разрешения присоединиться к нам. Когда один богатый фабрикант узнал, что я здесь, он попросил, чтобы я представила его старцу. Группа англичан, прибывших в Россию по союзным делам, также просила показать им Распутина. Когда им это разрешили, они тихо расположились в углу и не сводили глаз с Григория Ефимовича. Когда собралось около тридцати человек, кто-то предложил поесть в развлекательный комплекс «Стрела», и мы согласились. Один из нашей компании захотел оплатить счет, но за него это сделали служащие заместника.

В «Стреле» нам предоставили отдельную большую комнату, окна которой выходили в оранжерею. Посетители вскоре узнали, что здесь присутствует Распутин, и стали взбираться даже на пальмы, чтобы через окна рассмотреть нас.

Тем временем вино текло рекой, и Распутин заказал для хора шампанского. Цыгане расплатились величальной песней в честь дорогого Гриши. Хор постепенно пьянел, начал декламировать, прерываться и беспричинно хохотать.

Распутин был в своем амплуа. Когда играли русские танцы, он с дикой страстью кружился по комнате, его каштановые волосы и борода металась из стороны в сторону, ноги в высоких тяжелых сапогах двигались с такой ошеломляющей легкостью, что, казалось, будто от вина силы его удесятерились. Временами он дико вскрикивал, хватал цыганку и танцевал с нею.

Тем временем в кабинет вошли два офицера, на которых вначале, никто не обратил внимания. Один сел возле меня и, глядя на танцевавшего Распутина, заметил: «И что, собственно, представляет этот человек? Это же позор! Танцует пьяный мужик, а все смотрят на него как на святого! И почему так липнут к нему бабы?» — и с отвращением продолжал следить за каждым движением старца.

Стало светать, и ресторан закрывался. Мы приготовились уходить. Счет опять оплатили служащие заместника.

Компания покатила в дальний загородный ресторан, спрятавшийся в саду, в кустах сирени. После душной «Стрель» мы с наслаждением вдыхали свежий весенний воздух. Взошло солнце, защебетали птицы.

«Как чудесно! Какая божья благодать!» — воскликнул Распутин, присаживаясь и заказывая черный кофе, чай и ликер.

Оба незнакомых офицера тоже прибыли с нами и негромко переговаривались между собой. На это обратили внимание полицейские агенты. Поскольку офицеров никто не знал и не приглашал, им предложили удалиться. Те протестовали, назревала ссора, и вдруг прозвучал выстрел. Возникла страшная паника.

Выстрелы продолжались, слышались крики, некоторые дамы забились в истерике, и все бросились к выходу. Кто-то сгреб меня в свои руки и затащил в автомобиль. Рядом со мной сидел Распутин, который почему-то медлил с отъездом. Все произошло настолько быстро, что я ничего не поняла. Автомобиль уже мчался по улице, а выстрелы и крики все еще звучали у меня в ушах.

Вполне понятно, что все мы были чрезвычайно взволнованы. Распутин первым пришел в себя, сказал, что враги его ненавидят, и тягостно замолчал.

Мы прибыли в квартиру господина Е. и узнали, что оба офицера арестованы и что они хотели расправиться с Распутиным.

Лицо Григория Ефимовича стало желтым от волнения и алкоголя, и он, казалось, постарел сразу на много лет.

Тут еще случилась размолвка с женой фабриканта К., спросившей Распутина: «А почему ты не выгоняешь из России жидов?»

«Как тебе не стыдно говорить **такое?**! — накинулся на нее Распутин. — Евреи такие же люди, как и мы! Ведь каждый из вас знает стоящего еврея, хотя бы зубного врача!» — и попросил госпожу К. поговорить с ней наедине.

Когда через полчаса он с ней вернулся, госпожа К. сказала совсем другим тоном: «Какой ты **умный!** Я просто не знаю, как вести себя с таким смышленным человеком! Вот истинный мошенник!»

Распутин с гордостью посмотрел на нее и ответил: «Лучше бы со мной расправились офицеры, чем слышать такие слова от женщины!» Тут, защищая старца, в разговор вмешался адъютант. Дама удалилась в слезах, жалуясь, что €е, беззащитную женщину, совсем незаслуженно обидели. Вскоре и я вернулась домой, легла на диван и тут же уснула мертвым сном. Но уже через час раздались продолжительные телефонные звонки, и мне пришлось встать. Офицер-грузин сообщил, что Распутин совсем недавно находился в кабинете и вдруг исчез. Не приходил ли он ко мне?

Телефон начал трещать без умолку, все новые люди искали Григория Ефимовича. Как сообщил грузин, полиция была поднята по тревоге, и весь город прочесывался в поисках старца.

Примерно в час дня раздался звонок в мою дверь, и в прихожей я услышала голос Распутина, спросившего, готова ли я снова идти с ним.

«Где ты был? — спросила я его через дверь, — тебя ищет вся Москва, и вся полиция поднята на ноги!» Он засмеялся и ответил: «Тебе что, не все равно, где я был? Я пришел с новенькой дамой. Если хочешь, могу тебя с ней познакомиться. Она хорошенькая!»

Я была не одета и категорически отказалась принять незнакомку. Та простилась с Распутиным и ушла. Так я и не узнала, с кем он провел последнюю ночь.

Я позвонила адъютанту, что Распутин здесь, и тот быстро прибыл ко мне. Втроем мы надумали отправиться к генеральше К., в элегантном салоне которой собралось большое общество.

При нашем появлении открылись двери прекрасной столовой, и нас попросили на завтрак за богато сервированный стол, ломившийся от цветов, изящного фарфора и старин-

ного серебра. Дамы были в светлых весенних нарядах; за столом осталось свободным лишь одно место для польской графини, очень желавшей познакомиться с Распутиным.

Наконец, появилась и эта дама, одетая в серое платье с ожерельем из крупного жемчуга.

Увидев ее, Распутин вышел навстречу и в своей обычной манере презрительно посмотрел ей в глаза. Она отшатнулась, и ее пришлось проводить в спальню. Некоторое время спустя, явившись на завтрак, дама чувствовала себя уже лучше. Распутин подошел к ней, погладил и ласково заговорил. Но с дамой опять случился приступ, поскольку она была не в состоянии выносить взгляда старца, проникшего в глубины ее души.

Когда Распутин вернулся на место, женщины попросили у него фотографию с автографом, но тот объяснил, что у него нет ни одной. Я вспомнила о своем знакомом, недавно открывшем фотоателье, позвонила ему и сказала, что хотела бы привести к нему Григория Ефимовича.

Вместе с адъютантом мы прибыли в ателье, где нас окружило множество лаборанток. Потом я узнала, что эти женщины специально так вырядились, чтобы увидеть Распутина.

Мой друг сделал несколько снимков Распутина, но тот захотел непременно сфотографироваться и со мной вдвоем. Я такое предвидела и договорилась с фотографом, чтобы тот снимал нас с пустой кассетой.

Возвращаясь из ателье, Распутин сел возле меня и начал объясняться: «Ты прости, что в Петербурге я тебя обидел! Я тебе грубил, но ведь я простой крестьянин, и что у меня на сердце, то и на языке!» Он снял шляпу, и его волосы развеялись на ветру. «Господь меня покарает, если ты еще когда-нибудь услышишь от меня плохое слово! — пообещал он и перекрестился. — Ты лучше других, потому что у тебя простая натура! Скажи, что тебе нужно, и я все для тебя сделаю!»

Поскольку я ничего не хотела говорить о своих делах и упорно молчала, он спросил сам: «Может быть, тебе нужны деньги? Хочешь миллион? Я скоро проверну большое дело и получу кучу денег!» Но я ответила с улыбкой, что никаких денег мне не нужно. «Ну, как хочешь, — сказал он, — но я был бы счастлив что-нибудь для тебя сделать. Ты хороший человек, Франтик, и с тобой душа моя спокойна!»

По возвращении к генеральше нас поджидали двое служащих наместника. Распутин расцеловался со всеми присутствующими, попросил, чтобы я приехала к нему в Пе-

тербург, и в сопровождении служащих отправился на вокзал, откуда уехал в столицу».

В Петербурге на одно из подобных собраний старца сопровождала Вера Александровна Жуковская. Она хорошо описала атмосферу, когда во время пьяной оргии решались важные вопросы церковной политики. Вот ее рассказ.

«Распутин как-то пригласил меня: «Приходи ко мне сегодня вечером — выпьем, потанцуем». «Куда идти?» — спросила я. «К моим друзьям. Ты согласна? Повеселимся!» «Хорошо, приду», — ответила я. «Прекрасно! — воскликнул он. — Приходи в шесть вечера».

Когда я пришла, в гостиной находилось четверо мужчин и одна женщина, по-видимому, кавказцы. Распутин уже был готов уходить. Все громко разговаривали, и я толком не поняла, о чем шла речь. Часто произносились слова «концессер» и «биржа», производившие на многих большое впечатление. Распутин спешил, жестикулировал руками и тростью, бормоча свое обычное: «Хорошо, хорошо, это уже сделано, приходи завтра, сейчас я занят».

«Ах, моя милочка, спасибо за то, что сдержала свое слово!» — обрадовался он мне, взял под руку и вывел на лестницу.

На улице нас поджидал элегантный автомобиль. Солдат-шофер отдал честь Распутину, и мы быстро заняли места и тронулись в путь. Через некоторое время авто остановилось у высокого дома.

«Должно быть, здесь. Милочка, спроси у портье, тут ли живет Р.», — обратился он ко мне. Я удивилась: «Вы же говорили, что он ваш хороший друг, а вы не знаете, где он живет!»

Швейцар вышел к нам сам, проводил на второй этаж и позвонил. Дверь открыла небольшая полная женщина и, увидев нас, очень обрадовалась, закричала: «Отец, отец любимый!» — и обняла Распутина.

В прихожую вышел высокий худощавый мужчина и приветствовал Распутина. Мы были приглашены в столовую, которая использовалась и как гостиная, поскольку кроме богато уставленного стола здесь у стен стояла мягкая мебель, обтянутая безвкусным ярко-красным плюшем. В зале сидели какие-то молодые люди, вставшие при нашем появлении.

Хозяйка лукаво указала глазами на меня и спросила Распутина: «У тебя нова милая?»

Григорий Ефимович громко рассмеялся, похлопал меня по плечу и добродушно пояснил: «Одно другому не меша-

ет! Я так в нее влюблен!» Потом, усадив меня на софу и загородив столиком, с улыбкой пошутил: «Теперь ты отсюда не убежишь!»

Я услышала, как кто-то тихим, певучим голосом произнес: «Храни тебя Христос!» — обернулась и в углу перед иконой увидела стоящего на коленях **старенького** человека в грубой одежде пилигрима.

«А, Вася! — обратился к нему Распутин. — Как дела?» Человек не ответил. Распутин **пробурчал** что-то про себя и отошел от него.

Появился хозяин с бутылкой вина, поставил ее на стол и извинился: «Будьте добры, дорогой отец, попробуйте этот портвейн. Ваше любимое вино еще не доставлено!»

«Спасибо и за это, — проворчал Распутин и протянул стакан. Отпив глоток, он подал стакан мне: — Пей, милочка! Говорят, что это грех, да к черту все грехи!» И пошел опорожнять стакан за стаканом.

«Проклятые мерзавцы, — начал он вдруг, — понимают они это или нет, но хотят знать, что есть самое главное!» — и продолжал пить.

«Так что же это «самое главное»?» — поинтересовалась я. Распутин наклонился ко мне и прошептал, лукаво подмигнув: «Это должна знать церковь».

«Церковь? Если говорить прямо, то синод?» — спросила я, подыгрывая ему. «Ну вот, поняла! К черту твой синод! Господи, если бы не было этой войны, что бы тогда было? Пей! — начал кричать он, силой заставляя пить. — Нет ничего лучшего, чем напиться! Идите сюда, — позвал он молодых людей, — пусть все пьют со мной, подходите!»

Присутствующие присоединились к нам и стали наполнять стаканы. Тут пришел хозяин дома и принес пару бутылочек мадеры, а хозяйка поставила огромный поднос с жареными лещами.

«Это прекрасно!» — сказал Распутин и принялся за еду. Он ел рыбу просто руками. Огромные куски клал и мне на тарелку, небрежно обтирал руку салфеткой, лаская меня засаленными пальцами.

Хозяин сел напротив Распутина и, выбрав удобный момент, спросил: «Когда ты хочешь посетить Питирима на Кавказе?»

«На Пасху, на Пасху поеду», — быстро ответил Распутин, запивая слова стаканом вина. — Питирим добрая душа. Он уже во всем разобрался. Из-за этого все склоки и ссоры. Питирим наш».

«Но он хитер, как лиса, — возразил хозяин. — И это нужно учитывать. Питирим обостряет отношения с консистори-

ей». Но Распутин не пожелал вслушиваться, хлопнул хозяина по плечу и закричал: «Давай музыку! Где шампанское? Угошайтесь!»

Тут же появились два балалаечника. При первых звуках русского танца Распутин выбежал на середину зала и запел.

«Пей, пчелка!» — с этими словами он одним глотком опорожнил еще стакан, швырнул его на пол и закружился в диком танце, ликуя и вскрикивая. Вот это был танец! В лиловой шелковой рубаше, перепоясанной красным шнуром, в вычищенных до блеска высоких сапогах, пьяный и счастливый, он плясал самозабвенно и зажигательно.

Звуки струн, топот и дребезжание посуды слились воедино. Распутин отбрасывал в сторону все, что попадалось на пути, середина комнаты освободилась, и с криком: «Танцы!» — он выхватил в круг и меня. Танец становился все стремительнее, и я в изнеможении опустилась в кресло. Как в тумане я видела горящее лицо Распутина. Тяжело дыша, и он опустился на софу.

«Ох, и натанцевался я, — сказал он. — Но это не сравнить с тем, как мы плясали в Сибири. Сначала целый день валим деревья. Да какие деревья! В три обхвата! А вечером зажигаем на снегу костры и ночь напролет пляшем и поем! Вот это, скажу тебе, жизнь!»

В комнате было невыносимо жарко. Половина пьяных молодых людей сидела на ковре, другие бренчали на инструментах. Распутин вдруг ударил по столу и показал на свой пустой стакан. Его тут же наполнили. Пока он пил, хозяин снова подошел с расспросами: «Что вы думаете о церковном собрании? Когда оно состоится?»

Григорий Ефимович уставился на него и промямлил заплетающимся языком: «Понимаешь, война... Когда она кончится? Без патриарха Россия не останется. Вот только нужно послать эту войну к черту!»

«Так что же с консисторией?» Хозяин не отставал от Распутина, но тот вскочил и захлопал в ладоши: «К черту консисторию!» Затем пропел несколько куплетов и добавил: «А Питирима, сучьего выродка, мы сделаем митрополитом!» — и продолжал пляску.

Я незаметно прошла в прихожую, надела шубу и ушла. Позади я слышала, как Распутин кричал: «Питирим, собака, станет митрополитом!»

БУНТ ПРОТИВ СВЯТОГО ЧЕРТА

Ненависть к Распутину стала проявляться сначала в интригах придворных и министров. Вокруг него пошли грязные сплетни о диких пьянках, о посещениях покоев царских дочерей и тому подобных делах, вызывающих отвращение у чопорных придворных дам. Затем враждебные настроения приняли форму промонархического патриотизма. «Истинные россияне» стали грудью, желая уберечь царя от губельного окружения Григория Ефимовича.

Ретивые губернаторы, шефы полиции, помощники министров и министры наперебой представляли царю бесчисленные доклады об оргиях и скандалах его любимца.

Поневоле и родственники, великие князья и княгини, появлялись при дворе с озабоченным выражением лица, и даже сестры царицы спешили предостеречь, пока не поздно, царскую чету.

Но все эти нападки на чертова крестьянина ни к чему не вели. Царю подобные интриги казались лишь следствием зависти, а слушать сплетни он считал ниже своего достоинства. Краткие же газетные сообщения ему, императору всея Руси, были просто не интересны. Протесты чопорной придворной дамы против посещений Распутина были расценены как дерзкая надменность, и даму уволили из царской прислуги.

Всякий, кто пытался предостеречь царя, получал в ответ: «Не надо, не надо, дорогой! Все вы видите в черном цвете! Не беспокойтесь, я знаю сам, как быть с Распутиным!»

Все донесения о старце выбрасывались в мусорную корзину, поскольку сам Григорий Ефимович сказал, что его враги связались с чертом, чтобы строить ему козни. Вот почему, несмотря на всю свою святость, он не может сразу одолеть такой напор нечистой силы.

Все родственники, Николай Николаевич и его брат, Анастасия и Милица, прилагавшие до этого огромные усилия, чтобы убедить царя в святости Распутина, теперь умоляли прогнать со двора ужасного мужика. Но разве не было у царя достаточных доказательств, убедивших его в ненадежности и корысти всех этих родственников? Не потому ли они поддерживали Григория, что он был нужен как орудие для устройства собственных дел? А теперь, когда он стал истинным другом царской четы, им это стало не по душе, и они пытаются его убрать. О, царь знал точно, чего стоят советы «Николаевичей»!

Приходила и Елизавета Федоровна, чтобы настроить свою венценосную сестру против Распутина. Она была единственной, кого трудно было заподозрить в нечестности — монашка, почти ангел! Но что могла она знать о мире и мирских делах! Ничего не стоило ввести ее в заблуждение злостным клеветникам, плетущим интриги против Распутина. Аликс и Николай знали, как преследуются и очерняются чистые помыслы, и поэтому царица могла со спокойной улыбкой возразить сестре: «Поверь, дорогая! Тебя ввели в заблуждение! Пророков всегда хулят!»

А эти предостережения «истинных россиян»! Что должен был делать император, слушая их речи? Не их ли сердца вдохновил когда-то Распутин? Не они ли убеждали всех, что его устами глаголет сам русский народ?

А теперь они ополчились против него, поскольку он не поддерживает их тщеславные помыслы! Да, Григорий Ефимович представляет действительный «голос народа», но его растрепанную бороду, крестьянский кафтан, узловатый посох и простые высокие сапоги — все это «истинные россияне» стали считать бутафорией. Они заблуждаются. Он всегда был и останется истинным мужиком. Это видел и чувствовал сам государь. Его безошибочная интуиция позволяла отбрасывать напрочь все интриги и клевету.

Только для посторонних было непонятно, почему «истинные россияне» сменили восторг к Григорию Ефимовичу на ненависть и презрение. Много лет они бредили о «настоящем крестьянине», который должен явиться, чтобы поддержать трон. И вот он явился, настоящий крестьянин, не намеренный прикрывать свой рот платком. Он стучал по столу, когда ему была не по вкусу болтовня генералов, политиков, адвокатов и попов о «любви к народу», и при всяком несогласии заставлял со всей ясностью выслушать «голос народа».

Если тщеславные генералы, звеня саблями, рассуждали о панславянских идеалах, если политики и адвокаты охотно с ними соглашались, а поны благословляли их замыслы, то только потому, что им всем новая война была выгодна Григорию Ефимовичу от всего этого становилось не по себе, и он кричал, бранился и богохульствовал: «Нам, крестьянам, война ни к чему! Это проклятые горожане готовы ради прибылей проливать кровь детей земли!»

Нужно ли удивляться, что «истинные россияне», когда Распутин хотел помешать развязыванию новой войны, стали о нем плохо отзываться? Имелось также много людей, чувствовавших неприязнь к Григорию Ефимовичу по чисто личным причинам, поскольку тот поступал с ними иногда

очень круто. Так, например, один из них пришел к всемогущему старцу, рассчитывая получить министерский пост, а тот сразу обрезал: «Только не проси, чтобы я мерина сделал министром!»

Подобные недоразумения особенно часто происходили с самоуверенными просителями, не сомневающимися в своих способностях, в то время как Распутин предпочитал назначать на самые высокие должности людей простых и скромных.

Но больше всего раздражали противников старца самоуверенная простота и безобидный тон, которым он говорил о своем значении для двора. Его высказывания, вроде: «Конечно, я все уже обсудил и с «Ней» и с «Ним» — портили немало крови у честолюбивых карьеристов. Многие считали себя обиженными, так как ни изучение теологии или права, ни знание тонкостей государственной службы не способствовали успешному продвижению. А этот необразованный нахал еще и хвалится своим всевластием! Даже те, у кого еще деды служили при дворе, несмотря на все прилагаемые усилия, не могли добиться и короткой аудиенции. Если кто-то хотел что-то получить от царя, был вынужден обхаживать этого высокомерного мужика, чтобы в конце концов услышать примерно такое: «Я не могу всех безмозглых делать епископами!»

Ничего удивительного не было в том, что задетое достоинство и большое самолюбие привели к возмущению. Даже такие добрые и безобидные люди, как мягкий отец Феофан, раздражались, когда Распутин в чем-то их обходил.

Именно Феофан, человек с душой ребенка, один из первых направил поток ненависти на Распутина. Со страстью, с которой раньше убеждал всех в святости старца из Покровского, обрушился он теперь на своего бывшего подопечного, пытаясь настроить против него царя и всю Россию, пылко убеждая, что тот — посланник Сатаны.

Ну кто бы мог подумать, что ничтожный деревенский проповедник так легко обойдет своего первого покровителя!

Отец Феофан поступил как в те времена, когда положил начало карьере Гриши. Он обратился к достопочтенному епископу Гермогену Саратовскому, к Илиодору и «истинным россиянам», к великому князю Николаю Николаевичу. Теперь он им доказывал, что Распутин — это воплощение Антихриста.

Спокойный и набожный епископ Саратовский не очень был склонен к апокалипсическим аллегориям. Он никогда

не считал Гришу святым, а теперь не мог принимать его и как черта. В своей обычной манере, уютно устроившись на диване, слушал он фантастические заклинания маленького архимандрита и всегда спокойно заключал: «Обыкновенный негодяй этот Гриша!» И тут же предлагал практические шаги по свержению Распутина силами «истинных россиян».

Феофан и Гермоген договорились приложить все усилия, чтобы избавиться от неприятного старца. Они стали откровенно использовать каждую возможность, каждый повод, чтобы дискредитировать его. С адскими проклятиями громил Распутина и иеромонах Илиодор. И все напрасно: не только слабенький старичок Феофан, но и страшный «сквернослов» Илиодор по сравнению с Распутиным выглядели как обыкновенные блаженные церковнослужители.

Илиодор испытывал к старцу личную ненависть, и на это были свои причины.

Как-то Гриша приехал в Царицын. В это время простой извозчик обратился к Илиодору за помощью. Жена извозчика оказалась одержима дьяволом, и тот был убежден, что только Илиодор мог вырвать женщину из его когтей.

Илиодор в сопровождении Григория прибыл в дом своего поклонника. Супруга извозчика, хорошенькая молодая женщина, в судорогах извивалась на полу и громко ругалась самыми непотребными словами. Иеромонах, как истинный православный пастырь, окропил женщину святой водой, наклонился над ее головой и сотворил соответствующую молитву, поднес к голове большое распятие и стал уговаривать черта выйти с потом через лоб. Но женщина продолжала кричать, каталась по полу и никаких признаков улучшения не проявляла.

Молча смотревший на это Григорий подошел к Илиодору, хлопнул его по плечу и произнес: «Уходи, ты в этом ничего не понимаешь! Оставь меня с этой бабой, я сам выгоню черта!»

Едва не лопнув от гнева, настоятель с извозчиком удалились. Илиодор готов был избить Распутина.

В соседней комнате иеромонах утешал и благословлял мужа несчастной женщины, убеждал держаться. Но крики в комнате больной вдруг стихли. Через некоторое время появилась хорошенькая жена извозчика с розовыми щечками, ясным взглядом и приветливой улыбкой. За нею шел Григорий, победно ухмыляясь: «Вот видите, я изгнал черта навсегда!»

Дрожавший от гнева Илиодор был вынужден повернуться к извозчику и сказать: «Григорий Ефимович настоящий святой, посланный Господом чудотворец!» Тот

бросился на пол перед Распутиным и стал целовать его руки. На другой день весь Царицын знал о чуде.

Угодно было случиться, что в это же время дьявол вселился и в племянницу купца Лебедева. Купчиха Лебедева уже была наслышана об исцелении жены извозчика и хотела тут же послать за Распутиным. Но не желая обидеть Илиодора, она попросила его изгнать черта, рассчитывая, что тот приведет с собой и батюшку Григория.

Илиодор взял все необходимое в сумку и направился к купчихе. С ним опять был Гриша. Повторилось все то же, что и с женой извозчика. Купчиха не напрасно надеялась на нового старца.

Прежде чем начать процедуру изгнания дьявола, Гриша пояснил, что помещение, в котором находится больная, не подходит для свершения таинства. Он осмотрел весь дом и велел перенести пациентку в уединенную каморку, в которой заперся с одержимой.

На этот раз черт не хотел так быстро прекратить свое черное дело, и Распутин долго не появлялся. Илиодор в нетерпении обошел все помшепия, пока не нашел дверь каморки, где была больная. Криков не было слышно, но Гриша все не выходил.

Только под вечер он заявил, что ему, наконец, удалось изгнать очень злого демона. Пациентка недвижимо лежала в кровати и спала. По ее лицу расплылось безмятежное спокойствие, как будто она пребывала в ангельских объятиях.

Когда весть об этих двух чудесах распространилась по Царицыну, слава Гриши безмерно возросла. Теперь не было более знаменитого старца, чем Гриша из Петербурга, друг и советник самого царя. Царицынцы, много лет кряду слушавшие фанатичные проповеди Илиодора, стали преклоняться перед новым святым, и к дому иеромонаха шли делегация за делегацией.

«Этот жулик, этот благообразный подлец!» — бранился про себя Илиодор, принимая каждую делегацию, просившую свидания со старцем из Петербурга. А наутро, облачившись в лучшую ризу, он пошел с Гришей от дома к дому. Повсюду, и в домах, и на улице, Распутина принимали как посланца небес. Люди падали перед ним ниц, целовали руки и смиренно просили благословения.

Илиодор с наслаждением бы убил этого грязного крестьянина, перед которым благоговел весь город. Тем не менее ему приходилось принимать участие во всеобщем восхвалении и во всеуслышание заявлять, что Григорий Ефимович истинный избавитель человечества, и что Господь послал

его в Россию для помощи и совета самому царю. А тут стала проявляться склонность Гриши к порокам и распущенности. Но иеромонах не смог придумать против мощенника ничего лучшего, как, по примеру епископа Гермогена, повесить портрет этого Антихриста лицом к стене.

Перед отъездом Распутин пошел на новую выходку, зная, что Илиодор и ей будет вынужден покориться.

Он решил устроить покаянное паломничество из Царицына в Саров. Для этого Григорий Ефимович потребовал от иеромонаха, чтобы он устроил торжественные проводы с цветами и дорогими подарками. Разбушевавшись в душе, Илиодор не смог возразить Распутину. Пришлось самому организовать большое празднество, пожелать Грише счастливого пути до Сарова и на глазах всех участников лично вручить подношения.

Долгое время находился Илиодор под влиянием чар, исходивших от Григория Ефимовича, и всегда безуспешно пытался от них избавиться. Это ему удалось позже, когда они вместе поехали в село Покровское, на родину Гриши.

Уже по дороге у Григория Ефимовича развязался язык, и он со всеми подробностями пошел плести о своей греховной жизни. Казалось, ему доставляло особое наслаждение смаковать непристойности, чтобы ввести в искушение аскетического иеромонаха. Он подробно описывал, как грешил с няней царевича, и как та с крестьянкой Лаптинской, прекрасной княгиней и другими женщинами вместе с ним отравились в Верхотурье, где женщины преодолели «плоть» и стали «бесстрастными».

Эти рассказы продолжались бесконечно, и в поезде, и на пароходе. Строгий иеромонах, всю жизнь борющийся с проявлениями всякой плотской чувственности, к своему смущению ощутил, как говорящий устами Гриши черт начинает одолевать и его. Горящими глазами глядел он на рассказчика и не закрывал рта от удивления. И когда Гриша с издевкой спросил, как ему все это понравилось, про себя Илиодор подумал, что о подобном он не мог бы и мечтать.

Иеромонах понял, что Гриша — гнусный еретик из заблудшей секты хлыстов, о дьявольской греховности которой он был достаточно наслышан. Однако это еще не придало ему сил окончательно отказать от старца. И только осознание других, более веских обстоятельств позволило ему отделаться от чар Распутина.

Илиодор давно знал, что царь с царицей почитают Гришу за святого. Тут же он смог убедиться в том, как далеко зашло это почитание. Гриша хвастливо поделился, что царь

считает его спасителем, что царица кланяется ему до земли и целует руку. На пароходе убежденно заметил: «Царица покаялась, что всю жизнь я буду ее благодетелем и спасителем!» И еще добавил: «Я их всех ношу на своих руках, так я с ними сдружился!»

Несмотря на эти речи, у Илиодора теплилась надежда, что Распутин привирает, и эта мысль несколько смягчала зависть. Но как удивился иеромонах, войдя в дом Гриши в Покровском! Уже снаружи дом производил внушительное впечатление. То же, что он увидел внутри, невозможно даже представить. Это были старые скромные крестьянские комнаты, частично обставленные простой мебелью, но в них оказалось много чрезвычайно роскошных вещей: дорогие кожаные диваны, стеклянные горки и буфеты, полные серебра, хрустальных стаканов и бокалов.

• В одной из комнат стоял огромный рояль, позолоченная мебель, цветы и пальмы. По всему второму этажу были расстелены персидские ковры, а на стенах висели по ранжиру портреты членов царской семьи, великих княгинь, придворных сановников и министров, и все — с дарственными надписями.

Целый шкаф был забит безделушками, подаренными царскими детьми. Повсюду висели святые образа, подаренные епископами, монахами, монахинями и набожными людьми.

А какая рабочая комната! Совсем как кабинет министра — дорогой гарнитур с прекрасной кожей стоял в углу, у окна — дубовый шкаф, забитый документами, актами, телеграммами, письмами.

Глаза Илиодора вылезли из орбит: он воочию убедился в действительной мощи и почете Распутина. Все, что находилось вокруг, не могло быть подарками обыкновенных прихожан. Хозяин сам поведал, кто и чем его удостоил.

Пребывание в Покровском стало для Илиодора истинным мученичеством, поскольку ему пришлось узнавать все новые и новые свидетельства могущества своего противника. И в поле, и на рыбалке Гриша не устал подтверждать, как прекрасно идут у него дела и какие почести сыплются со всех сторон.

В последний вечер перед отъездом пришло большое письмо с царским гербом и печатью. Распутин прочитал его в присутствии Илиодора, довольно пригладил волосы и пояснил, что пакет от императрицы. Настоятель потерял покой. Он встал среди ночи, прошмыгнул в рабочую комнату хозяина, пошарил в столе и нашел пакет. Содержание письма привело его в неистовство. В нем царица умоляла Рас-

путина срочно вернуться в столицу, так как наследник снова заболел.

Стоя у письменного стола, Илиодор решил не ограничиваться чтением только этого письма. Он просмотрел все ящики, пока не нашел связку писем, завернутую в клетчатый голубой платок. Лихорадочно разворачивал он одно письмо за другим и вскоре убедился, что все, о чем поведал Распутин, — чистая правда.

В тот момент, когда в душе Илиодора вспыхнула всепожирающая зависть, он почувствовал, как спадает с него дьявольское наваждение, которым старец сковывал его до сих пор. Да, теперь он стал независимым от своего врага и может его ненавидеть! Этот наглый развратник узнает, какого врага он нажил!

Илиодор взял себе нескольких самых интересных писем царицы и великих княгинь. Это было воровство, но так как таким способом защищались интересы истины во имя царя и отечества, цель оправдывала средства. На следующее утро он уехал из Покровского с твердым намерением сполна рассчитаться с Гришей и разоблачить его подлость перед царем и царицей. Именно для этого он сразу же направился в Петербург.

Илиодор, естественно, прекрасно осознавал все трудности своего почина, но рассчитывал, что и Феофан заговорит во весь голос, как только он выступит перед двором против Распутина. И вспомнил угрожающее выражение лица Гриши, с которым тот произнес: «Этому я еще дам!» — имея в виду ректора теологической академии. Да, не случайно Феофан, придворный проповедник и исповедник царицы, был лишен своего высокого поста и отправлен в Таврию.

Несмотря на все это, Илиодор был в хорошем настроении и уверен в себе. Разве напрасно его именовали «воином царства небесного»? И не он ли, «великий хулитель», прославился своим бесстрашием? Мог ли он, свергавший губернаторов, шефов полиции и министров, выступавший даже против синода, не пойти против Распутина, не разоблачить этого крестьянского выродка перед царем?

С той благословенной ночи, когда за письменным столом в Покровском Илиодор навсегда избавился от чар личности Распутина, он обрел возвышенную цель, сопоставимую разве с теми великими деяниями, которые были по плечу пророкам Ветхого Завета. На всю страну он старался объявить, что Распутин — это развратное чудовище и исчадие

ада и что его нужно искоренить, как зловредного паразита Ради своей борьбы против Распутина иеромонах был готов на все, и даже поведал о том, что увидел, подглядывая в замочную скважину у купчихи Лебедевой. И почему он по-братски целует только хорошеньких женщин и не желает раздавать свои святые поцелуи пожилым мамашам?

Не задумываясь, сообщал Илиодор каждому и то, как пытался Гриша и его самого обратить в еретическую веру хлыстов. А если кто-либо интересовался, почему Распутин считается святым, Илиодор с яростью обрывал: «Да, да, святой! Черт он святой!»

В Петербурге Илиодор направился к Гермогену, который как раз в это время тоже находился в столице, чтобы объединиться в борьбе против старца. Переговорив с ним, он начал строчить письма всем высокопоставленным особам и даже царю. Обратился и к доктору Бадмаеву с просьбой оказать влияние на императора. «Умоляю Вас, — писал Илиодор тибетцу, — покончите с Распутиным! Его сила растет с каждым днем, множится число его сторонников, растет уважение к нему в народе. Не моя судьба меня заботит, а будущее царской семьи! Подумайте, к какому скандалу, а то и к революции все это может привести! Ради Бога, остановите Распутина, и по возможности, скорее! Дорог каждый день!»

В разговоре с Гермогеном Илиодор гневно возмущался: «Я не вижу, отказывается царская семья от Распутина или нет! Как это называется? Мы готовы за них умереть, а они цацкаются с этим развратником! Бог знает что!»

Надежные соратники предоставили в распоряжение «воина царства небесного» юридическое Митю Колябу, поскольку тот с появлением Распутина оказался не у дел, а ему нужно было зарабатывать на хлеб. Митя без конца брюзжал, кряхтел и охал, размахивая культиками рук, но понапрасну псаломщик Егоров убеждал, что тот предсказывает невиданные несчастья, «если крестьянина Григория не прогонят от царя».

Никто, тем более при дворе, не желал все это слушать. Если царю или царице нужны были пророчества, они по-прежнему обращались к Распутину, который мог смотреть в будущее оптимистичнее Мити Колябы, да к тому же был всем понятен и говорил человеческим языком. Как при дворе, так и в мистических салонах потеряли всякий интерес к юридическим и предпочитали слушать Григория Ефимовича. Не удивительно, что Митя радостно таял, когда нужен был Гермогену и Илиодору для битвы с Распутиным.

Вскоре состоялся настоящий военный совет, в котором

принимали участие епископ, «сквернослов», святой дурачок и псаломщик. К нему пытались подключить министра юстиции Щегловитова. Гермоген и Илиодор побывали у него и поинтересовались, нельзя ли устранить Распутина с помощью обычных правовых норм, но министр на такое не решился. Поняв, что таким путем бороться с Распутиным бесполезно, заговорщики решили заставить его дать торжественную клятву, которую он потом бы не нарушил.

Когда Распутин вернулся после посещения в Крыму царской четы, Илиодор сказал ему, что епископ Гермоген глубоко сожалеет обо всем, что предпринималось против него, страстно желает его видеть и просит, чтобы он его сразу же посетил. Распутин согласился и пришел в дом епископа вместе с Илиодором, куда, помимо юридического, были в качестве свидетелей приглашены два священника и журналист.

Увидев, что Гермоген не один, Распутин понял, что против него что-то затеяли. Первым на старца обрушился Митя Коляба, размахивая перед ним своими обручками и яростно осыпая бессмысленной бранью. Взбешенный Распутин набросился на идиота, но тут появился величественный Гермоген, молча разъединил большим распятым дерущихся чудотворцев и начал этим же крестом охаживать Григория Ефимовича.

Началась дикая потасовка, сопровождаемая проклятиями Илиодора, приправленными цитатами из Священного Писания. В конце концов им удалось связать Распутина и вынудить его под угрозой смерти покаяться и поклониться всеми святыми, что он отныне будет избегать общения с царской четой. Распутин согласился на все требования, но сохранил на нападавших страшную злобу.

Как только его отпустили, он тут же поспешил на телеграф и отослал пространную депешу царю в Ялту, в которой сообщил, что Гермоген с Илиодором хотели его извести, но он с Божьей помощью в последний момент спасся.

На этом Григорий не успокоился, решив расплатиться со своими врагами той же монетой. Для расправы он использовал жену Головина, которая уже на следующий день по телефону пригласила к себе Илиодора, где тот оказался среди приверженков Григория Ефимовича. Распутин с кулаками и бранью набросился на Илиодора. Иеромонах увидел, что и разъяренные женщины готовы выцарапать ему глаза. Единственным желанием «сквернослова» было как можно скорее ретироваться. А тут еще появился высококорослый Пистолькорс, Илиодору удалось пробиться к дверям и ускользнуть,

Спустя несколько дней вышел царский указ, согласно которому оба зачинщика акций против Распутина были строго наказаны: Гермоген потерял свое епископство и был сослан в Литовский монастырь, а Илиодора отправили в обитель Флоричева Пустынь, но пробыл он там недолго.

Илиодор бежал из монастырской тюрьмы и вскоре отправился в Норвегию, где начал организовывать единый фронт против старца.

Прежде всего он сочинил памфлет под названием «Святой черт», в котором обрушил на Григория Ефимовича уйму фантастических обвинений, а также привел выдержки из писем царицы и великих княгинь, оригиналы которых он выкрал. В этом памфлете, почти насквозь ложном, он грубо нападал не только на Распутина, но и на всю царскую семью. Издать его не удавалось, поскольку в Норвегии мало интересовались разоблачениями Илиодора. Памфлет лежал в ящике стола, а Илиодор занялся подготовкой к убийству Григория Ефимовича.

В Царицыне оставалось предостаточно сторонников изгнанного «сквернословия», которые и должны были привести в исполнение планы Илиодора. Уже в 1913 году ряд приверженцев Илиодора решил отомстить за обиды своего вдохновителя, в связи с чем был разработан подробный план нападения на Распутина с целью оскотления. Но заговорщики оказались недостаточно осторожны, и через уже известного Синицына Распутин обо всем был своевременно предупрежден.

В 1914 году по прямому указанию Илиодора был организован «комитет действия», который отыскивал отвратительную проститутку Феонию Гусеву, страдавшую к тому же нервным расстройством.

Воспользовавшись фанатичной религиозностью этой особы, заговорщикам удалось уговорить, чтобы она отомстила Распутину за все его «черные дела». Гусева уехала в Покровское и там поселилась у одного крестьянина под видом странницы. Ей пришлось ждать несколько дней, пока появилась возможность выполнить намеченное. И вот 28 июля, за три дня до начала мировой войны, Распутин получает телеграмму от царицы. Почтальон выходит из его дома, а следом за ним появляется Распутин, решивший тут же с ним передать ответ. Находившаяся рядом Гусева протягивает руку, якобы за милостыней. И когда Распутин опускает руку в карман, она ударяет его ножом в нижнюю часть тела и пронзительно кричит, что убила Антихриста. Григорий Ефимович из последних сил рукой зажимает ра-

ну, забегает в дом и там падает. Злоумышленница выглядела сумасшедшей. Ее связывают и арестовывают.

Через восемь часов в карете прибывает врач, вызванный телеграммой из Тюмени, и тут же при свечах проводит тяжелую операцию. Спустя некоторое время Распутин перевозят в госпиталь в Тюмень, где он несколько недель находится между жизнью и смертью.

Следствие устанавливает, что злоумышленница в той или иной степени ненормальна, органы юстиции дело против нее приостанавливают, а ее отправляют в соответствующее заведение. Это, естественно, предпочтительнее открытого процесса, который мог бы бросить тень на царскую чету.

Глава 13

БОЛЬШАЯ РЫБНАЯ ТРАПЕЗА

Как-то раз туманным зимним утром 1914 года, закутавшись в тулуп, Распутин проезжал в санях по Фонтанке и в проезжавшем мимо автомобиле заметил князя Андронникова, с которым ему никогда не удавалось поговорить, хотя и видел он его довольно часто. Григорий Ефимович стал размахивать обеими руками и громко кричать: «Николай Петрович! Подожди минутку! Не торопись!»

Андронников остановил автомобиль, всматриваясь в кричавшего. Распутин с усилием выбрался из огромного тулупа и бросился к Николаю Петровичу с объятиями. «Почему ты меня так разглядываешь? Ты что, меня не знаешь?» — кричал он.

«По-моему, вы заблуждаетесь,— возразил Андронников.— Я князь Андронников!»

«Совершенно верно, милый, я знаю, кто ты! Я Григорий Ефимович Распутин! Ты куда едешь?»

«Домой»,— ответил князь Андронников, оценив ситуацию.

«Вот что,— закричал Распутин,— я поеду с тобой! Сам Господь благословил меня сегодня. Нам нужно о многом поговорить!»

Будь князь по-настоящему религиозен, как ему приписывало общественное мнение, он и сам бы решил, что эта встреча — знамение Божье.

«Что это за прекрасный иконостас с такой чудесной Божьей Матерью? — вот первое, о чем спросил Распутин, появившись в доме князя.— Надо же, у тебя настоящая маленькая часовня!»

С искренней готовностью Андронников тут же провел своего гостя в молельню, один из углов которой действительно напоминал церковный уголок. Старец тут же опустился на колени и начал длинную молитву, в которой благоговейно участвовал и хозяин дома. Наконец Григорий Ефимович поднялся, дав знак князю, что и тому пора кончать.

«Ну, Николай Петрович,— сказал он,— мы укрепились молитвой и теперь можем спокойно поговорить о делах!»

В салоне князя зашел разговор о военном министре Сухомлинове, так ненавистном Распутину. Старец поведал о том, что Сухомлинов обозвал его скотиной и поэтому должен быть смещен. Андронников охотно сообщил гостю, что у него самого труднейшие отношения с министром, и он рад слышать, что их взгляды совпадают. Андронников тут же предложил план устранения Сухомлинова с помощью Григория Ефимовича. С воодушевлением рассказывал он гостю об ошибках и слабостях министра, пока тот вдруг не перебил его нетерпеливым жестом.

«А, дорогой, лучше я приду к тебе завтра вечером. Приготовь рыбки да бутылочку мадеры. За рыбкой и винцом беседуется лучше! Такие важные дела, которые мы собираемся обговорить, может благословить только хороший обед!»

Андронников с радостью принял предложение и почтительно распрощался с могущественным посетителем. Распутин уже, вышел, но вдруг вернулся, потребовал письменные принадлежности и нацарапал записку следующего содержания: «Ты человек сильный духом! Твоя сила в духе!» Записку отдал князю на память об этом первом разговоре. «Потом,— сказал он,— мы еще станем хорошими друзьями!»

На следующий день старец точно в назначенное время прибыл на рыбную трапезу. Князь позаботился обо всем необходимом — питье, еде — и даже пригласил свою подругу Червинскую, родственницу супруги Сухомлинова, состоявшую в натянутых отношениях с семьей военного министра, — хорошо сложенную элегантную даму с прекрасными глазами, но слегка увядшую, как это нередко бывает с женщинами, которым за сорок. Она казалась компанейской дамой, с которой можно интересно поговорить о спиритизме и других духовных материях, но в действительности всегда была себе на уме. Она могла стать ценной союзницей, поскольку знала о супругах Сухомлиновых больше самого Андронникова.

Распутин чрезвычайно обрадовался, увидев прелестную

даму, и начал тут же ее обнимать. Расцеловав хозяина и сказав ему несколько слов, он опять обнял Червинскую. Обращаться так с приятными дамами доставляло Распутину большое удовольствие.

Затем втроем они сели за стол и принялись обсуждать детали затеянного против Сухомлинова дела. Старец кусок за куском брал аппетитную рыбу из большого блюда, разламывал ее прямо перед собой руками и вынимал из нежной мякоти косточки.

Червинская, наоборот, длинными пальцами снимала кожу с каждого кусочка, прежде чем поднести его ко рту, и почти ничего не ела. Ее больше интересовало обсуждение грязных дел министра и его супруги. Да и князь ел совсем немного. Он увлекся комбинациями и интригами предстоящей акции. Григорий Ефимович поедая рыбу за рыбой, выпил немало мадеры, слегка расслабился. Иногда, перестав жевать и зажав пятерней новый кусок рыбы, он вдруг грозился, что еще покажет этому Сухомлинову кузькину мать. Посмотрев с угрозой на блюдо с рыбой, он снова принимался за еду.

И вдруг совершенно неожиданно перешел на другую тему, заявив, что разговор слишком долго толчется на одном и том же, когда все уже ясно, и достаточно сказать одну фразу «Я это сделаю!»

Обсуждение Сухомлинова прекратили, и Григорий Ефимович, разделявая рыбу, пошел рассуждать о своих отношениях с Богом. Он произносил одну-две короткие фразы по деликатным вопросам души и веры, замолкал и говорил снова. Как Андронников, так и Червинская были ошеломлены мудростью Распутина и его пониманием религии.

Наконец старец вскочил, вытер рукой мокрую от вина бороду, вышел из-за стола и заявил, что он расцелуется с Сухомлиновым. Добавив небрежно: «Я точно знаю, что «папа» и «мама» сделают все то, что я говорю!» — он расцеловал Червинскую, обнял хозяина и направился к двери. «Купцы из Сибири ждут меня в «Вилле Роде», — объяснил он. — Они расстелили для меня ковры и пригласили цыган!» И промурлыкав пару куплетов из «Тройки», посмотрел любовно на Червинскую и танцующим шагом удалился. Прошло больше года. Осенью 1915 года Червинская посетила вновь назначенного помощника министра Белецкого, при содействии которого она уже давно ожидала ответа на одно прошение. Зажав в тонких длинных пальцах сигарету, во время беседы с Белецким, она как бы мимоходом бросила: «Вчера снова на обеде был у нас батюшка Григорий! Он столько рассказал Николаю Петровичу о царе и цари»

це!» Помощник министра, игравший до этого массивной цепочкой от часов и вполуха вслушивавшийся в речь посетительницы, при упоминании об этом моментально напрягся, стал внимательным и пообещал ее собственное дело решить положительно. Прощаясь, он просил передать князю Николаю Петровичу, которого он, к сожалению, давно не видел, наилучшие пожелания.

Сенатор Степан Петрович Белецкий одновременно с назначением Хвостова на должность министра иностранных дел был удостоен звания заместителя министра. Ему вменялись в обязанность руководство полицией и, прежде всего, политический шпионаж. С тех пор как Николай Николаевич и «истинные россияне» отвернулись от Распутина, в тайной борьбе против него Белецкий стал самым ценным агентом. Почти каждый день он доносил начальнику канцелярии великого князя полковнику Балинскому о похождений старца. Узнав от Червинской о дружбе Григория Ефимовича с князем Андронниковым, он, как опытный специалист секретной службы, тут же понял, какие возможности сулят для него рыбные обеды. Зная, что Андронников давно является тайным агентом, Белецкий пригласил его к себе.

Когда князь появился у Белецкого, тот, поговорив с ним в пределах приличия на общие темы, быстро перешел к вопросам, на которые имел право как шеф полиции по отношению к своему агенту. Сидя напротив Андронникова, он своим певучим голосом сказал:

«Дорогой Николай Петрович, мы знаем о рыбных обедах с Распутиным. Этим обедам мы с министром придаем большое значение, и вы должны и дальше регулярно их проводить, по возможности дважды в неделю. Мы позволим и себе пользоваться вашим гостеприимством. Вы знаете, что министерство в таких случаях не мелочится, и мы будем оплачивать все ваши издержки, и вы можете рассчитывать на нашу признательность».

Затем Белецкий рекомендовал привлекать и дальше к этому делу госпожу Червинскую, чтобы она тактично отвлекала от общих разговоров и переводила их на нужные темы. Подчеркивая важность сказанного, Белецкий многообещающе посмотрел на князя своими крупными маслянистыми глазами.

Но Андронников, поскольку хорошо знал секретную службу, не мог положиться на неопределенные обещания и решил перейти к конкретным требованиям. Поэтому он заявил, что готов принять предложения помощника министра, но ни под каким видом не примет возмещения издержек.

Взамен этого он просит министерство оказать помощь в издании его газеты «Голос России», поскольку в ней хочет энергично поддерживать своего друга министра.

Белецкий все понял, и Андронников покинул кабинет помощника министра с твердым обещанием, что «Голос России» будет надежно субсидироваться правительством, а госпожа Червинская — получать нужные суммы для княжеских рыбных трапез. Но чтобы старец посещал их регулярно, Андронников должен был систематически вручать ему крупные денежные суммы из средств министерства.

Хотя все было подготовлено наилучшим образом, Хвостов и Белецкий ощущали некоторое беспокойство, усаживаясь в экипаж, чтобы ехать к Андронникову. Белецкий знал, что и у Распутина есть своя агентура, и тот может быть в курсе его отношений с великим князем Николаем Николаевичем. Да и у Хвостова совесть не совсем чиста. Хотя неприятный инцидент, имевший место в Нижнем Новгороде, благодаря прекрасному басу Хвостова, казалось, был исчерпан, однако, при назначении его министром внутренних дел была допущена одна опасная ошибка. С нетерпеливым тщеславием оформил он свое назначение на должность, не дожидаясь возвращения Распутина из Покровского. И теперь осознал, что проявлял самодовольство, которое Григорий Ефимович особенно не переносил. Поэтому Хвостов направлялся на трапезу с очень смешанными чувствами.

Сразу же по прибытии в салон Андронникова смущение министра еще более возросло, потому что старец вышел к ним молча, засунув правую руку за пояс и изучая толстого Хвостова неприветливым взглядом. Князь Андронников не был в состоянии что-то изменить, и у него сразу испортилось настроение. Распутин резко остановился перед министром, строго посмотрел ему в глаза и произнес: «Да, ты слишком поспешил!» — повернулся и отошел. Опять потекли неприятные минуты.

«Тогда в Нижнем Новгороде ты мне не предложил отобедать! А сюда явиться поспешил! И ты тоже!» — он указал на Белецкого. Но тот сохранил самообладание и стал осыпать старца похвалами, к чему тотчас присоединился и Хвостов.

Князь Андронников тоже не замедлил использовать свои дипломатические таланты, и все втроем они не давали возможности Григорию Ефимовичу и слова произнести. Появилась Червинская, попросила всех к столу. За едой настроение Распутина заметно улучшилось и, приняв пару

стаканов мадеры, он опять похвально отозвался о базе Хвостова.

Поедая рыбку за рыбкой, господа вели беседу на важнейшие темы государственного управления. Хвостов, Белецкий и Андронников знали, какие безобидные вопросы можно задавать, чтобы изучить планы и намерения Распутина. Естественно, что появились связанные с рыбными блюдами затруднения. После того как один из политиканов задавал вопрос, Григорий Ефимович прожевывал свою порцию рыбы, запивал стаканом вина, вытирал обратной стороной ладони рот и только после этого давал ответ, который при таких обстоятельствах оказывался слишком осторожным и продуманным. Как ни изощрялись Белецкий и Андронников в вопросах, ответы старца оказывались еще более уклончивыми.

Когда по окончании обеда вся компания направилась в гостиную, Андронников перехватил старца и исчез с ним на несколько минут, сразу же за дверью передав пятьсот рублей банкнотами. Тот, не пересчитывая, сунул пачку в карман брюк. Андронников сообщил ему, что он может опять прийти послезавтра вечером и снова получить такую же сумму. Распутин только кивнул, и они оба вернулись в гостиную, где в это время Хвостов и Белецкий инструктировали Червинскую. Случилось так, что единственная дама по какому-то ничтожному предлогу вдруг поднялась и вышла из комнаты. За ней бросился толстяк Хвостов и в коридоре шепотом попросил сообщить, о чем за его спиной разговаривают Распутин с Белецким, и заранее выразил признательность за информацию. После этого все снова были за столом и целый час болтали о разных политических проблемах. Но уходя, Белецкий отвел Червинскую в сторону и предложил сообщить об отношениях между Хвостовым и Распутиным. Затем все, сердечно целуясь, один за другим удалились.

В этот достопримечательный вечер было положено начало историческим «рыбным трапезам», превратившимся в своеобразный политический институт. Отныне все больше важнейших государственных дел обсуждалось и решалось Хвостовым, Белецким и «другом» за рыбным столом. Хотя все трое старались сохранить обсуждаемое в тайне, повсюду поползли сначала слухи, а потом и более достоверные сообщения, вызывавшие удивление, ярость или искреннее возмущение.

Следующая рыбная трапеза почти ничем не отличалась от предыдущей. Снова сидели Распутин, Хвостов, Белецкий, Андронников и Червинская за богато обставленным столом

и болтали. За исключением старца, особенным аппетитом никто не отличался; в то время как Григорий Ефимович непрерывно жевал, остальные оживленно беседовали, не притрагиваясь к стоявшей перед ними еде. В этот вечер необходимо было уладить важное государственное дело: конфликт между обер-прокурором Самариным и епископом Варнавой из-за канонизации святого Иоанна Тобольского.

Хвостов, Белецкий и Андронников пытались ловко поставленными вопросами выяснить мнение Распутина об этом. Министр был лично заинтересован в деле, поскольку решение конфликта в пользу Варнавы приводило к оставке Самарина, а тот, как представитель московской аристократии, был противником Хвостова. Чтобы свергнуть Самарина, нужно заручиться поддержкой старца, но его позиция пока не была ясна. Варнава ведь был старым другом Григория Ефимовича, произведенным с его помощью из простых монахов в епископы. Но потом между ними произошло некоторое отчуждение, так как Варнава после повышения в чине стал вдруг отдаляться от Распутина, что чувствительно задевало старца.

Разговор на эту тему застопорился: Григорий Ефимович все жевал да жевал, немудримо долго обдумывая ответы. Но в конце концов они получили пару признаний, из которых Хвостов и Белецкий могли заключить, что ему не по душе нынешнее поведение Варнавы, но высокомерный обер-прокурор совершенно невыносим. В один из моментов Распутин так рассердился, что швырнул обратно на тарелку уже взятый кусок и закричал: «Ох уж эти знатные дворяне! Что знают они о церкви и святой вере? Церковь нужна простым набожным людям, которые понимают народ и народ понимает их! Вот поэтому мне и нравится Варнава, хотя до сих пор я сердит на него!»

Этого было достаточно. Все встали из-за стола, расцеловались и ушли, довольные друг другом.

Во время следующей трапезы ее организаторы, учитывая прошлый опыт для ускорения беседы, сервировали стол уже мясными блюдами. Но ничего из этого не вышло, поскольку Распутин к мясу даже не притронулся и, не скрывая плохого настроения, молчал. Не оставалось ничего другого, как прекратить подачу на стол мяса. Организаторы были вынуждены подать все-таки рыбу, и вскоре началось обсуждение возможного преемника обер-прокурора вместо Самарина.

Хвостов предложил кандидатом своего родственника Волжина, едва ли имевшего достаточный опыт, чтобы справиться с такой должностью, но пользовавшегося у него пол-

ным доверием. И было совсем непросто добиться согласия на ту кандидатуру у Распутина, потому что прежний обер-прокурор Саблер делал отчаянные усилия, чтобы обеспечить себе расположение Распутина, и таким образом, снова стать кандидатом на ранее занимаемый пост.

Надежно об этом осведомленный Белецкий предпринял гениальный способ, как лишить Саблера уважения в глазах Распутина. Он завел разговор об изгнанных из Афона сектах «имябожцев» и «ономатодоксов», которым, как ему было известно, Распутин симпатизировал.

Григорий ел и молча слушал, затем отложил в сторону вынутые рыбные косточки, вытер рот и произнес: «Да, имябожды! Когда я был в Афоне, среди них видел много умных и набожных людей!»

Белецкий тут же начал рисовать картины ужасных преследований, которые испытала эта секта во времена обер-прокурора Саблера и как он был жесток и несправедлив к открытым и тайным ее сторонникам. В глазах Распутина нарастала злоба. Вдруг он ударил кулаком по столу и воскликнул: «Да кто такой этот Саблер? Я ему еще задам!»

Тут же вступил в разговор Хвостов и подчеркнул преимушества своего кандидата, особо отметив, что он тут же уладит недоразумение с Варнавой, связанное с причислением к лику святых Иоанна Тобольского. Распутин слушал все это молча, изучающе глядя на министра. Потеребив бороду, он, наконец, сообщил, что хотел бы посмотреть на этого Волжина и испытать его душу.

При следующей встрече Григорий Ефимович был в плохом настроении. «Сплошные бездельники твои агенты! — говорил он Белецкому. — Слоняются целыми днями на лестничной клетке, нигде не отстают от меня, а от глупых сплетен защитить не могут. Но погоди, я их еще проучу!» И снова погрузился в еду, время от времени бросая яростный взгляд на помощника министра. Тот пытался понять, в чем же дело, и старался смягчить старца. Это продолжалось довольно долго, пока не зашла речь о последнем сообщении в «Биржевых ведомостях», где журналист Давидсон опубликовал скандальную статью с явными намеками на Распутина. Этот Давидсон специально для сбора дискредитирующих материалов ездил в Покровское, встречался с семьей Распутина, помогал маленькой Матрене вести хозяйство и даже изображал из себя жениха. В результате ему удалось собрать достоверные сведения о старце и сотряпать сенсационный материал.

На следующее утро Белецкий сообщил Распутину, что он выяснил все обстоятельства. В тот же день за рыбным ужи-

ном Григорий Ефимович с довольной усмешкой слушал о принятых мерах и так увлекся, что даже забыл о еде.

«Придя утром на службу, — рассказывал Белецкий, — я прежде всего стал собирать данные о темных делишках этого Давидсона. Когда их набралось достаточно, я пригласил его к себе, показал содержимое папки, сунул шестьсот рублей из полицейского фонда и настойчиво порекомендовал последующие статьи обдумывать получше. Намек Давидсон понял, забрал шестьсот рублей и в качестве ответной услуги выложил свои материалы. И я имел удовольствие сегодня после полудня отдать их госпоже Анне Вырубовой, чтобы она их сохранила для вас, батюшка».

Григорий Ефимович сиял. «Ты деловой мужик, Степан Петрович! — восхищался он. — Ты должен стать министром!»

Хвостов этим не мог быть доволен и решил пуше прежнего остерегаться своего помощника. Покидая дом князя, он повторил Червинской свою просьбу, как можно подробнее сообщать о разговорах старца с Белецким.

Постепенно в столовой Андронникова сложилась уютная обстановка. Участники регулярных вечерних трапез освоились друг с другом, и прежняя скованность в отношениях отступила. С учетом всего этого Белецкий мог бы рассчитывать на союз с Андронниковым. До сих пор он сдерживал и себя и Хвостова от обсуждения важной, но шекотливой темы об открытии Государственной Думы. Теперь, как ему показалось, наступил подходящий момент для решения и этого вопроса. Министр с момента своего назначения принимал близко к сердцу дела Думы и прилагал большие усилия, чтобы состоялся новый ее созыв. С началом войны это русское народное представительство было распущено, что полностью соответствовало настроению престарелого премьер-министра Горемыкина, не желавшего выслушивать бурные парламентские дебаты. Хвостов, сам метивший на пост премьер-министра, рассчитывал, что на заседаниях Думы полностью станет ясной непригодность Горемыкина для такого поста. Тем более, что Горемыкин откровенно пренебрегал своими обязанностями и сам не раз говорил, что пора ему уже быть в могиле. Но чтобы созвать Думу, нужно было сначала ввести в курс своих планов Распутина. Все это, Хвостов знал точно, сделать было непросто. Григорий Ефимович уже не раз в ответ на осторожное зондирование Хвостова и Белецкого выражал отчетливую неприязнь к Думе. «Кто заседает в этой Ду-

ме? — ворчал он.— Истинные представители народа? Нет, это аристократы, богачи, но не крестьяне!» В действительности так и было. Установленный порядок выборов был таков, что крестьянство оказывалось на заднем плане. И хотя старец в причинах такого положения не пытался разобраться, он чувствовал, что этот парламент никогда не согласится на два важнейших решения: заключение мира и обеспечение крестьянского большинства. Члены Думы — высокомерные депутаты, аристократы, помещики и дворяне, ничего, кроме ненависти и презрения, у Распутина не вызывали.

Хвостов и Белецкий прекрасно знали об отношении старца к Думе. После длительной подготовки они, наконец, решились на разговор о созыве Думы. Кроме того, нужно было договориться соответствующим образом с председателем Думы Родзянко, которого Хвостов представил к высокой награде, лишь бы он не допускал в Думе никаких нападков на Распутина. Получив согласие председателя, Хвостов за рыбным ужином у Андронникова перешел к работе Григория Ефимовича.

Начал он с того, что подчеркнул, как было бы важно для империи после долгого перерыва снова созвать народных представителей. После того, как стало ясно, что такие аргументы на Распутина не действуют, министр понял, что перенос созыва Думы на неопределенный срок, по-видимому, дело рук самого Распутина, и отсюда следует такое неприятие его идеи.

Согласно заранее продуманному сценарию, в разговор вмешался Белецкий и заявил, что в сложившихся условиях полиции очень трудно обеспечить безопасность Григория Ефимовича. Может случиться, что кто-то из фанатиков предпримет на него покушение, а созыв Думы подействует на общество успокоительно и такая опасность исчезнет. Белецкий рассказал о своем разговоре с заместителем председателя Думы Протопоповым, а Хвостов — с ее председателем Родзянко, которые гарантировали спокойный ход заседаний.

Распутин слушал все доводы, не проронив ни слова. И только расставаясь, улыбнулся и заметил: «Об этом деле стоит подумать». Ободренный такими словами, Хвостов через несколько дней направился в Ставку, чтобы обсудить с царем созыв Думы. Но он опоздал, потому что престарелый Горемыкин уже обо всем знал и принял меры, чтобы эти интриги были сведены на нет. Прежде всего, Горемыкин под формальными предлогами стал медлить с решением Совета Министров, без которого декрет о созыве

нельзя представить царю на утверждение. Затем сделал то же, что и Хвостов — связался с Распутиным и без особого труда настроил его снова против Думы.

На следующей рыбной трапезе на вопрос, какое решение он принял, Григорий Ефимович ответил: «Нам сейчас Дума ни к чему!» И даже после того, как Андронников вручил ему большую денежную сумму, он опять повторил при прощании: «Нам сейчас Дума ни к чему!»

Хвостов просто взбесился. Его самодушие было уязвлено, и он решил осуществить новый план, который должен был привести к цели. Было решено на некоторое время удалить старца из столицы, чтобы в его отсутствие сделать все, что надо. Для этого он обосновал необходимость инспекционной поездки Распутина в Верхотурье и другие монастыри, якобы для успокоения клеветнических измышлений против старца и повышения уважения к нему народа. Хвостов пригласил к себе епископа Варнаву и старого друга Григория Ефимовича игумена Мартьяна из Тюмени, чтобы вместе обсудить эту командировку и склонить к ней Распутина.

Прибыв в столицу Мартьян заявил, что он поддержит министра, если тот сделает его архимандритом. Варнава тоже поставил условие, чтобы его произвели в сан архиепископа. Хвостову пришлось обратиться к своему родственнику Волжину, ставшему уже обер-прокурором, чтобы он при первой же возможности выполнил требования distinguished господ.

Наконец состоялась рыбная трапеза, на которой присутствовали Варнава и Мартьян. Пока старец с обычным аппетитом поедал рыбу, все по очереди упрасивали его совершить поездку по монастырям. По окончании трапезы Мартьян и Варнава бросились на шею Распутину, целовали его и убеждали так страстно, что он, наконец, согласился. Хвостов с любезной улыбкой заверил, что министерство сочтет за честь возместить дорожные расходы, поскольку поездка носит служебный характер. Григорий Ефимович принял сообщение с очевидным удовлетворением, благожелательно кивнул, обнял министра и отправился на «Виллу Роде».

На следующий день князь Андронников от имени Хвостова вручил ему пятьдесят тысяч рублей на дорогу, и удовлетворенный министр стал дожидаться часа, когда Распутин покинет столицу. Однако подготовка к путешествию приняла какой-то затяжной характер. Проходили день за днем, неделя за неделей, одна за другой продолжались рыбные трапезы, а Распутин не спешил. В конце концов

Хвостов потерял терпение и при прощальных объятиях спросил, когда тот собирается отправиться. Старец, несколько не смутившись, заявил, что он вообще отъезжать не собирается.

И министр и его помощник потеряли дар речи. Молча ушли они из дома Андронникова, молча сели в экипаж, и только проехав с сотню шагов, Хвостов тихо, но с затаенной злобой произнес: «Поверь мне, Степан Петрович, мы с этим жуликом еще разделаемся!»

Глава 14

УБИЙСТВО ПОД ГИТАРУ

С того момента, как в сознании Хвостова возникла мысль об убийстве Распутина, ею прониклись все его чувства и поступки. Поскольку Хвостов был министром внутренних дел и главой полиции, этой мыслью стал управляться и весь подчиненный ему государственный аппарат. Началась бессмысленная деятельность с противоречившими один другому приказами, конференциями, заседаниями и решениями. Казалось, что безжизненный колосс русской бюрократии со всеми своими неуклюжими конечностями пришел в движение, чтобы отомстить живому, полному сил и радости бытия Грише Распутину за то, что этот сибирский мужик противопоставил себя русскому государству с его хитрыми и утонченными министрами, шефами полиции, чиновниками и сыщиками.

Месть этой бюрократической машины могла быть только ужасной. Даже начало выглядело весьма угрожающе: министр Хвостов пригласил к себе помощника Белецкого и дал указание, чтобы тот принял все необходимые меры для осуществления убийства Распутина. Министр пришел к твердому убеждению, что немедленно должен быть положен конец опасному воздействию неотесанного мужика на государство и на его, Хвостова, интересы. Собственное положение министра при дворе достаточно окрепло, и теперь поддержка была ему не нужна. Более того, при сложившейся ситуации Распутин становился опасным и ничего, кроме неприятностей, не сулил. При тщательной подготовке убийства не составляло труда отвести от себя подозрения, в связи с чем полезность этого дела для империи, лично министра и его помощника сомнений не вызвала. Естественно, что деньги для исполнения акции играли второстепенную роль, так как в подобных случаях министерство никогда не скупилось.

Помощник министра, не отказываясь от поручения, счел необходимым поставить своего шефа в известность о том, как предыдущий министр внутренних дел Маклаков уже пытался убрать Распутина. Генерал Думбадзе, наместник Ялты, направил ему, Белецкому, бывшему тогда управляющим канцелярией министерства юстиции, телеграфный запрос, может ли он рассчитывать на официальное одобрение убийства Распутина. По плану Думбадзе, во время переезда из Севастополя в Ялту предполагалось пригласить старца в отдаленный замок на берегу моря и там сбросить со скалы. Но Белецкий считал, что решение таких вопросов является прерогативой не юстиции, а внутренних органов, и переадресовал телеграмму Маклакову. Министр тут же связался с премьер-министром, агентурой, секретной службой и дворцовой комендатурой. Последняя инстанция решила, что в данном случае в интересах династии устранение Распутина следует отставить. Тщательно обдумав все «за» и «против», Маклаков тоже решил воздержаться, и покушение не состоялось.

Министр Хвостов с интересом выслушал разъяснение помощника и начал разрабатывать собственный план. Он хотел, чтобы по ложному телефонному звонку Распутин поехал к одной из своих поклонниц. Специально для этой цели на Гороховой его должно было ждать такси, шофером которого был бы полицейский агент. Другому агенту, одетому в полицейскую форму, предписывалось по дороге остановить машину и объяснить, что дорога дальше закрыта ввиду ремонта, и направить ее в переулок. Быстро выехав по переулку за город, в определенном месте автомобиль должен был замедлить скорость. Там два замаскированных под разбойников агента нападают на Распутина, усыпляют смоченными в хлороформе платками и душат заранее приготовленной веревкой. Труп предполагалось отвезти на берег моря и закопать в снегу, чтобы весной его смыло в море.

Министр дал своему помощнику указание тут же начать подготовку: найти автомобиль, подобрать надежных агентов, обеспечить их хлороформом, платками и веревкой, установить точно пункт, где произойдет убийство. Помощник принял приказ к исполнению, договорился о способах связи и распрощался со своим начальником.

Для организации покушения Белецкий срочно связался с полковником Комиссаровым, начальником особой охраны; поскольку между ними были близкие отношения, помощник министра имел возможность не только передать Комиссарову официальный приказ, но и доверить собствен-

ные мысли. Белецкий объяснил, что, как опытный служащий, работавший в полиции еще при Столыпине, он ничего не имеет против плана министра в моральном отношении, но он знает, что старец, вопреки своему обещанию, не выхлопотал Хвостову должность придворного конюшенного и, кроме того, хочет вместо него назначить на пост премьер-министра Штюмера, и поэтому Хвостов делает все, чтобы убрать старца со своего пути. Если он и имеет сомнения в намерениях Хвостова, то только по чисто техническим соображениям. С одной стороны, убийство Распутина будет поставлено в заслугу его исполнителям многими общественными и духовными кругами, включая и Думу. Но с другой стороны, за Распутина могут отомстить его могучие приверженцы, а они очень опасны. Злоупотребление властью, наверное, оправданно, если оно ведет к повышению в чине или другим преимуществам. Но здесь он ожидает больше вреда, чем пользы.

Кроме того, план Хвостова составлен по-дилетантски, поскольку министр, оставаясь типичным провинциалом, не способен предвидеть проблем, связанных с убийством в Петербурге. Для выполнения его проекта потребуются ввести в курс большое число людей, и хватит одного, чтобы провалить все дело. Тем более, что все агенты недостаточно надежны, чтобы давать им такие серьезные поручения. Нужно также учитывать, что на Григория Ефимовича тоже работает пять агентур, среди которых шпик Глобичев, придворный агент Спиридович и агенты банкиров, которые действуют на свой страх и риск и ничего не пропустят. Хвостов этому не придает значения, и, естественно, все его планы обречены на провал.

Шеф особой охраны отнесся с вниманием к словам Белецкого, но добавил, что он и сам разрабатывает план убийства Распутина и многие, по мере возможности, готовы их поддержать. Мысли Белецкого он разделяет и считает необходимым предостеречь от совместной работы с Хвостовым. Учитывая доверие, с которым всегда относится к нему помощник министра, он готов поделиться с ним всем, что выведает агенты про тайные грехи Хвостова. Министр в последнее время не раз подчеркивал, что царь против того, чтобы доверять Белецкому охрану Распутина. И нет сомнений, что после запланированного убийства всю ответственность за эту акцию министр возложит на своего помощника.

Затем полковник Комиссаров перешел собственно к плану, заявив, что он имеет все основания считать его дилетантским и невыполнимым, ибо Хвостов свою нижегородскую практику пытается применить и в столице,

После тщательного анализа ситуации помощник министра и начальник особой охраны сошлись на том, что было бы опасно серьезно поддерживать задуманный министром заговор, поскольку он составлен в духе темных провинциальных бандитов. Отсюда возникла необходимость делать все возможное, чтобы провалить замысел министра, ибо не было нужды рисковать собственной шкурой ради эгоистических намерений Хвостова.

Белецкий предложил попросту передать весь план Распутину, но полковник Комиссаров с этим не согласился, так как ни с какими решениями сейчас не хотел связываться и, кроме того, считал, что в этом случае министру ничего не стоит все отрицать. Лучше было бы получить от Хвостова компрометирующий документ, написанный его собственной рукой, и уж потом идти в атаку.

Представлялось необходимым ознакомиться также со всеми намерениями Хвостова, чтобы в нужный момент их нейтрализовать. Они решили, что сейчас им необходимо выиграть время, создавая министру различные помехи, прежде чем наносить удар, а также быть готовыми к защите Распутина, потому что министр мог потерять терпение и пойти на убийство по внеслужебным каналам. Поэтому начальник особой охраны приказал своему заместителю удвоить число агентов и тщательно оберегать старца.

Пока Комиссаров заботился о том, чтобы и волос не упал с головы Распутина, Белецкий взял на себя задачу создавать перед министром видимость небывалого усердия в выполнении плана убийства. Усердие проявлялось главным образом в изложении разных затруднений.

В последующем докладе Белецкий сообщил министру, что согласно существующему порядку все приказы он передал полковнику Комиссарову, а тот должен проинструктировать своих людей. Но не стоит ли подумать и о том, чтобы к убийству Распутина психологически подготовить царский двор и с этой целью обратить внимание царя на растущую в стране антипатию к старцу. Помощник предложил, чтобы министр в Царском Селе указал на то, что греховным образом жизни Распутина вызывает у многих отвращение, и очень трудно поэтому обеспечивать его безопасность. Если после такого предупреждения, что и случится с Распутиным, никто его упрекать не станет.

Министр согласился с Белецким и распорядился собрать документы о старце, необходимые для доклада императору. Белецкий перепоручил эту работу начальнику канцелярии, а тот, в свою очередь, тайной полиции. В результате был оформлен солидный фолиант, который Белецкий и предста-

вил министру. Помощник обратил внимание своего начальника на концовку этого документа, где сыщики сообщали о пребывании старца в Покровском следующее:

«12 июля. Около восьми вечера Распутин с женой служащего синода Соловьева вышел из дома. Они оба сели в пролетку и направились в лес. Там вели себя неприлично и вернулись только через час. По возвращении Распутин был очень бледен».

«13 июля. После бани Распутин направился к жене псаломщика Ермолая, поджидавшей его у окна. Он посещал ее почти ежедневно и имел с нею интимные отношения. Он принимал также жену офицера, которую непристойно обнимал и разгуливал с нею по двору».

«18 сентября. Распутин получил из Петербурга отпечатанное на машинке письмо, в котором было следующее: «У тебя большое влияние на царя, и мы требуем, чтобы ты заставил министров отвечать перед народом. Если этого не сделаешь, мы не станем с тобой церемониться и убьем. Рука у нас не дрогнет, как и у покушавшейся на тебя Гусевой. Нас десять, и мы знаем, как тебя достать!»

Когда министр прочел это последнее донесение, Белецкий обратил его внимание на то, что оно может быть использовано как надежное алиби. Убийство Распутина следует представить делом рук этой «десятки».

Хвостов с фолиантом документов отправился в Царское Село. Возвратившись, он сразу же пригласил к себе помощника и начальника особой охраны, чтобы окончательно установить срок убийства. Когда перешли к деталям плана, Белецкий высказал мысль, что нужно сначала провести генеральную репетицию убийства. Он напомнил о том, что по сообщениям агентов уже однажды двое ревнивцев, угрожая револьверами, ворвались в квартиру Распутина. Белецкий предложил повторить такую же сцену. Если репетиция получится, можно представить убийство, как месть из ревности. Но министру не терпелось, и предложение Белецкого было отклонено. Он велел прийти на следующий день только полковнику Комиссарову и обратился к нему с предложением провести акцию как можно скорее. Учитывая многочисленные трудности с использованием для покушения автомобиля, Хвостов посоветовал Комиссарову, чтобы агенты напали на Распутина во время попойки и задушили. Начальник особой охраны выразил удивление изменением плана и скромно предложил вместо удушения применить яд, поскольку в этом случае нужно меньше соучастников. По его мнению, было бы лучше всего в знак признательности от фиктивного просителя отправить ящик отравленного вина.

План в таком варианте очень понравился министру. Фиктивным просителем, решил он, будет ненавистный ему банкир Дмитрий Рубинштейн. Пусть полиция арестует его как убийцу, и все свершится в лучшем виде.

Но Комиссаров тут же заметил, что Распутин после получения подарка сразу же по телефону поблагодарит Рубинштейна, и заговор окажется раскрытым. Министр с сожалением отказался от такого варианта, но яд приказал раздобыть. Белецкого в курс нового плана он вводить не стал, поскольку тот своими бесконечными размышлениями выводил его из себя.

Комиссаров высказал готовность лично позаботиться о яде. Он решил, что лучше всего отраву добыть в провинции, и немедленно выехал поездом в Саратов, предварительно сообщив обо всем Белецкому. Возвратившись из Саратова, Комиссаров извлек из своей папки аптекарские пузырьки с порошками, поставил рядом на стол министра и пояснил, что все это сильнейшие яды, которые сегодня же вечером нужно испытать. На следующее утро он сообщил, что испытания прошли успешно. Один из препаратов при умерщвлении кошек оказался особенно эффективным, и он подробно описал, в каких страшных мучениях издох кот, получив лишь ничтожную дозу порошка. Министр выслушал полковника очень благосклонно и начал настаивать на быстрейшем переходе от испытаний на животных к отравлению Распутина. Тогда, поскольку уже все решено, полковник попросил разрешения привлечь к делу Белецкого, чтобы не было никаких нарушений служебного распорядка, тем более, что Белецкий все равно в курсе событий. Хвостов, хоть и с раздражением, дал согласие. Белецкий пришел, и его ввели в новые детали плана. Все пришли к решению исполнить задуманное в следующий четверг вечером, притом министр намекнул, что не прочь бы лично участвовать в таком важном деле. Но Комиссаров с Белецким стали возражать против этого, и он с ними согласился. Местом для умерщвления назначили секретную квартиру, в которой Распутин когда-то постоянно встречался с Белецким и Комиссаровым, а иногда и с Хвостовым, если рыбные трапезы у Андронникова по каким-то причинам были нежелательны.

Утром в четверг, когда должно было состояться убийство, министр получил от агентов несколько срочных сообщений о том, что снятие с должности Горемыкина и назначение на его место Штюмерера уже предрешиено, и к вечеру об этом выйдет правительственное постановление. Хвостов пригласил к себе Белецкого, но того нигде не могли отыскать. Тогда он послал людей в секретную квартиру, но та

была на замке. Хвостову стало ясно, что Белецкий и Комиссаров его предали.

Он тут же начал искать, кого бы другого привлечь к покушению, и вспомнил о нападках, которые в свое время предпринимал против Распутина иеромонах Илиодор. Через своего личного агента Ржевского он выяснил, что тот сейчас в Норвегии, страдает от безденежья и ищет издателя для своего памфлета «Святой черт». Министр срочно отправил к Илиодору курьера, предлагая денежную помощь, если иеромонах передаст в его распоряжение оставшихся в России сторонников для участия в убийстве Распутина. Между Хвостовым и Илиодором начался обмен телеграммами, в результате которого договорились, что в Норвегию поедет человек для передачи иеромонаху определенной суммы. Эту миссию министр доверил Ржевскому, уже не раз выполнявшему подобные поручения.

Белецкий и Комиссаров через свою агентуру узнали о замыслах Хвостова и стали принимать контрмеры. У Белецкого в архиве были досье почти на каждого жителя Петербурга, в том числе и документы на Ржевского, по которым того можно было посадить в тюрьму. В итоге личному агенту министра пришлось подчиниться Белецкому и обо всем докладывать.

Посоветовавшись с Комиссаровым, Белецкий решил сместить министра. С помощью Ржевского ему удалось раздобыть компрометирующий материал, подписанный лично Хвостовым. Он приказал агенту, чтобы тот потребовал у Хвостова разрешения на вывоз золота для Илиодора. Министр дал такое разрешение. Белецкий позволил агенту спокойно выехать, но на русско-шведской границе, когда Ржевский вышел из поезда, его обыскали и отправили под охраной обратно в Петербург. Документ с подписью Хвостова у него был изъят. Обыск произвели и в петербургской квартире Ржевского, где были найдены и другие бумаги, компрометирующие министра. Со всеми этими документами помощник министра поспешил сначала к Распутину, а потом к новому премьер-министру Штюрмеру, митрополиту Питириму и Анне Вырубовой, свидетельствуя, что Хвостов замыслил убийство старца.

Положение Хвостова было безнадежным, но он продержался на три дня дольше, чем предполагал его помощник. Это дало ему возможность сместить Белецкого и отправить в далекий сибирский Иркутск.

Но перед отъездом на новое место службы Белецкий встретился с редактором одной из газет и сообщил о деталях заговора. Все было немедленно опубликовано и привлекло

необыкновенное внимание. Подкупив соответствующих чиновников, Белецкий добился, чтобы на редакцию этой газеты не распространялись цензурные запреты. В день выхода публикации разгневанный царь сместил Хвостова.

В то время, как в кабинете Хвостова неделя за неделей разрабатывался план, как побыстрее отправить к праотцам Распутина, старец продолжал жить спокойной и полнокровной жизнью. Как обычно, после утренней молитвы возвращался он к себе на Гороховую и принимался за обычные дела, будучи убежденным, что именно так надо выполнять свой долг «царя царей». День за днем он принимал просителей, отдавал приказы министрам, одаривал бедных, заключал финансовые сделки и брал взятки. Потом садился в автомобиль, отданный в его распоряжение властями, и ехал к министрам, генералам и церковным деятелям, решая первостепенные проблемы и для страны, и для себя.

Бывало, что старца просили в Царское Село, если императору был нужен его совет по важным государственным делам или болел наследник и требовал к себе Григория Ефимовича. Когда он покидал дворец, царь и царица сердечно простились со словами: «Ты наш единственный друг, наш спаситель! Мы любим тебя и никогда не расстанемся!»

Окончив свой трудный день со всеми приемами, конференциями и посещениями, царский друг и действительный властелин земли русской направлялся к своим «посвященным» женщинам, с которыми без конца беседовал о возвышенных вопросах веры и животрепещущих проблемах жизни, между делом лаская их и целуя, а вечером развлекался в одном из любимых ресторанов, где заранее заказывал кабинет. Там он пел и танцевал с цыганами, пил с каждым, кто ему наливал, и с рассветом возвращался, довольный или задумчиво-пьяный, чтобы поговорить в подъезде с агентом или постучаться в дверь к портнихе Кате.

Вот так день за днем продолжались его дела и увлечения, не омрачаемые всеобщим возмущением, интригами и даже планами убийства. Он оставался спокойным и довольным, ибо в его душе все еще жила неистребимая первобытная сила сибирских степей.

Чего только не предпринимали его противники! Но какими бы могучими они ни были, все их усилия оставались безрезультатными. Великий князь Николай Николаевич был первым сторонником старца при дворе, но позже мечтал его повесить. Теперь где-то на далеком Кавказе он мог только вспоминать о потерянной должности верховного

главнокомандующего. Прекрасные «черногорки», бывшие горячие приверженки Распутина, теперь с болью в сердце испытывали лишь досаду и возмущение, когда Григория душевно принимала императрица. А трем духовным сановникам — архимандриту Феофану, епископу Гермогену и страшному иеромонаху Илиодору в далекой ссылке оставалось только сетовать и рассуждать о том, как легко сотворить нового святого и как опасно потом его свергать!

Если Распутин разделался со всеми этими могучими личностями, которые сами же и дали в его руки власть, то как легко было ему самому защищаться от нападков министров и епископов, получивших свои места из его же рук! Григорий Ефимович мог спокойно говорить по телефону плетущему против него интриги архиепископу Варнаве: «Кончай раскатывать на автомобиле! Топай домой босым, каким пришел сюда! Ну, топай!» И он мог быть уверен, что архиепископ задумается над его словами и не станет больше досаждать.

Не очень волновали старца и нападки господ и дам из Думы. Ему было, конечно, неприятно, когда председатель комиссии защиты отечества, богатый купец Гучков громил его в патетических выступлениях или президент Земского союза заявлял, что он во главе государства желает видеть сильную власть, а не «хлыстов». Но от всего этого, и даже от диких поношений лысоголового Пуришкевича у него не прибавилось седых волос.

Именно Пуришкевич отлично знал Распутина и ценил его по достоинству. В свое время часто, очень часто этот гордый представитель крайне правых заходил домой к Распутину и покорно вымаливал министерский пост.

Но «крестьянскому канцлеру» были не по душе и отвратительный голый череп с поблескивающим пенсне на коротком носу, и форма офицера санитарной роты цвета хаки, напоминающая о вечном и никому не нужном кровопролитии. Не мог он терпеть и его словесную трескотню. Все это заставляло воздерживаться от предоставления Пуришкевичу поста министра внутренних дел. Вполне понятно, что со временем именно в Распутине он увидел самую большую беду для России. И когда на фронте пошли сплошные поражения, он, как ярый монархист и сторонник войны до победного конца, приписал неудачи не бездарному командованию русской армией, а темной власти Распутина и его клики.

Но Пуришкевич мог сколько угодно кричать о темной власти Распутина и призывать к ее свержению. Старца этонисколько не заботило, пока царь с царицей не обращали никакого внимания на всю возню вокруг него. Не беспокоил

батюшку Григория и жуткий заговор, готовившийся в личном кабинете министра "Хвостова. От дежуривших в его доме шпиков он знал и про автомобиль, в котором его собирались задушить, и про план с отравленным вином, поскольку все они были с ним на дружеской ноге. Знал он и то, что разные министры, помощники министров, шефы полиции и жандармерии, все его враги скорее сами перегрызут друг другу глотки, прежде чем с ним что-то случится.

И когда взволнованный Белецкий прибежал к нему, нервно теребя золотую цепочку от часов, чтобы рассказать о намерениях Хвостова, Григорий Ефимович разразился дружным раскатистым смехом. Борода его при этом развевалась, как победное знамя. Именно такой исход он и предвидел! То было самое приятное мгновение за все время его господства над Россией. Направленная против него могучая государственная машина не смогла с ним справиться, хотя он сам и пальцем не пошевелил, чтобы остановить ее.

Позже, уютно попивая чай с молодым князем Феликсом Юсуповым и Муней Головиной в салоне ее матери на Зимней Канавке, он с удовлетворением рассуждал, что все интриги оказались по Божьей воле напрасными и Всевышний сохранил его на радость царю и царице.

Муня Головина и ее мать слушали старца как зачарованные. У них не возникло и тени сомнения, что батюшка Григорий — истинный Спаситель и сейчас сам Господь вещает его устами. Поэтому и все происки его врагов заранее обречены на неудачу.

Изредка Муня отводила восхищенный взгляд с Распутина на юного князя. В эти же мгновения оборачивалась к нему и госпожа Головина, как будто все мысли и чувства дочери передавались и ей. Уже давно Муня ощущала, что князь Феликс, к которому у нее было нежное и целомудренное влечение, не разделяет ее святой любви к Григорию Ефимовичу. Она не раз пыталась их сблизить. Благодаря ее усилиям, они и встретились сегодня за чаем. И на этот раз Феликс только из вежливости с подчеркнутым вниманием слушал речи старца. Муня и старая Головина безошибочно чувствовали за этой холодностью произвольную и угнетающую неприязнь. Женщин смущало, когда батюшка Григорию оказывал князю искреннюю и отеческую симпатию. Эта симпатия усиливалась с каждой новой встречей, и было ясно, что Распутин хочет завязать с князем прочную дружбу.

Князю было уже под тридцать, но в облике его продолжало оставаться что-то детское. Он был среднего роста, очень худощавый, гладко выбритое худое лицо оставалось

всегда бледным, с синевой под глазами. Царица очень верно отметила однажды, что выглядит он «совсем как паж».

Манеры князя полностью соответствовали внешности. Он отличался нежной застенчивой кротостью, сразу же очаровавшей старца. Увидев князя впервые, Григорий Ефимович начал с того, что сердечно его обнял. Во время этой встречи батюшка Григорий пользовался любым случаем, чтобы высказать свое расположение. Он почувствовал и ту симпатию, с которой Муня относилась к Феликсу. Прощаясь, Григорий Ефимович дружелюбно посмотрел на молодых людей и отеческим тоном сказал князю: «Ты слушай ее, ведь по духу она твоя жена. Столько доброго о тебе рассказывала. Теперь я вижу, как вы подходите друг к другу!» Позднее он не раз говорил Муне о своей сердечной любви к молодому князю, своему «маленькому другу», как называл его старец.

Но этот «маленький друг», к великому огорчению Муни и ее матери, никогда не отвечал на симпатии Распутина. Уже при первой встрече его покорило, как этот грязный неотесанный крестьянин ведет себя с благоговейными перед ним женщинами, как беспардонно он обнимает и целует Муню и ее мать. Сам Феликс очень нежно относился к Муне — невесте умершего брата, и для него казалось диким, как этот немый мужик грубо ее тискает и целует прямо в губы! При таких сценах кровь ударяла ему в голову и он был вне себя от ярости.

Феликс старался не обидеть Муню. Но однажды все же не удалось избежать разговора о Распутине. Муня, при самой горячей поддержке матери, объяснила, что Григорий Ефимович — святой, в связи с чем его объятия и поцелуи не только не греховны, но даже и священные. Это безграничное обожание показалось Юсупову странным. Он часто слушал рассуждения Распутина о вере, и они представлялись ему совершенно глупыми и запутанными. Но больше всего раздражало Феликса, когда Григорий Ефимович рассказывал о своей дружбе с царем и царицей или высокомерно и презрительно отзывался о министрах, генералах и придворных. И оттого, что этого отвратительного невежу запросто принимают в Царском Селе, всю его душу охватывала дикая ненависть. Вскоре, несмотря на все просьбы и усилия Муни, он стал избегать встреч с Распутиным и по этой причине все реже появлялся у Головиных. Восхищение девушки таким человеком, как Распутин, его раздражало и было совершенно непереносимым.

Глубокая антипатия к Распутину, уже тогда зародившаяся у молодого князя, росла по мере укрепления власти старца. Если раньше об этой власти больше догадывались,

чем знали, то теперь везде только и говорили о безграничном влиянии старца и рассказывали отдельные эпизоды из его походов. Везде встречал он именитых и благородных людей, обиженных Распутиным, свергнутых со своих постов, униженных и посылающих на его голову бессильные проклятья. Князь испытывал радость, что не один он так ненавидит старца.

Наиболее сильное впечатление на князя производили факты о беспутном образе жизни Распутина, его оргиях с дамами из высших кругов общества. И чем больше он слышал о подобных скандальных историях, тем чаще в его памяти появлялась дикая картина. Он с Муней сидит и ведет приятную беседу. Тут шумно врывается этот грязный крестьянин, грубо хватает Муню в свои объятия и начинает ее смачно лобызать.

Дедушка князя Феликса Феликсовича Юсупова происходил из незнатных дворян и носил фамилию Эльстон. Имея привлекательную внешность, ему удалось увлечь дочь графа Сумарокова. Сразу же после женитьбы он получил царское дозволение к своей фамилии присовокупить титул супруги и называться графом Сумароковым-Эльстон. Это имя и звание перешли к старшему сыну, который тоже благодаря прекрасной внешности женился на дочери князя Юсупова и волей императора получил княжеский титул. Отец князя Феликса Феликсовича имел уже два титула — князя Юсупова и графа Сумарокова-Эльстона.

Семья Юсупова была татарского происхождения. Их далекий предок Юсуп Мурза в пятнадцатом столетии состоял на службе у хана Тамерлана. Затем один из его потомков стал камергером Петра Великого, потомки которого, в свою очередь, получили высокие посты в государстве: губернаторов, сенаторов и посланников.

Как дед, так и отец князя Феликса Феликсовича, стремились путем выгодной женитьбы получать все более высокие титулы и увеличивать свое состояние. Если владения Эльстона были совсем невелики, то граф Сумароков стал очень богат. Его значительно превосходили своими владениями князь Юсупов, единственная наследница которого стала женой отца Феликса. В юсуповском дворце были собраны сказочные сокровища искусства и богатейшая в мире коллекция благородных камней. Неисчислимы были также капиталы Юсуповых и их поместья.

Но высшим достижением Эльстонов стала женитьба юного Феликса на Ирине Александровне, племяннице царя, венценосной принцессе, дочери великой княгини Ксении

Александровны и великого князя Александра Михайловича, влюбившейся в прекрасного юного аристократа. Таким образом Феликс Юсупов вошел в круг родственников самого царя.

Феликс Феликсович вел жизнь, соответствующую положению знатнейшего и богатейшего человека России. Следуя традициям Эльстонов, он добился такого, о чем его предки и мечтать не смели. К тому же Ирина Александровна была чрезвычайно прекрасной, возможно даже красивейшей женщиной петербургского общества, что вызывало у всех зависть и удивление.

У Юсупова был преданный друг — великий князь Дмитрий Павлович, офицер третьего лейб-гвардии полка, единственный сын великого князя Павла Александровича. Этот неразлучный друг имел преимущество не только в том, что принадлежал к царской фамилии. Он был известен и как привлекательнейший и элегантный юноша, которым восторгались и которого обожали даже благородные гвардейские офицеры.

Князю Юсупову тоже был приятен по-девичьи нежный великий князь, и он без особого труда завел с ним дружбу, поскольку и сам Феликс был молод, красив, элегантен, гибок и очарователен. Благодаря высокому социальному положению, несчетному богатству и прекрасной супруге он стал любимцем петербургского общества.

Князь всегда оставался в центре внимания как у мужчин, так и у женщин. Кто не богат, не прелестен, уже не юн и к тому же никогда не знал, что такое внимание общества, тому не понять, каким невыносимо тягостным может оказаться обладание большим состоянием, дополненное к тому же красотой и популярностью. Феликс Феликсович имел все, что только мог желать. У него были лучшие в мире благородные камни, дворцы и замки с бескрайними наделами, он достиг самого высокого положения, возможного для человека благородных кровей, его женой стала принцесса царского происхождения, а другом — великолепный великий князь Дмитрий. Состояние высшего счастья, где не могло быть никаких новых чувств, тайн и желаний, создавало ощущение пустоты и отрешенности.

Как и многие другие русские аристократы, князь Феликс и не пытался заполнить свою жизнь возвышенным духовным содержанием и мучился от скуки. Жизнь в богатстве стала для него тюрьмой, о выходе из которой невозможно было даже мечтать, а красавица жена, элегантный друг и роившиеся вокруг него прекрасные дамы и господа воспринимались как тюремные надсмотрщики.

Бедный может надеяться на богатство, нелюбимый — на любовь, униженный — на славу. Для князя был только один выход из духовной темницы — через преступление. И он стал мечтать о преступлении, как узник мечтает о свободе.

Но и совершить преступление князю было труднее, чем любому другому смертному. Незначительное преступление не произведет на его друзей и знакомых никакого впечатления. Ему необходимо было сделать нечто невероятное, чтобы разбудить спящую душу и заставить содрогнуться всю страну. А для этого нужна и достойная жертва.

Во всей России был только один человек, устранение которого стоило подобных усилий. Им был Распутин. Его убийство — вот дело, достойное князя Юсупова!

Мысль об убийстве Распутина, вскоре завладела всем существом Феликса. Теперь оказалось нетрудно подвести под свое решение и моральное оправдание. Нежные нервы князя с первой же встречи не переносили грубого, неуклюжего и заносчивого мужика. И чем больше Юсупов думал о Распутине, тем отчетливее чувствовал, что убийство старца является его патриотическим долгом. Уже сейчас он записал себя в герои, и мысль об убийстве по идейным побуждениям вдохновляла и опьяняла его романтическую душу.

Вскоре до Феликса дошли сведения, что синод установил принадлежность Распутина к секте хлыстов, хотя сам старец это всегда отрицал. Да, не оставалось сомнения, что Распутин получил задание от секты и действовал всегда в ее интересах. Назначение невежественного садовника Варнавы на должность епископа, а потом и архиепископа было не чем другим, как издевательством наглых сектантов над клиром. Ведь сам старец сказал: «Высокомерные и ученые господа и епископы очень рассердятся, что я поставил над ними крестьянина, но я плевал на этих господ и епископов!»

Манера, в которой Распутин выражался о высших церковных сановниках, называя, например, архиепископа Владимира не иначе, как бараньей башкой, могла считаться веским доказательством принадлежности к хлыстам. А его учение о грехе, проповеди о спасении через разврат! Только закоренелый еретик способен так говорить и поступать!

Какой позор для России, главного очага православия, что в ней правит приверженец такой темной и развратной секты! И как подло использует этот Распутин всякую возможность, чтобы подчеркнуть свое презрение к аристократам! Изгнание обер-прокурора Самарина, вождя московских дворян, было лишь первым ударом. Распоясавшись после этой победы, Григорий усилил нападки на самых дос-

тойных членов общества и однажды заявил даже такое: «Наши аристократы кричат о войне до победного! Но они гуляют по Москве и Петербургу, а крестьяне истекают кровью! Пусть и они идут к ним в окопы!»

Огромное влияние Распутина на царскую чету беспокоило верную императору общественность, так как многие видели в этом смертельную опасность для монархии. Куда пойдет Россия, если всемогущий царь и дальше будет подчиняться воле простого мужика?

Князь Юсупов знал о попытках окружения английско-го посла Бьюкенена избавить царя от влияния старца. К этому кружку принадлежали некоторые члены царской семьи, пытавшиеся убедить царя освободиться от Распутина и проводить соответствующую их желаниям политику. Царь очень внимательно выслушивал, но всегда хладнокровно и решительно отклонял подобные предложения. А когда общались о беспорядочном образе старца, царь или царица отвечали: «Его травят из-за того, что мы — любим!» Стало ясно, что этот мужик, получивший при дворе официальный титул «зажигателя светильников», в действительности был властелином империи.

Не раз повторяли, что старец занял такую несокрушимую позицию благодаря тому, что постоянно пророчил царской чете: «Пока я жив, будет жива и царская семья. Умру я, и вы уйдете в могилу!» И царь, и царица этому верили и отклоняли даже мысль о разлуке с другом.

Опора царской четы на Распутина была не по душе националистически настроенным кругам, и они пытались состряпать доказательства, что тот якобы является немецким шпионом. Цензура не пропускала подобные материалы в печать. Однако газета правых сумела опубликовать сообщение о том, что русское весеннее наступление захлебнулось в «распутице и грязи». Цензор намек не понял, но любой житель Петербурга хорошо догадывался, о чем идет речь.

Многое из того, что рассказывали о Распутине, оказывалось либо злостным извращением, либо обыкновенным домыслом. Тем не менее всякое порочившее старца сообщение было желанным для князя. Кто хочет совершить преднамеренное убийство, тот пытается подвести под него «идейные побуждения».

Распутин был в России, конечно, не первым, кто противозаконно влиял на государя, брал взятки, устраивал оргии, назначал и смещал министров не по деловым, а по сугубо личным соображениям. И в своих заблуждениях Григорий Ефимович был похож на тех, кто до и после него оказывал большое влияние на судьбу России. Тем не менее князю

Феликсу не стоило значительных усилий проникнуться убеждением, что старец один виноват во всех несчастьях и что задуманное убийство станет не только разрядкой для застоявшейся нервной системы, но и национальным подвигом, означая освобождение царя и Российской империи от роковой темной силы. И он начал необходимые приготовления к убийству.

Ситуация на фронте ухудшалась. Поражения следовали одно за другим. Заметно падало настроение у населения. Праворадикальные круги империи были в отчаянии. Если произошла беда, нужно искать козла отпущения. Не получивший министерского поста крупнейший землевладелец и депутат Думы Пуришкевич свалил все несчастья на одного Распутина. А так как он был одаренным оратором, его яростные атаки на старца вызвали колоссальный резонанс в обществе.

Когда в конце 1916 года князь Юсупов прочел чрезвычайно острое выступление Пуришкевича, он понял, что именно с этим человеком нужно объединиться. Пуришкевич принимал активное участие в деятельности русского Красного Креста и руководил собственным санитарным поездом, стоявшим почти всегда в Петербурге на вокзале, где в одном из вагонов находилась его канцелярия. Именно там нашел депутата Юсупов и предложил свой план. Пуришкевич план горячо одобрил и предложил свои услуги.

В тот же вечер состоялось еще одно обсуждение. На нем князь посоветовал подключить к этому грандиозному делу своего друга великого князя Дмитрия Павловича, увлекающегося «Дорианом Греем» Оскара Уайльда и подобными произведениями. Он считал, что это будет соответствовать устремлениям высокого друга. Самое же главное то, что члены царской семьи подвластны только царю, а не закону. Этот правовой иммунитет распространялся на всех участников покушения. Как ярый монархист, депутат Думы с восторгом принял предложение, поскольку тогда их патриотический поступок служил бы и во славу царской фамилии.

Когда вопрос о привлечении великого князя был решен, Пуришкевич предложил привлечь к заговору также своего ассистента по санитарному поезду доктора Лазоверта. Кроме врача, предполагалось также участие кавалерийского офицера Сухотина и Нефедова, камердинера князя.

Элегантный великий князь участвовать в убийстве сразу согласился. С тех пор, как было отменено крепостное право и гуманные предрассудки Запада укрепились и в Рос-

сии, для русских великих князей не стало никакой возможности шекотать свои нервы. Охотиться и убивать зверье уже наскучило, и неудивительно, что Дмитрий с удовольствием ухватился за возможность угробить человека. Как всегда, великий князь слепо подчинялся своему другу, не вникая в подробности затеянного Феликсом дела.

План покушения на Распутина был рассчитан прежде всего на доверчивость Муни Головиной и ее матери. Феликс Феликсович знал, как уязвляла Головиных холодность, с какой он относился к глубоко ими уважаемому батюшке Григорию, притом несмотря на явную сердечную привязанность старца к «маленькому другу». Муня постоянно прилагала усилия, чтобы сблизить мужчин, да и Распутин всегда просил, чтобы она вместе с ним приглашала и князя.

Феликс верно оценил ту очевидную симпатию, которую питали к нему старец и Муня. Она давала возможность заманить жертву в ловушку. Конечно, имелись некоторые детали, вызывавшие у Юсупова неприятные чувства, и среди них — необходимость пойти на обман достойнейшей любви и уважения девушки. Но угрызения совести тут же исчезали, как только князь начинал думать о «высших целях» своего намерения.

Обожавший декадентскую литературу, благородный юноша, предвкушая грядущие события, уже сейчас чувствовал приятное возбуждение. Встретиться с жертвой лицом к лицу и вот так запросто умертвить ее — было не во вкусе тонкой натуры молодого человека. Его интересовали преступления, совершенные с особой хитростью и коварством. И то, что он замыслил, должно быть совсем не похожим на нецивилизованные и неэстетические повседневные убийства.

Используя Муню, князь Юсупов начал подготовку к встрече с Распутиным. Другие участники заговора занялись решением технических задач — подбором яда и заготовкой тяжелых цепей, которыми предстояло обвязать труп Распутина перед тем, как он будет спущен в прорубь на Неве. Раньше Феликс очень редко посещал Головиных. Теперь же он использовал всякую возможность, чтобы появиться у них и поинтересоваться Распутиным. Намеками он дал понять, что не возражал бы снова встретиться со старцем, поскольку все, что сообщили об этом удивительном и святом человеке Муня и ее мать, произвело на него большое впечатление.

Через несколько дней, после принятия окончательного решения об убийстве, Муня по телефону попросила прийти князя на следующий день на чай и сообщила, что Распутин

тоже приглашен. Феликс даже испугался той легкости, с которой удастся план. В то же время его смущала непосредственность Муни, радующейся этой встрече. Но, вспомнив об «идеальных мотивах», он преодолел колебания и сказал, что обязательно придет.

На следующий день, появившись в салоне Головиной, он почувствовал, с каким волнением мать и дочь ждут свидания с Распутиным. Чуть позже появился и старец. С улыбкой во все лицо он поспешил к князю с объятиями. Обычно недоверчивый, Григорий Ефимович настойчиво домогался расположения князя, осыпая его неуклюжими любезностями и пытаясь очаровать сердечностью. Но он и не подозревал, что «маленький друг» оставался равнодушен ко всем его стараниям.

Сейчас Феликс вел себя, как будто ему приятно дружеское расположение Распутина, но в душе этот мужик оставался для него отвратительным, как и раньше. Тем более, что с Муней и ее матерью старец держался, как обычно, развязно и по-прежнему высокомерно отзывался о знати. «Стоит мне раз ударить кулаком по столу, и все идет так, как мне надо! — хвастался он. — Это единственный способ разговора с вашими аристократами! Им не по нутру, как я в грязных сапогах по дворцу топаю. Они гордые, и в этой гордости их главный грех! Кто хочет предстать перед Господом, должен унизиться!» Князь особенно возмутился, когда Распутин отеческим тоном осмелился спросить, не собирается ли он на фронт.

Юсупов прилагал героические усилия, чтобы не показать своего отвращения. Он улыбался и делал вид, что принимает ласку Распутина, чувствуя, что таким способом завоевывает большее расположение будущей жертвы. Когда старец ушел, вызванный по телефону, князь договорился с Муней о новой встрече с ним. Уже на следующее утро она позвонила «маленькому другу» и передала просьбу Распутина, чтобы он в следующий раз захватил с собой гитару. Отец Григорий наслышан, как прекрасно Феликс поет цыганские романсы. В этот момент князю показалось, что ему действительно помогают потусторонние силы, подсказывая, какое оружие взять в руки. Ведь было известно, что ничем другим невозможно так легко вызвать любовь старца, как музыкой, пением и цыганским хором. Григорий Ефимович, этот грубый сибирский крестьянин, первобытный сын степей, имел странную слабость к танцам, пению и играм. И каким бы сердитым он ни был, сразу же смягчался, услышав струнный перебор или прекрасный голос. В свое время Юсупов уже наслышался о том, как толстяк Хвостов на «Вилле Ро-

де» благодаря своему басу в момент заставил Распутина забыть старую обиду и завоевал симпатию.

Князь Юсупов сразу понял, что гитара в руках и цыганские романсы — кратчайший путь к цели. И если старец почувствует недоверие, его легко развлечь игрой или песней. Как убийца берет свое оружие, так и Юсупов каждый вечер брал гитару и шел в дом Головиных на Зимнем канале, где его с нетерпением поджидали беззлбный старец, наивная Муня и ее старая мать.

Сидя за чаем и лаская крошку Муню, Распутин поинтересовался, принес ли Юсупов инструмент. И когда тот ответил утвердительно, умоляюще попросил что-нибудь спеть. Феликс содрогался от внутреннего отвращения, глядя на этого самодовольного мужика, но, подавляя себя, приветливо улыбнулся, взял гитару и начал выступление. Григорий Ефимович слушал, откинувшись в кресле, и его морщинистое лицо светилось детским счастьем. Он просил все новых песен, и Юсупов без устали тешил его то лихой, то печальной игрой.

Утром 16 декабря князь Феликс отправился в свой дворец на Мойку, чтобы закончить последние приготовления к убийству, которое должно было произойти сегодня вечером. Игра на гитаре сделала свое дело, и Юсупов знал, что ему удалось завоевать полное доверие Распутина. С того вечера в доме Головиных, когда он впервые стал развлекать Григория Ефимовича игрой и пением, тот стал считать его преданнейшим другом. Кроме того, князь часто посещал старца на Гороховой, чему старец особенно радовался, считая это со стороны князя проявлением беззаветной любви. Феликс приходил к нему под предлогом болей в груди, которые нужно якобы было лечить чудодейственными магическими силами. В эти же дни он встречался и с участниками заговора, ведущими подготовку к убийству.

На многочисленных совещаниях Юсупов с Пуришкевичем подробнейшим образом обсудили детали покушения, назначив его на 16 декабря. Для убийства было выбрано нежилое подвальное помещение дворца Юсупова на Мойке: из под его массивных сводов никто снаружи не услышит подозрительного шума. Был найден и повод, по которому будет заманен старец. Тот давно выражал желание познакомиться с юной красавицей Ириной Александровной, и это обстоятельство оставалось пока свободным звеном в плане князя.

Хотя Ирина Александровна сейчас была в Крыму, Юсу-

пов сказал Григорию Ефимовичу, что она желает его видеть, поскольку чувствует себя неважно и будет рада, если он ее полечит. Принимая все за чистую монету, Распутин очень обрадовался и с удовольствием принял приглашение на вечер 16 декабря. При этом Феликс намекнул, что его родители не могут быть к этому благосклонны и встретиться нужно в позднее время, чтобы они ничего не знали. Ослепленный доверием и расположением, Распутин, несмотря на всю свою хитрость и осторожность, клюнул на такой довольно сомнительный намек и пообещал, что никому не скажет, где проведет вечер.

Получив нужное обещание, князь начал очень осторожно готовить все необходимое для осуществления убийства. Подвальная комната, в которой намечалось покушение, раньше была частью винного погреба. Сейчас он оклеил ее обоями и имитировал под столовую. Помещение было с каменным полом и низким сводчатым потолком, узкие окна выходили на уровень тротуара улицы Мойки.

Удача зависела от того, сможет ли он сделать так, чтобы комната казалась постоянно обитаемой. Поэтому Феликс из кладовок занес туда прекрасные предметы обстановки: резные покрытые кожей стулья, столы и шкафы, и среди них изысканно инкрустированный шкаф с зеркалами и бронзовыми колонками внутри. С помощью слуги Нефедова Юсупов повесил на окна шторы, покрыл каменный пол дорогими персидскими коврами и медвежьими шкурами, поставил на огромный камин несколько позолоченных кубков, старинных блюд из майолики и фигурок из слоновой кости, а посреди комнаты поместил стол, за которым должен был состояться последний ужин старца. Он поручил слугам накрыть стол на шесть персон, с чаем, пирожными и вином, а затем отправиться подальше и не появляться до утра.

На всю эту подготовку потребовался день. Был уже поздний вечер, когда на столе загудел самовар. Прежде такое неприветливое помещение, теперь, когда его оживляли ковры, темно-красные портьеры и пылающий в камине огонь, казалось очень уютным. Здесь собрались уже все заговорщики. Доктор Лазоверт натянул резиновые перчатки и открыл небольшой пузырек, в которм, как он утверждал, был цианистый калий. Растерев кристаллик яда между пальцами, он взял шоколадное пирожное и удалил верхнюю часть. Щедро посыпав нижнюю часть препаратом, он поставил верхушку на место. По его словам, доза отравы была достаточна, чтобы отправить на тот свет всех присутствующих.

Перед тем, как покинуть комнату, заговорщики постарались создать видимость, что в комнате за чаем только что

побывала большая компания, для чего отставили стулья от стола, смяли ковры и налили немного чая в чашки. Затем они еще раз обговорили обязанности, которые будет выполнять каждый из них в процессе убийства. Слонявшийся без дела великий князь деятельного участия в самом убийстве принимать не пожелал. Верноподданный Пуришкевич тут же подчеркнул деликатное чувство предела, свойственное члену царской семьи, и высказал мнение, что принц царской крови не вправе пачкать свои руки нечистой крестьянской кровью. Он должен оставаться лишь зрителем. Было решено также, что Юсупов один отравит Распутина, в то время как остальные заговорщики будут находиться в рабочей комнате князя над подвалом. Чтобы развезть остатки недоверия у Распутина, наверху завели граммофон, будто веселая компания только что покинула комнату.

Чтобы подчеркнуть гостеприимство, князь решил сам приехать за жертвой. Чтобы не было лишних свидетелей, доктор Лазоверт взял на себя обязанности шофера. Юсупов надел доху из северного оленя и спрятал лицо под черной мохнатой шапкой с опущенными ушами. Они сели в автомобиль и по Фонтанке двинулись к Распутину.

Как это часто бывало, утром 16 декабря Распутин явился домой крепко выпившим, чувствовал себя разбитым, в связи с чем свою ежедневную программу по возможности ограничил.

В десять утра позвонил Анне Вырубовой, что стоило ему больших усилий, так как язык плохо слушался. Потом принял нескольких посетителей и в сопровождении агентов сходил в баню, чтобы окончательно протрезвиться. Около полудня он приветствовал пришедшую к нему верную маленькую Муню, направился в спальню немного отдохнуть и только к вечеру появился у страстно его поджидавших «посвященных». Настроение совсем улучшилось, когда получил телеграмму, в которой сообщалось, что царь назначил его подопечного Добровольского министром юстиции.

Муня спросила, что Григорий Ефимович собирается делать дальше, так как хотела бы побыть с ним как можно дольше. Сегодня ей почему-то тяжело расставаться с возлюбленным батюшкой. На это Григорий Ефимович с плутовской улыбкой объяснил, что собирается уйти, но куда — секрет.

«Я, кажется, догадываюсь,— сказала Муня нежно,— и я пойду с тобой, хочешь ты этого или нет!»

Старец ласково ей возразил: «Нет, нет, голубка, туда где я сегодня буду, тебе нельзя!» Он поцеловал Муню в губы,

перекрестил и, прощаясь, произнес: «Благослови тебя, Господь, моя душенька, а теперь иди!»

С неохотой Муня простилась и покинула квартиру Распутина. Но на то была его воля, которой не подобало противиться. На лестнице Муня повстречала Анну Вырубову, спешившую к Распутину. На ходу Муня ей сообщила, что Григорий Ефимович уходит и ведет себя как-то таинственно, и не могла бы Аня выяснить, что же такое он затеял.

Вырубова пришла к старцу по поручению царицы, чтобы передать святой образок из Новгорода. Довольный таким вниманием, он поставил образок рядом с украшенными лентами иконами и зажег перед ним лампадку. Потом объяснил Ане, что министр внутренних дел Протопопов пригласил его по срочному делу и ему уже пора уходить.

Вырубова попросила сообщить, где он собирается провести эту ночь. Недолго поколебавшись, старец посвятил Аню в свою тайну, поскольку знает, как она верна, молчалива и понятлива.

Аня была в недоумении. Если Юсуповы стесняются приглашать Григория Ефимовича открыто, то они должны были вообще отказать ему в приеме. Но он ссылся прямо таки на детскую любовь, которой вдруг воспылал к нему князь Феликс в последнее время. Рассказывал он и о том, как князь умолял помочь его больной жене, что он отклонить не в праве, так как Господь наделил его даром исцелять болезни. Под напором Ани он пообещал, что посещение перенесет на другое время, но сделал это только ради ее успокоения, твердо решив ехать к Юсуповым. Ведь он же обещал! Аня совсем недолго побыла у батюшки Григория, потому что царица попросила ее в тот же вечер прийти к ней и рассказать, как поживает «дорогой друг». Уходя, она обернулась в дверях и еще раз попросила: «Батюшка, не езжай к Феликсу, ты ведь обещал!»

Оставшись один, Распутин позвал служанку, крестьянскую девушку Катю Иванову, с некоторого времени взявшую на себя его домашние дела, и велел принести новую рубаху из голубого шелка, расшитую васильками, а также хорошенько почистить высокие сапоги — в этот вечер он должен быть особенно нарядным. Одевался он очень тщательно, как будто готовился на Пасху в церковь.

Но когда застегивал верхнюю пуговицу рубахи, негибкие крестьянские пальцы не могли справиться. Напрасно старался он перед большим зеркалом, где обычно прихорашивались его посетительницы. Проклятую пуговицу никак не удавалось одолеть, и старец безбожно бранился. В конце концов он, как беспомощный большой ребенок, забежал на

кухню и стал жаловаться, что княгиня Шаховская пришла слишком большую пуговицу.

В тот момент, когда Катя встала на скамеечку, чтобы застегнуть рубаху, раздался звонок с черного хода. Катя спрыгнула со скамеечки, подбежала к двери и доложила, что прибыл его сиятельство министр Протопопов. После того как Григорий Ефимович сместил предавшего его Хвостова и назначил министром внутренних дел Протопопова, тот стал его частым гостем и нередко обсуждал с ним важнейшие правительственные вопросы. Он всегда заходил через черный ход и сразу направлялся в рабочую комнату старца, стараясь, чтобы никто посторонний его не заметил. На этот раз министр выглядел очень растерянным, весь дрожал и тяжело дышал. Лицо его осунулось и было смертельно бледным, глаза безумно блестели. Распутин подумал, что противники Протопопова, возможно, и правы, утверждая, что он помешанный. Но Протопопов был честным и набожным, что для старца оставалось самым важным.

Григорий Ефимович с приветливой улыбкой обнял министра, расцеловал, сказал успокоительно: «Ну, что с тобой? Подлецы в Думе опять задали трепку?» — и провел гостя в кабинет. Там Протопопов снова бросился ему на шею, обнял, расцеловал и возбужденно заговорил: «Григорий Ефимович, умоляю тебя, не ходи с завтрашнего дня один! Я распорядился, чтобы мои агенты усилили охрану твоего дома. Злые люди замыслили тебя убить! Заклинаю будь осторожен, не ходи без сопровождения, не посещай рестораны, никуда не заходи! Я боюсь злодеев!»

Распутин молча выслушал министра. И правда, набожный и хороший человек этот Протопопов, думал он, но иногда, действительно, не ведает, что творит! Стоит сейчас взглянуть на него, и ясно, что нельзя его принимать всерьез! «Добрый ты человек, мой дорогой, — сердечно стал успокаивать Протопопова старец. — Но я вижу, сейчас ты слишком взволнован!» — и с подчеркнутым спокойствием взял руку министра, погладил ее твердым убежденным тоном продолжил: «Не бойся за меня, я в руках Божьих, и никто не в силах сделать мне плохо, не будь на то Его воля! Иди домой, мой дорогой, и хорошенько выспись. Сегодня мне предстоит кое-что очень важное!»

Министра эти слова заметно успокоили. Расчетливое и уверенное поведение старца сняло чувство страха. «Опять новая зазнобушка?» — шуточно спросил Протопопов, собираясь уходить. Но Григорий Ефимович не отвечал и, улыбаясь, открыл дверь черного хода: «Иди, иди, мне надо еще одеться!»

Только Протопопов ушел, как снова позвонили, и пришла «сестра Маша» — высокая роскошная блондинка примерно двадцати пяти лет, одетая в элегантное манто. В последнее время она часто бывала у Распутина, но близко ее никто не знал и в доме иначе, чем «сестра Маша», не называл. Старец терял терпение и быстро выпроводил ее из дома. Наконец, он выключил свет в кабинете и, освещенный призрачным светом лампад, в одежде улегся на кровать.

В одиннадцать часов возвратились домой маленькая племянница Анюшка и его дочь, гостившие вечером у знакомых. Как обычно, перед сном они зашли в кабинет Григория Ефимовича, чтобы пожелать спокойной ночи. Он лежал на кровати одетый, в сапогах, с открытыми глазами. Немного испуганные его необычным видом, они спросили, что он собирается делать. Старец долго молчал, потом произнес: «Я еду к «малышу». В полночь он за мной заедет, но об этом никому ни слова, ясно, дети? Слышали? Никто не должен знать, в особенности Муня!» — и, приложив палец к губам, шуточно им пригрозил.

Чуть позже зашла и Катя узнать, не нужно ли еще что-нибудь. Но он велел ей ложиться спать и не беспокоиться, если попозже кто-то постучит в заднюю дверь. Катя ушла, но подумала, что в его поведении есть что-то странное, и решила не спать. Ей было любопытно, что же задумал хозяин среди ночи. Долго ждать не пришлось. С черного хода раздался звонок, и Катя слышала, как Распутин старался безшумно пройти в тяжелых сапогах на кухню, чтобы открыть дверь.

Кате на мгновение удалось высунуть голову из алькова, где она спала, и увидеть позднего посетителя. То был высокий стройный мужчина, одетый в доху и черную шапку, закрывавшую лицо. Боязливо и осторожно оглянувшись, он тихонько спросил: «Ты один? Нас никто не слышал?» По голосу Катя узнала, что это не кто иной, как «малыш» в последнее время часто здесь бывавший. Имени его она не знала, но ей было известно, что его жена — великая княгиня. Мужчины переговаривались очень тихо, и служанка только и поняла, что Григорий Ефимович спросил: «Почему ты так тепло нарядился?» «Малыш» в ответ произнес что-то неразборчивое, после чего старец взял его под руку и повел в рабочую комнату. Катино любопытство было удовлетворено, и она легла спать.

Когда Григорий Ефимович с Юсуповым зашли в рабочую комнату, он сказал: «Здесь вечером был Протопопов и сообщил, что скверные люди желают меня убить!» Он натянул пальто, выдвинул ящик стола и взял деньги. Юсупов с

любопытством разглядывал пачки банкнот. Распутин пояснил: «Моя Матрена скоро выйдет замуж за офицера. Я должен дать за ней хорошее приданое!» Он аккуратно закрыл ящик и задул свечу.

При этих словах Феликсу стало невыносимо стыдно. Он понял, как позорно убивать безоружного человека, заманив гостеприимством в свой дом. На секунду даже появилась мысль отказаться от своего плана, но он понял, что не сможет подвести других участников заговора, вспомнив о «патриотических целях», и все колебания были преодолены.

Наконец, Григорий Ефимович закончил приготовления к уходу, запер двери, ласково взял под руку Феликса и осторожно повел по неосвященной лестнице.

Чувствовавшему угрызения совести князю тем не менее казалось, что старец вцепился в него железными клещами. Тьма на лестничной клетке угнетала, и путь во двор был для него бесконечным. Наконец, они вышли и сели в большой, окрашенный маскировочной серой краской автомобиль, в котором за рулем неподвижно сидел доктор Лазоверт. В автомобиле Юсупов тоже очень нервничал и беспрерывно смотрел в заднее стекло, опасаясь преследования. Но улица была совершенно безлюдна. Лазоверт на большой скорости переулками вел машину на Мойку. Он въехал во двор двorca у бокового входа.

На верхнем этаже граммофон играл американскую танцевальную песенку. Распутин с удивлением остановился и поинтересовался: «Что это значит? У тебя компания?»

Феликс его успокоил: «Нет, это друзья у жены. Они скоро уйдут. Пойдем в столовую, выпьем по чашке чаю!»

Распутин доверчиво спустился с князем в так называемую столовую. Его очень заинтересовал шкаф с зеркалами и колонками. С детским восторгом он открывал и закрывал маленькие дверцы и рассматривал, что внутри. Юсупов пригласил его за стол.

Зашел разговор об общих знакомых — Головиных, Анне Вырубовой и, наконец, о царской чете. Феликс нервничал, и ему все время казалось, что его гость ведет себя как-то недоверчиво. Он опять вернулся к визиту Протопопова, пытаясь узнать, чем министр был так напуган.

Распутин пояснил: «Я как бельмо в глазу для многих, потому что всегда говорю правду. А ваши аристократы лопаются от зависти и злобы! Но почему я должен их бояться? Им до меня не добраться! Сколько раз хотели меня извести, но Господь рушил их подлые планы!»

Юсупов смущенно слушал. Ему казалось, что крестьянин над ним издевается, и его сознание сверлила только одна мысль — как побыстрее с ним разделаться. Он налил старцу чашку чая и предложил пирожное, но не черное — сразу на это у него не хватило мужества, а розовое. Спустя минуту он преодолел нерешительность и с сердечным радушием поднес тарелку с отравленными пирожными. Григорий Ефимович тут же съел несколько штук.

С содроганием ждал князь изменений в облике Распутина, так как, по заверению доктора Лазоверта, цианистый калий действует мгновенно. Но старец продолжал разговор как ни в чем не бывало. Крайне обеспокоенный князь взял поднос, на котором стояли стаканы с отравленным вином, и предложил Распутину отведать этот чудесный напиток из знаменитых крымских погребов Юсуповых. С явным удовольствием Григорий Ефимович опорожнил все стаканы. Хозяин стоял перед ним, наблюдая каждое движение и надеясь увидеть, как он упадет замертво. Но ничего не менялось. После короткой паузы гость попросил еще вина. Феликс наполнил отравленным вином еще несколько стаканов, старец опорожнил и их без всяких последствий.

Гость и хозяин сидели напротив. Напрасно князь ломал голову, пытаясь понять, почему яд оказался бессильным. Или у доктора Лазоверта были какие-то свои цели? Или он перепутал цианистый калий с чем-то другим? А вдруг этот Распутин и есть сверхчеловек, способный без вреда для здоровья принимать любые дозы яда? Последнее казалось совсем невероятным!

Он еще раз присмотрелся к гостю, и снова ему показалось, что в глазах старца появилось недоверие. Юсупов встал и взял висевшую на стене гитару. Григорий Ефимович счастливо улыбнулся и умоляюще попросил: «Ну, сыграй что-нибудь веселое! Я так люблю твои песни!»

Князь Феликс пел и играл. Подчеркнуто сладким, льстивым голосом исполнял он одну за другой цыганские песни. Старец улыбался и слушал. Как только князь пытался остановиться, он просил продолжать. Лицо его просветлело, как у настоящего святого.

Расположившиеся этажом выше остальные заговорщики стали терять терпение. Чтобы вызвать к себе Юсупова, они устроили шумную возню. Распутин обратил внимание на это и спросил, что там происходит. «Должно быть, гости от жены расходятся!» — нашелся князь. И, довольный тем, что появился повод уйти из комнаты, добавил: «Я поднимусь туда и погляжу, что там случилось!» Он ушел, чтобы взять наган. Может, пуля возьмет старца?

Распутин по-прежнему вел себя смиренно и дружелюбно. Он был убежден, что по возвращении Феликс снова возьмет гитару и развлечения продолжатся. До чего же сладко слушать, как поет этот приятный мальчик!

Служанка Катя Иванова проснулась, как всегда, в пять утра. Выполняя свои повседневные обязанности, она пришла в кабинет хозяина, чтобы почистить его одежду и сапоги. Но кровать была пуста.

Раньше не раз случалось, что в это время Григорий Ефимович еще не приходил. Но странное поведение старца прошлой ночью, таинственное посещение с маскировкой и тихий разговор шепотом вызвали у Кати подозрение. Ее вдруг охватил ужас. Она вбежала в комнату к девочкам, разбудила Матрену и закричала: «Марья Григорьевна, мне страшно! Григорий Ефимович не вернулся!»

В полудреме выслушала Матрена эти слова, вспоминая, что ей говорил отец вечером. Страх Кати вызвал у нее только раздражение: «Глупости! Отец ушел к «малышу» и заночевал у него!» Она повернулась на другой бок и снова заснула.

Но в семь утра, вне себя от страха, Катя снова растолкала ее и в ужасе выдавила: «Полиция!»

Тут и Матрена испугалась. Она быстро встала, разбудила сестру, переоделась и вышла в смежную комнату, где ее ожидали сыщики. Служащие интересовались, куда отправился ночью Григорий Ефимович и всеми подробностями его ухода. Матрена сообщила, что отец был приглашен к «малышу». Варя и Анюшка это подтвердили, а Катя рассказала о закутанном в доху посетителе. Полицейские пригласили также дворника и слонявшихся на лестнице агентов. От них узнали, что в полночь подъезжал большой военный автомобиль, окрашенный в защитный серый цвет. Из него вышел господин в дохе и поднялся к Распутину по черной лестнице.

Все эти данные служащие полиции старательно записали в свои блокноты и ушли, не объяснив испуганным обитателям квартиры, чем вызван допрос. Едва удалились служащие, Матрена позвонила по телефону Муне. Та успокоила ее, объяснив, что Григорий Ефимович провел ночь у Феликса Юсупова и причин для беспокойства нет. Там он заночевал и, видимо, скоро вернется домой.

Примерно в восемь утра, как обычно, появились первые просители: крестьяне из отдаленных губерний с коряво написанными прошениями в руках, средние и высшие чиновники, желавшие получить протекцию старца, предприниматели, несчастные вдовы, матери больных детей, генералы,

простые солдаты, епископы, монахини и падшие женщины с ярко накрашенными губами. Они надеялись, что посещение старца все у них изменит к лучшему — они получат нужное назначение, пенсию, денежную помощь, концессию или просто благословение на счастье и отеческий поцелуй.

К десяти утра просители заполнили уже всю прихожую. Но Григорий Ефимович все не возвращался. Проходившие мимо просителей домочадцы не обращали внимания на их вопросы. Иногда открывалась дверь столовой и оттуда с беспокойством выглядывала одна из поклонниц. Дверь таинственного кабинета, в котором старец занимался с хорошенькими посетительницами, была открыта настежь — всем было не до нее. Посетители наконец-то смогли увидеть обстановку кабинета: простую железную кровать с меховым покрывалом, рукомойник и украшенные лентами образа святых на подоконнике. Этот таинственный кабинет, на который раньше зачарованно смотрели гости, когда за его дверью исчезал Распутин с дамой, сегодня выглядел совсем буднично, как самая обычная комната.

В десять, как всегда, зазвонил телефон. Это был звонок из Царского Села. Если раньше служащие или одна из поклонниц спокойно подходили к аппарату, чтобы позвать старца, то сегодня звонок вызвал большое беспокойство.

К телефону поспешили сразу несколько человек, но, начав разговор, дверь в прихожую приоткрыли, так что посетители ничего не смогли услышать. Их охватило некоторое беспокойство, так как никто не мог объяснить, почему старец так задержался, почему все домашние так взволнованы и разговаривают только шепотом. И обычный гул голосов в прихожей тоже сменился возбужденным перешептыванием.

Около одиннадцати появилась Муня Головина со своей матерью. Узнав, что Григорий Ефимович все еще не вернулся, она слегка побледнела. Губы ее задрожали, и она тут же побежала звонить в ближайшую овощную лавочку, так как сочла неудобным воспользоваться квартирным телефоном. Вернувшись, она сообщила, что князь Феликс утром ушел из дома и до сих пор не появлялся. Она разговаривала с камердинером, который больше ничего не знает.

Как застывшие сидели женщины в столовой за столом. Тут опять зазвонил телефон, и Катя сообщила, что князь Юсупов желает говорить с Матреной. Но та была вне себя от страха и возбуждения, и к аппарату подошла старая Головина. Женщины слышали, как взволнованно она беседовала на английском, а затем смертельно бледная вернулась к столу. Дочери она прошептала, что, как утверждает Феликс, Григория Ефимовича этой ночью у него не было.

Сообщение вызвало всеобщее замешательство. Дочка и Анюшка в один голос утверждали, что Григорий Ефимович совершенно ясно сообщил, что направляется к «малышу», да и Катя вполне определенно в ночном посетителе его узнала. Полностью сбита с толку госпожа Головина пыталась утверждать, что они ошиблись. Никто ей не верил, и всех охватило чувство беспомощности и отчаяния.

Потекли мучительные часы ожидания. Наконец, появилась Катя и сообщила, что пришел епископ Исидор, с утра занимавшийся поисками пропавшего старца, и полицейский. Они попросили разрешения поговорить с Матреной. Полицейский положил на стол коричневую калошу и деловым тоном спросил Матрену: «Вы дочь Григория Ефимовича Распутина? Признаете эту калошу марки «Треугольник», размер 10, собственностью вашего отца?» Матрена взяла калошу в руки, несколько секунд пристально ее изучала и вместо ответа горько разрыдалась. Тут подошли Варя, Анюшка, Головина и поклонницы старца. Все узнали калошу Распутина.

Выполняя свой долг, служащий полиции сообщил, что в полдень охранник Петропавловского моста, приняв во внимание сообщение двух рабочих, обнаружил эту калошу и следы крови между третьей и второй опорами. Об этом незамедлительно было доложено в полицию, околоточный надзиратель прибыл на место, забрал калошу, изучил ее и велел провести опознание.

Но никто не слушал полицейского. Дочери старца безутешно рыдали, поклонницы бились в истерике, а Катя, как помешанная, вопила и бегала по комнатам.

Шептавшиеся в прихожей просители вдруг заговорили в полный голос. Именитым генералам и высокопоставленным служащим вдруг захотелось поскорее уйти. Жив или убит Григорий Ефимович — это не так уж важно. Главное — не попадаться на глаза полиции, чтобы себя не скомпрометировать. Бедняки, крестьяне и мелкие чиновники, напротив, медлили с уходом. Некоторые из них начали заходить во внутренние комнаты. Вскоре комнаты заполнились любопытными и сочувствующими. Двери уже не запирались, люди подходили и подходили. Всюду слышались рыдания, всхлипывания и крики отчаяния.

Кто-то возбужденно рассказывал, что уже в начале месяца старец ясно предчувствовал, что должен умереть ужасной смертью. Кто-то другой спешил поведать, что Григорий Ефимович не отпустил сына Митю на Рождество в Покровское, сказав: «Митя, не надо ехать, а то меня больше не увидишь, Я не доживу до Нового года!»

Появилась полиция. Тайные агенты перерыли шкафы, пересмотрели бумаги, опечатали письменный стол и многие пакеты, допросили секретарей Распутина. Они искали золото и сказочные сокровища, а также письма царицы, чтобы сдать на хранение.

Закончив обыск, агенты потребовали всех оставшихся посетителей покинуть квартиру. Возбужденная толпа перешептывающихся или орущих бедняков — мелких чиновников, солдат, пожилых женщин, крестьян и монахинь — двинулась на лестничную клетку и растворилась в туманном мраке зимней ночи.

Когда Анна Вырубова вечером 16 декабря рассказала царице, что Григорий Ефимович собирается пойти к Юсупову, чтобы познакомиться с его супругой, царица удивилась: «Здесь какое-то недоразумение. Ирины Александровны сейчас нет в Петербурге, она в Крыму».

Утром, когда Матрена сообщила Анне по телефону о загаданном исчезновении отца, Анна забеспокоилась и поспешила к царице. Подруги долго обсуждали, что бы это означало. Царице нужно было побывать в своем лазарете, и она ушла, но чувство беспокойства заставило ее возвратиться и связаться по телефону с министром Протопоповым, который сообщил, что патрулировавший возле Юсуповского дворца полицейский ночью слышал выстрелы. Случившееся пока что не расследовано. Царица смертельно перепугалась. У нее едва хватило сил дать министру поручение, чтобы он лично организовал расследование и постоянно докладывал о результатах.

Царь в это время находился в Ставке вместе с комендантом дворца Воейковым и адъютантами. Так что царица и Аня оказались совсем одни, без помощи и совета. Они не сомневались, что со старцем случилась беда. Царица не могла представить, что их единственный друг, спаситель сына, надежный советник мужа мог умереть. Что будет с ними без доброты, любви и помощи отца Григория? Среди бесчисленных врагов, злоумышленников и недоброжелателей он был единственным Богом посланным советником. С его кончиной должна погибнуть и царская семья. Это Александра чувствовала совершенно ясно. Рыдая, она бросилась Ане на шею. Аня была единственным человеком, разделявшим ее боль. Со смертью старца и для нее все было потеряно.

Около полудня зазвонил телефон, и Протопопов сообщил обо всем, что полиции удалось выявить.

Согласно докладу дежурившего на Мойке полицейского, вскоре после полуночи раздался выстрел во дворе дворца

Юсупова. Полицейский поспешил туда и там увидел князя. На вопрос, что произошло, князь с улыбкой объяснил, что один из гостей от возбуждения стал стрелять в воздух. У служащего не было причин, чтобы сомневаться в показаниях знатного господина. Он отдал под козырек и решил удалиться. С Юсуповым был еще один господин в военной форме, который вдруг обратился к полицейскому, представился депутатом Думы Пуришкевичем и сообщил: только что убили известного преступника и негодяя Распутина. И если он любит своего царя, то должен все сохранить в тайне. Служащий обещал это исполнить, но, будучи верным долгу, тут же сообщил обо всем околоточному надзирателю.

Уже утром во дворец Юсупова прибыла полицейская комиссия и провела следствие. Был обнаружен кровавый след, идущий по лестнице и поперек двора. Юсупов пытался объяснить, что гость из озорства убил собаку. И действительно, труп животного лежал во дворе. Но власти, однако, установили, что крови намного больше, чем могла бы потерять эта собака.

На основании расследования установлено, что Распутин действительно убит Юсуповым и его друзьями. Но арестовать их невозможно, так как в деле участвовал член царской семьи, а иммунитет распространяется и на остальных участников.

Александра Федоровна теперь узнала в деталях, до чего подлым и трусливым было убийство, как выискивались обстоятельства, чтобы остаться ненаказанными. И когда великий князь Дмитрий по телефону попросил у царицы аудиенцию, она отказала. Следом за ним позвонил Феликс Юсупов с той же просьбой. Ему царица предложила дать письменное объяснение.

К вечеру во дворец действительно пришло послание князя, в котором тот снова объяснял, что Распутин в эту ночь у него не был, и повторялась сказка про мертвую собаку. Царица была возмущена до глубины души и передала письмо Юсупова новому министру юстиции Добровольскому для принятия дальнейших мер. Тяжело переживая случившееся, 17 декабря 1916 года она написала в Ставку своему супругу: «Мы собрались сейчас все вместе, и ты не можешь представить наших чувств: исчез Распутин! Еще вчера у него была Аня, и он сообщил ей, что собирается посетить ночью князя Юсупова. И он действительно уехал на военном автомобиле с двумя лицами в штатском...»

Последние дни Распутин был в превосходном расположении духа. Феликс утверждает, что к нему он вообще не

заезжал, но нет никаких сомнений в том, что он лжет. Я рассчитываю только на Бога и надеюсь, что Распутина где-то спрятали. Протопопов делает все возможное, чтобы выяснить ситуацию. Прошу, отошли к нам Воейкова, потому что здесь одни слабонервные женщины. Нам нужно обеспечить также будущее Ани, подошла и ее очередь. Не хочу и не могу поверить, что Распутин действительно убит! Господи, помилуй нас! Я в отчаянии, но все равно не могу поверить, что его нет в живых!»

В тот же день царица отправила царю две телеграммы: «Немедленно отошли Воейкова, нам нужна его помощь, так как прошлой ночью исчез Распутин. Уповаем на Божью милость. В афере замешаны Феликс и Дмитрий». И другую: «Протопопов делает все, что в его силах. Феликс, желавший уехать в Крым, задержан. Тоскую по тебе. Да поможет нам Господь!»

18 декабря царица послала еще одну депешу: «Молилась в домашней часовне. Следов Распутина не обнаружено. Полиция продолжает поиски. Боюсь, эти двое подлецов сотворили что-то ужасное, но я не теряю надежды. Сегодня же выезжай, ты мне срочно нужен!»

17 и 18 декабря прошли в невыразимом отчаянии и неопределенности, пока Протопопов не сообщил царице, что обнаружен труп Распутина. После того как была найдена его калоша, власти стали пробивать лед на Неве и опускать водолазов. Те обнаружили тело Распутина со связанными руками и ногами, с многочисленными огнестрельными и колотыми ранами. Но в воду он был брошен еще живым, поскольку одну руку ему удалось наполовину вытянуть из петли, а легкие были заполнены водой.

Сразу же по извлечении труп под большим секретом был вывезен из города в приют ветеранов под Чесмой, расположенной по пути к Царскому Селу. Там профессор Косоротое освидетельствовал мертвеца и составил протокол о ранениях и причинах смерти.

Как только царица узнала о местонахождении трупа, она велела монахине Акулине, молившейся в это время в монастыре во здравие Распутина, оказать последние услуги усопшему. Сестра Акулина провела ночь с убитым, омыла его и передела в новую одежду, вложила в руки распятие и прощальное письмо царицы.

«Дорогой мой мученик,— говорилось в этом последнем обращении к другу,— дай мне твое благословение, чтобы оно сопровождало меня на скорбном пути, который осталось пройти в земной юдоли. Вспоминай нас в твоих молитвах на небесах! Александра!»

Утром Акулина доставила гроб с останками старца в Царское Село. Чтобы предотвратить демонстрации, полиция распространила слух, что тело Распутина отправлено в Покровское. В действительности похороны состоялись холодным туманным утром 21 декабря в Царскосельском парке. Могилу выкопали на участке, где Анна Вырубова хотела создать приют для инвалидов. В печальной церемонии участвовали царская чета, великие княгини, Аня, Протопопов, адъютанты Ломан и Мальцев, а также дочери старца и сестра Акулина. Перед тем, как гроб был закрыт, Матрена положила на грудь отца святой образок из Новгорода, накануне подаренный ему царицей. Придворный духовник отец Василий прочитал заупокойную молитву, и бранные останки Григория Ефимовича Распутина были преданы земле.

Царица осталась верна памяти любимого друга и часто приглашала его дочерей в Царское Село. Как она, так и великие княгини, предпринимали все усилия, чтобы утешить беспомощных девочек. Сам царь не раз говорил о своем желании их удочерить.

Подобное преступление, жертвой которого пал Григорий Ефимович, вызвало гнев и возмущение царя. Возвратившись из Ставки верховного главнокомандующего, он так приветствовал служащих двора: «Позор для России, что мои родственники пролили кровь этого человека».

Царь одобрил меры, принятые супругой против убийц во время его отсутствия. И великий князь Дмитрий и князь Юсупов были заключены под домашний арест. Князь Феликс сразу же перебрался во дворец к Дмитрию Павловичу, куда доступ полиции был запрещен, и оба друга вместе ожидали решения своих судеб. Но вскоре развернулась борьба между царской четой и партией великих князей. Царь выразил намерение покарать злоумышленников во что бы то ни стало, но такое решение вызвало величайшее возмущение у великих князей. В желании избавить преступников от наказания особенно отличился Александр Михайлович. Он вызвал министра юстиции Добровольского, возбужденно на него накричал и грубо приказал прекратить дело. Министр не дал себя запугать, сославшись на особый приказ государя, и великий князь сам отправился к царю. Там он устроил такую перепалку, что крик был слышен в других комнатах. Это кончилось тем, что царь указал ему на дверь.

И на этот раз царь проявил слабование. Вместо строгого наказания он отправил великого князя Дмитрия в Персию, а князя Юсупова в отдаленное поселение. Каким мяг-

ким ни было наказание, но и оно вызвало недовольство великих князей. Они написали прошение с требованием вернуть Дмитрия из ссылки. На полях этого документа царь написал резолюцию: «Никто не в праве убивать!» — и оставил свое решение в силе.

«Патриотический поступок» князя Юсупова и его сообщников был расценен по достоинству — т. е. как трусливое и подлое убийство. Повод к такой оценке давало прежде всего поведение злоумышленников после совершения преступления.

Вместо того, чтобы открыто во всем признаться, эти «патриоты» стали лгать без всякой совести и чести, пытались всеми силами отвести от себя подозрения.

Юный дворянин, князь Юсупов, родственник царя, под присягой говорил царице о вещах, несостоятельность которых была очевидна. Правду он решил оставить для мемуаров, которые уже тогда задумал. Точно так же вели себя и другие соучастники — великий князь Дмитрий и хвастливый депутат Думы Пуришкевич.

Здравое чутье подсказывало народу, что никакого героического поступка не было в помине. Конечно, падкие до сенсаций люди в связи с убийством ликовали, и на Невском проспекте можно было встретить карьеристов и хвастунов, приветствовавших убийство Распутина. Но это было результатом систематической травли старца в салонах и в Думе, где его давно представляли каким-то преступником. Все те, кто понапрасну пытался с помощью старца получить хорошее назначение, участие в концессиях или грязной сделке, теперь громко кричали, что с устранением Распутина империя освободилась от кошмара.

Совсем по-другому на смерть старца отреагировали простые крестьяне. Для них он всегда оставался мужицким представителем во дворце, единственным, кто в гуще именитых и богатых господ защищал интересы простого народа. Они любили старца и весть о его убийстве восприняли как чудовищную несправедливость. Во всех сибирских избах оплакивали злую судьбу крестьянина Григория, пришедшего в Петербург, чтобы сказать царю всю правду, и убитого за это придворными.

Многие суеверные люди восприняли убийство Распутина как знак рока и с многозначительным выражением произносили слова: «Если я умру, царь потеряет корону!»

Глава 15 КОВЧЕГ

На путиловском заводе, в Балтийском пароходстве и в Выборге создалось опасное положение. Недовольные рабочие начали устраивать митинги, бросали работу, ораторы призывали к мятежу, к борьбе с дороговизной, к свержению правительства и даже царя. Полиция просила на подмогу войска, но те открывали огонь по полиции, не трогая бастующих рабочих.

«Какое страшное время мы переживаем! — написала 22 февраля 1917 года царю его супруга. — Я и ты чувствуем намного больше, чем можем выразить словами. Что я в состоянии предпринять? Могу только молиться. Наш друг Распутин на том свете молится за нас. Сейчас он стал нам еще дороже. Но как бы я хотела вновь услышать его спокойный, утешающий голос!»

В последующие дни и недели возмущение еще больше усилилось. В Петербурге стояла лютая стужа, но не было дров. Население голодало, не было хлеба. Хлебные лавки осаждались малоимущими, вынужденными ночи напролет стоять в очередях. Все чаще случалось, что люди теряли терпение и попросту их грабили. Царица в эти дни не раз вспоминала, как незадолго до смерти Григорий Ефимович сказал царю, что самое главное — прийти на помощь бедным и голодным, «чтобы народ не потерял веру в любовь царя».

Распутин теперь был мертв. Его советов не слушались, и это стало во всем проявляться. Толпы демонстрантов требовали хлеба и мира, на Невском проспекте почти ежедневно происходили кровавые стычки с полицией. Мятеж обрещался против всей системы, против правительства, против царя. Демонстранты уже запели «Марсельезу» и настойчиво требовали отставки правительства и отречения царя. Правительство оказалось не в состоянии контролировать ситуацию и пало. Министры разбежались. Вскоре восстал гарнизон. Даже гвардия под музыку военного оркестра присоединилась к революционерам.

В это критическое время царь находился в Ставке, далеко от Петербурга. После первых сообщений о волнениях он заявил, что готов, если того желает народ, навсегда поселиться в Крыму, в Ливадии, и там заняться своим любимым цветоводством. Но когда начались серьезные события, он, как это с ним не раз бывало, изменил решение и направил войска на Петербург для подавления мятежа. Однако и эти войска без сопротивления перешли на сторону

революции. Царь понял, что его положение безнадежно. 15 марта на маленькой станции между Ставкой и Петербургом, в салоне своего поезда, он передал представителям Думы манифест об отречении.

22 марта бывший император возвращается в Царское Село как узник нового правительства, где вся его семья находилась уже под строгим военным надзором. В ночь с 22 на 23 марта группа восставших солдат ворвалась во дворцовый парк, разрыла могилу Распутина и отвезла гроб в лес под Парголово. Там сложили большой костер, в который бросили полуразложившийся труп старца, облили керосином и сожгли.

Пять месяцев царская семья прожила под арестом во дворце Царского Села. Вечером 3 августа комендант дворца сообщил ее членам, что они должны готовиться к отъезду, так как Временное правительство в эту же ночь намерено вывезти их из Петербурга. От солдат охраны царица узнала, что предстоит переезд в Сибирь, в Тобольскую губернию, где они по-прежнему будут находиться под стражей.

Как странно: это были как раз те самые места, где родился Распутин и откуда он к ним пришел, чтобы защищать от невзгод! Царица использовала последние часы во дворце, где она провела «двадцать три счастливых года», для прощания со всем, что было ей дорого. Перед отъездом она написала несколько строк дорогой Ане, уже много месяцев заключенной в Петропавловскую крепость.

«Я знаю, тебя ждет большое горе — вынужденная разлука с нами. Нам пока не сообщили, куда нас увозят. Это скажут по дороге. И когда вернемся — неизвестно. Но я предполагаю, что путь ведет туда, где ты не так давно уже побывала. Нас зовет светлая душа друга...»

Была полночь, когда царская семья закончила свои приготовления, и тут сообщили о визите министра юстиции нового правительства Керенского. Семья собралась в большом полукруглом зале для приемов. Появился министр и зачитал решение Временного правительства о том, что «семья гражданина Романова» ссылается в Сибирь.

В пять утра Николай, Александра и их дети были посажены в автомобиль и под охраной отвезены на вокзал и размещены в вагоне. 17 августа они прибыли в Тюмень. Там их ожидал пароход «Русь» для доставки в Тобольск.

На следующее утро они узнали, что проплывут мимо села Покровское, и их охватило неопределимое чувство. Как чудесно Божье провидение, что сейчас они, лишенные тро-

на, униженные и арестованные, проедут мимо этого знаменательного места!

И вот на высоком берегу появляется небольшое чистое село с церквушкой на холме и широкими белыми улицами. Вот дом друга, двухэтажный, выше всех других крестьянских изб.

Собравшись на палубе, они все пристально всматривались в это село. По поручению царицы Аня не раз в нем побывала, жила в доме Распутина и, как он сам и его близкие, спала на простом матраце, ходила с ним и рыбаками по берегу Туры. Аня многое рассказывала своим царствующим друзьям о жизни старца.

С особым любопытством и волнением смотрел на проплывающее перед ним село Алексей. Здесь было то сказочное место с таинственными конюшнями и говорящими конями, с чудесными цветами. Это было место, о котором так мило рассказывал больному мальчику любимый, добрый батюшка Григорий.

Теперь Алексей был уже достаточно взрослым и понимал, что его папа, мама и он сам стали всего-навсего несчастными узниками.

Пароход давно проплыл мимо Покровского, но они продолжали вспоминать о Григории, о том, что он говорил и свершал. Царице вдруг пришло на ум то, о чем рассказывала Аня задолго до несчастья. Григорий Ефимович, проходя с двумя поклонницами мимо Петропавловской крепости, вдруг остановился и взволнованно произнес: «Я вижу тьму замученных, горы трупов! Среди них великие князья и сотни графов! Нева покраснела от крови!»

Сейчас сбывается это пророчество! Они оглянулись в тот миг, когда Покровское исчезло за поворотом реки, и сотворили короткую молитву, как учил их Григорий Ефимович. Пароход не спеша плыл дальше. В сумерках позднего летнего вечера появились очертания Тобольского кремля. Последний российский император со своей семьей медленно плыл по течению навстречу наступающей ночи.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Эта книга написана еще в кайзеровской Германии немецким автором, но целиком посвящена русским событиям. Написана по их живым следам современником Октябрьской революции.

В книге рельефно изображены основные фигуры, определявшие внешнюю и внутреннюю политику Российской империи накануне ее краха: самодержец всея Руси Николай Второй, его супруга Александра Федоровна и их друг — крестьянин Григорий Ефимович Распутин. И все это — на колоритном фоне общественной жизни того времени.

Можно только сожалеть, что это яркое описание царизма в самое критическое для него время выполнено иностранцем. Перевод русских выражений на немецкий, что, без сомнения, пришлось выполнить автору книги, а теперь снова на русский переводчиком-непрофессионалом неизбежно ведет к определенной потере смысловых оттенков.

Перевод выполнен в память о соотечественниках, погибших в российских междоусобицах.

1988.

ОТКЛИКИ НА КНИГУ «СВЯТОЙ ЧЕРТ» РЕНЕ ФЮЛОПА-МИЛЛЕРА

Томас Манн:

Это необыкновенное произведение, волнующее, зловещее и поучительное. Здесь раскрыта истинно русская жизнь, святая и грешная, как в великих и трудных вещах Достоевского. Мне кажется, что «Святой черт» Фюлопа-Миллера по своему необыкновенному эмоциональному воздействию намного выше иных самых фантастических произведений.

Д. С. Мережковский:

«Распутин» настолько интересен, что от него невозможно оторваться. Это первая серьезная книга о нем, и я не могу понять, как мог написать ее не русский.

Кнут Гамсун:

Мне кажется, здесь есть все: анализ фактов, правильное освещение личностей и почти научная основательность.

Гуго фон Гофмансталь:

Фюлоп-Миллер потратил громадные усилия, создавая этот феномен. Я могу с уверенностью сказать, что его усилия не напрасны. Книга имеет большой успех. Использованный автором материал приближает ее к историческому исследованию. Но ни на шаг не отходя от документов, романист оставил место и для своей фантазии. Благодаря этому, создано своеобразное произведение. В эпоху, когда исторический роман вновь воскресает, Фюлоп-Миллер превосходит многих.

Фрильоф Хансен:

Считаю своим долгом поблагодарить Вас за прекрасное произведение. Оно дает достаточно полное представление об очень интересном времени. Иллюстрации в книге представляют особую ценность.

Стефан Цвейг:

Книга превзошла все мои ожидания. Опять я почувствовал, читая это удивительное произведение, что действительность превосходит воображение. Ни Толстой, ни Достоевский не нашли такой удивительной фигуры, как этот «**СВЯТОЙ** черт». Никогда не читал другого романа, который бы так увлекательно раскрывал демоническую фигуру, как это строго документальное и поэтому вдвойне волнующее описание. Книга кажется мне важнейшим документом о Востоке. Ее должен прочесть каждый, кто хочет понять события в России. И всякий раз с любопытством и удивлением смотрю я на очаровательные фотографии, в значительной мере объясняющие волшебную силу этого человека. Убежден, что книга будет известна далеко за пределами Германии и окажет потрясающее и в то же время проясняющее воздействие на весь культурный мир. От всего сердца благодарю Вас за книгу. Уже давно ни одно другое историческое произведение не волновало меня так сильно. Не могу себе представить, что эта фантастическая личность через многие годы вдруг перестанет вдохновлять на дальнейшее исследование ее драматической сути.

Ромен Роллан:

Захватывающее произведение, необыкновенный роман о действительности, как бы несущий на себе печать Достоевского.

Густав Мейерник:

Могу сказать сразу: книгу я буквально **проглотил!** Никогда ничего более интересного мне не попадалось. Но это не только мое мнение. Каждый, ее прочитавший, не остается равнодушным. Не знаю другого, похожего на нее произведения, так глубоко раскрывающего русскую психику.

граф Герман Кейсерлинг:

Фюлоп-Миллер первым так выпукло и достоверно изобразил Распутина.

Карин Михаэльс:

Книгу прочла с *чудовищным* интересом. Рене Фюлоп-Миллер пишет так, что все легко понимается, как в ходе увлекательной беседы, но при этом сохраняется всеохватывающий исторический жанр. Именно так должны писаться школьные учебники! Его книга принадлежит к самым любимым, о которых я всюду говорю, а в узком кругу, не стесняясь, хвалю и цитирую.

ВВЕДЕНИЕ	6
<i>Глава 1</i> ОБЛИКИ РАСПУТИНА	7
<i>Глава 2</i> ГОДЫ УЧЕНИЙ И СКИТАНИЙ	14
<i>Глава 3</i> ПРОПОВЕДНИК ИЗ ПОДВАЛА	30
<i>Глава 4</i> ПЕРЕД ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВОМ	43
<i>Глава 5</i> РОКОВАЯ ИДИЛЛИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ	66
<i>Глава 6</i> ДРУГ	96
<i>Глава 7</i> ПАЛОМНИЧЕСТВО ВЕЛИКОГО ГРЕШНИКА	123
<i>Глава 8</i> ЗАПИСКИ ИЗ ПОДВОРОТНИ	130
<i>Глава 9</i> ОТЕЦ ГРИГОРИЙ ПРИНИМАЕТ	143
<i>Глава 10</i> ПОСВЯЩЕННЫЕ	172
<i>Глава 11</i> ТАНЦЫ ЧУДОТВОРЦА	191
<i>Глава 12</i> БУНТ ПРОТИВ СВЯТОГО ЧЕРТА	208
<i>Глава 13</i> БОЛЬШАЯ РЫБНАЯ ТРАПЕЗА	219
<i>Глава 14</i> УБИЙСТВО ПОД ГИТАРУ	230
<i>Глава 15</i> КОВЧЕГ	264
ОТ ПЕРЕВОДЧИКА	267
ОТКЛИКИ НА КНИГУ «СВЯТОЙ ЧЕРТ» РЕНЕ ФЮЛОПА-МИЛЛЕРА	267

Ф99 **Фюлоп-Миллер, Рене.** Святой черт: Распутин и женщины: Ист. роман/
Пер. с нем. В. Адамова.— К.: Мистецтво, 1991.— 270 с:
ил.

ISBN 5—7715—0560—9 (в пер.): 7 р., 100 000 экз.

Роман написан современником событий, происходящих в нем. Это обстоятельство во многом обусловило живость и достоверность в описании основных его героев: Николая Второго, его супруги Александры Федоровны и Григория Распутина, а также всех реалий общественной и политической жизни предреволюционной России.

4703010100—028

Ф без объявления
М207(04)-91

ББК 84.4Ф

Рене Фюлоп-Миллер

СВЯТОЙ ЧЕРТ
РАСПУТИН И ЖЕНЩИНЫ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Киев, «Мистецтво», 1991

Художественный редактор

В. В. Красий

Технические редакторы

Л. Л. Николенко

Г. К. Юркова

Корректоры

Т. Н. Голубева,

Н. М. Шугай